

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Шекспир мне друг,
но истина дороже

•
Чудны дела твои, Господи!

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова

**Шекспир мне друг, но
истина дороже. Чудны
дела твои, Господи!**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Шекспир мне друг, но истина дороже. Чудны дела твои, Господи! /
Т. В. Устинова — «Эксмо», 2016 — (Татьяна Устинова. Первая
среди лучших)

ISBN 978-5-04-180606-4

«Шекспир мне друг, но истина дороже» В командировке в Нижний Новгород режиссеру Максиму Озерову и его напарнику Феде предстоит записать спектакль для радио. Старинный драматический театр встречает москвичей загадками и тайнами. А прямо во время спектакля происходит убийство. Странной смертью умирает главный режиссер Верховенцев, и на ведущую актрису тоже покушались... Максим Озеров начинает собственное расследование. И время от времени и Максиму и Феде чудится, будто вся эта поездка была придумана не ими, а кем-то неизвестным и всемогущим, кто просто захотел поговорить с ними о любви... «Чудны дела твои, Господи!» Как только Андрей Ильич Боголюбов вступает в должность директора музея в Переславле, вокруг начинают твориться странные, «чудные» дела. Бывшая директриса внезапно умирает. Ему угрожают и пакостят: прокалывают покрышки, подбрасывают омерзительные записки, подозревают в попытках закрыть музей, даже пытаются убить... Скоро становится очевидно: в музее происходит нечто необъяснимое, грандиозное и темное. Боголюбову всерьез приходится взяться за расследование. И разобраться в своих чувствах к бывшей жене, которая неожиданно и совсем некстати появляется на пороге его нового дома, – воистину, чудны дела твои, Господи!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180606-4

© Устинова Т. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Шекспир мне друг, но истина дороже	7
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Татьяна Витальевна Устинова
Шекспир мне друг, но истина дороже
Чудны дела твои, Господи!

© Устинова Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Шекспир мне друг, но истина дороже

Всю ночь ревел и грохотал запутавшийся в кровле ветер, и ветка старой липы стучалась в окно, мешая спать. А с утра пошел снег. Максим долго и бессмысленно смотрел в окно – просто чтобы оттянуть момент, когда все же придется собираться. Крупные хлопья кружились в ноябрьской предрассветной метели, медленно падали на мокрый почерневший асфальт, фонари мерцали в лужах уродливыми бледно-желтыми пятнами. Москва из последних сил ждала настоящей зимы – чтобы, как только она придет, начать ждать весну. Максим больше всего на свете любил весну – зеленую, жаркую, полуденную, осоловелую, с квасом из бочки и прогулками в Нескучном саду – но до нее еще жить и жить, и как-то не верится, что доживешь.

Свет бил по глазам, в голове гудело, будто в трансформаторной будке. Ведущий новостного канала – возмутительно бодрый для половины шестого утра – рассказывал, что «предсказанное потепление на европейской территории немного задерживается и ожидается снегопад». «Иди к черту!» – посоветовал ведущему Максим Озеров и выключил телевизор.

Сашка уже убежала на дежурство. В ее умении просыпаться в неизменно хорошем расположении духа заключалось необъяснимое для Озерова шаманство: Сашка была весела, легка, всегда с удовольствием завтракала и всем своим видом напоминала Максиму породистую деловитую таксу, собравшуюся с хозяином на лису. Сам он так не умел: чтобы встать, ему приходилось заводить по десять будильников, по утрам кровоточили неизвестно откуда взявшиеся за ночь заусенцы. Озеров замерзал, шаркал ногами, сшибал углы и мучился от осознания собственного несовершенства и душевной лени. Сашка его жалела и – если ему случалось уходить раньше – готовила завтрак. Он всегда отказывался, а она его заставляла есть.

На столе стояла чуть теплая турка с остатками кофе и громадная старинная корзина с крышкой, ремнями и потемневшим латунным замочком. Корзина была покрыта махровым кухонным полотенцем. Из-под полотенца торчал полированный термос и оптимистический край краковской колбасы. К корзине был пришпилен листочек с подписью: «С собой».

Значит, снег?.. Максим Озеров с вызовом вытащил из шкафа и оглядел свой красный походный, с подранным рукавом пуховик. Ну пуховик, а что такое?.. Если снег валит, впереди четыреста верст с гаком, значит, пуховик, а вовсе не щегольское пальтецо, на которое он рассчитывал! Предсказанное потепление задерживается, ясно сказано. То есть, видимо, его следует ждать к весне.

– Весна! – продекламировал Максим в тишине квартиры. – Выставляется первая рама! И в комнату шум ворвался! И благовест ближнего храма! И говор народа! И стук колеса!

Хорошо хоть вчера на сервисе проверили колеса – все четыре, – и ни одно не стучит. Он влез в пуховик, закинул рюкзак на плечо, схватил Сашкину корзину – та приветственно хрустнула – и вышел вон.

Озеров гнал свой внедорожник из Москвы, натужно скрипели «дворники», широкие шины с гулом давили мутную воду в раскатанной колее федеральной трассы «Волга», фары резали серую пелену снега и мороси. Вчера он договорился заехать на дачу за Федей – Кратово было по пути, но сейчас Максим надеялся, что Величковский проспит, и тогда он на нем отыграется. Поблуждав немного по старому и очень сонному поселку, Озеров наконец вывернул на нужную улицу.

У ворот одного из домов маячила сутулая фигура, облаченная в ядовито-зеленый балахон, чудовищных размеров брезентовые штаны и оранжевые меховые мокасины. Образ завершала надвинутая на глаза банная войлочная шапка с надписью крупной вязью «Пар всему голова». В одной руке фигура держала рюкзак размером с небольшой дом, в другой – Озеров почти не поверил глазам! – бутылку шампанского; по балахону, оказавшемуся сноубордической курткой с львиной мордой на спине, струился черный провод наушников.

Федя Величковский не проспал.

– Господин режиссер! Что же вы мне не сигнализировали? Мы же уговорились, что вы будете звонить! А вы? Надули мальчонку? – Федя, кое-как упихав в багажник свой невероятный рюкзак, бесцеремонно залез в корзину с Сашиними припасами, оценивающе обнюхал колбасу и с энтузиазмом и даже с некоторым вождением спросил: – А яйца вкрутую и свежие огурцы есть?..

– Товарищ сценарист! – Озеров зевнул, не разжимая челюстей. – Сарынь на кичку! Садись давай!

– И вам доброго утра!

Хлопнули двери, довольно рыкнул бензиновый «вэ-восемь», и «лифтованный» темно-зеленый с ярко-оранжевым шноркелем джип весело покотился по размытой поселковой дороге.

Величковский сбросил меховые мокасины и, подобрав под себя ноги, как йог, устроился в широченном кожаном кресле.

– Завтракать будем во Владимире на заправке, – распорядился он. – Я все продумал.

Под глупой войлочной шапкой нестерпимо чесалась голова, но Федя твердо решил, что шапку ни за что не снимет. Во всяком случае, пока начальник не обратит на нее должного внимания.

– Угу, – без всякого энтузиазма отозвался Озеров.

Нет уж, одним «угу» дело не обойдется! Величковский почесался и продолжил проникновенно:

– Вы, господин режиссер, заправите свой экипаж, а я – Чайльд Гарольд – буду заедать скверно сваренный кофе сосиской в тесте. Устроившись за столиком у окна, буду смотреть на стремительные авто, пролетающие сквозь туман из черно-серебристой взвеси снега и дождя в... эээ... – Федя на секунду запнулся, подбирая наиболее пошлый эпитет, – в едва вылупившееся, неприветливое хмурое утро.

– Низкопробно! – вынес вердикт Озеров.

Для Величковского это была вторая поездка, он пребывал в прекрасном настроении, любил весь мир и особенно себя в нем. Приглашение в экспедицию было равносильно вовлечению в круг посвященных, особым знаком, который означал «ты свой среди своих». Что-то вроде высшей правительственной награды и очень закрытого клуба, куда принимали только самых верных, близких и перспективных. «Близким и перспективным» Федя был всего полгода. И никто – даже Озеров – не догадывался, как ему это нравилось!

Командировки придумал Владлен Арленович Гродзовский – генеральный директор «Радио России», акула, столп и Мефистофель радиийного мира. Несколько раз в году Гродзовский именным указом отправлял Озерова – своего главного режиссера, поделника и десницу – в какой-нибудь провинциальный город с театром, где Максим виртуозно и очень быстро записывал спектакли по русской и иностранной классике для Госрадиофонда. Постановки получали европейские премии, уездные театры – славу и небольшой приработок, а сотрудники радио – ощущение причастности и отдыха без отрыва от родного производства. Работа в таких поездках всегда была... чуточку понарошку.

Вот и теперь главный режиссер, лауреат всего и абсолютный профессионал Озеров был уверен, что с чеховской «Дуэлью» в нижегородском Государственном театре драмы управится дня за два. В худшем случае – за два с половиной. А дальше – неделя официальной командировки, когда можно болтаться по городу, бродить по музеям, сходить на комедию в театре, где уже все свои, пить пиво и есть раков в ресторанах на набережных. Именно так сейчас представлялись Озерову «несколько дней из жизни московского режиссера в Нижнем Новгороде».

Работы для Величковского не было никакой – его везли исключительно в награду за труды. Скорее даже авансом. Он был неплохим автором, и Озеров безошибочным чутьем определил, что со временем станет очень даже неплохим!.. Федя талантливо и совершенно бес-

стыдно писал любую, даже самую лютую конъюнктуру, соблюдал такт, умел задавать вопросы, производить нужное впечатление, знал, когда можно спорить и когда надо согласиться, и не прощал себе халтуры.

Он был ленив, непунктуален, прикидывался фрондером и циником.

Озеров подобрал Федю на утреннем спортивном канале, где тот работал корреспондентом и прославился минутным сюжетом про веломарафон, сумев на спор восемнадцать раз употребить слово «когеренция», да так ловко, что материал вышел в эфир.

Вести машину было тяжело. Снегопад только усиливался, и трассу ощутимо припорошило. Здоровенный внедорожник скользил и плавал в колее, Максиму постоянно приходилось «ловить» рулем его рысканья, а в метели все сливалось: и редкие воскресные машины, аккуратные, настороженные в тумане, и сереющий язык шоссе со смазанной разметкой, и разбитая грязная обочина...

– Ну и погодка! – изрек Федя. Он достал из кармана своих невообразимых штанов электронную сигарету, откинулся на спинку кресла и попытался затянуться – не получилось. – Как это работает?

– Заболел? – Озеров, скосив один глаз на Федю, выхватил у него изо рта сигарету и бросил ее в подстаканник между сиденьями. – В моей машине не курят!

– Они экологичные, – возразил Федя.

– Зафрахтуй во Владимире автобус и кури себе, – пригрозил Озеров, – иними эту войлочную кепку!

– Ну наконец-то, Максим Викторович! – Федя бросил шапку на заднее сиденье и принялся с упоением, как обезьяна, чесаться. – Я в ней два часа сижу, как дурак, а вы только заметили! Где ваша режиссерская наблюдательность?

– Я машину веду. Наблюдаю за дорогой.

– Все равно, – продолжал Федя с энтузиазмом. – Для нас, работников искусства, самое главное – наблюдать за жизнью и делать выводы. Вот вы делаете выводы из жизни, Максим Викторович? Наблюдаете ли вы за ней?

– Сейчас нет.

– А я наблюдаю всегда! И категорически утверждаю, что любое событие можно восстановить по его финалу! Если вы знаете, чем именно оно закончилось, как наблюдательный человек, вы всегда сможете сказать, что именно послужило толчком! Так сказать, понять, что было вначале – слово или не только слово, а еще кое-что!

– М-м-м, – протянул Озеров, – чего ты начитался-то? Американских психологов? Или на тебя так старик Конан Дойл подействовал?

Перед самой командировкой Федя закончил сценарий по рассказам о Шерлоке Холмсе. Он долго возился, примеривался и в конце концов раскопал какой-то дореволюционный перевод, вот сценарий и получился занятный и совершенно не узнаваемый, как будто Конан Дойл вдруг взял и написал совершенно новую историю.

Максиму так понравился этот сценарий, что он даже начальству его показал. Начальство подумало и распорядилось взять перспективного Федю в Нижний. Мальчик должен отдохнуть, развеяться и почувствовать себя «частью целого».

– И этой фигней обзавелся! – Максим кивнул на подстаканник, в котором болталась электронная сигарета. – Трубку бы лучше купил.

– Я не курю, вы же знаете! Мамаша против, да и вообще Минздрав предупреждает! Но как писателю без цыбареты? Посмотрите вокруг – все выжит, все серо, все темно. Пустота и мрачность! В душе хаос и страсть к разрушению!

– Это у тебя в душе хаос и страсть?

– А что? – заинтересовался Федя. – Не заметно?

В Петушках метель пошла на убыль, а во Владимире и вовсе улеглась. Они перелезли через какую-то невидимую стену, за которой вдруг не осталось вьюги и предстоящей зимы. Небо стало подниматься, черный, сырой от снежной взвеси асфальт высох, стал тут же пыльным, «дворники» впустую скрипели по лобовому стеклу. Какое-то время их джип мчался будто бы по границе между временами года, а потом вдруг где-то наверху ослепительно ярко сверкнуло солнце. Оно брызнуло сквозь дыру в небесах, прорвав облака, залило дорогу, поля, черневший в отдалении лес, искрой блеснуло в зеркале заднего вида бегущей впереди легковушки, отвесно упало на пыльное торпедо джипа. Бесконечную слепую серость сменила контрастная зелено-сизая дымка, пронизанная теплым солнечным светом, последним в этом году.

Они нацепили темные очки – движение получилось синхронным и «крутым», как в фильме про спецagentов и инопланетян. Озерова это развеселило.

Вечно забитая фурами владимирская окружная оказалась абсолютно свободной. Федя, провозгласивший себя штурманом и уткнувшийся в «девайс», отбросил его за ненужностью. Интернет едва шевелился, пробки не загружались, а Озеров знай себе давил на газ – технологии в очередной раз были посрамлены.

– А вы, господин режиссер, знаете, куда править? – спросил Федя. Он выудил из бардачка помятый зеленый атлас и принялся скрупулезно его изучать. – Мы в квадрате Е-14, правильно? Или... или С-18?

И стал совать атлас под нос Озерову. Максим атлас оттолкнул.

– Тут по прямой, Федь. По прямой аж до самого Нижнего. Авось не промахнемся.

Они ехали деревнями. Почему федеральная трасса проложена через деревни? Неудобно это, медленно, небезопасно, да и вообще!.. Федя всегда стеснялся, но ему страшно нравилось это азиатское варварство. Была в нем какая-то правильность – без деревень и дорога не дорога!.. Он любил читать странные названия, угадывать ударения – чем дальше от Москвы, тем проще ошибиться: Ибреть, Липяной Дюк, Ямбирно, Ахлебинино... Феде было жаль покосившихся, почерневших ветхих деревенских домов, разрушенных то ли вибрациями от многотонных грузовиков, круглыми сутками шедших по прорубленной прямо посреди поселка трассе, то ли злодейским попустительством хозяев, то ли просто каким несчастьем. Поэтому он всегда в каждой деревушке по пути выискивал какой-нибудь крепкий, справный, надстроенный, блестящий свежей, не облупившейся краской дом – просто чтобы радоваться ему и думать: «Вот какая красота!»

Он никогда и никому в этом не признался бы – все же он фрондер и циник, знающий, что жизнь мрачна и несправедлива. Да и лет ему немало, двадцать четыре весной стукнуло. И за плечами у него всего полно – ссора с отцом из-за выбора профессии, университет, гордый отказ от аспирантуры, неудачный роман, неудачный первый сценарий, неудачный первый репортаж!.. В общем, Федя был закаленным бойцом, но до слез жалел бездомных собак и от души радовался справным домикам.

Сразу после Владимира он начал ныть и скулить, что хочет есть и «размяться». Озеров какое-то время отвечал, что он должен быть мужественным и терпеть лишения – это была игра, она веселила обоих, – а потом Максим зарулил на заправку.

Федя затолкал ноги в мокасины, замяв задники, и вывалился наружу.

– Холод собачий! – провозгласил он с восторгом. – Подайте мне шапочку, Максим Викторович, в уши надует!

Озеров кинул ему шапку «Пар всему голова», которую Федя немедленно напялил.

– Вы пока управляйтесь, а я в очередь! Вам эспрессо или капучино?

– В какую еще очередь? – под нос себе пробормотал Озеров, выбираясь из машины. – Откуда здесь очередь?

Небеса сияли, и было так холодно, что дыхание застывало и, кажется, шуршало около губ. Максим застегнул под подбородком воротник пуховика. После долгого сидения в машине его пробирала дрожь. А Сашка думала, что у него будет «пикник на обочине», корзину собрала!..

– Максим Викторович! – закричала высунувшаяся из стеклянных дверей голова Величковского. – Вы припасы-то захватите!

– Балда, – под нос себе сказал Озеров и прокричал в ответ: – Не захвачу! Сам съем!

В помещении заправки было чисто, светло и вкусно пахло – кофе и сдобой. К прилавку с булками стояла очередь, столики в кафе все были заняты. Федя сидел за стойкой у окна на высоком никелированном стуле, второй предусмотрительно придерживал рукой и неистово замахал Максиму, как сигнальщик на борту корабля.

– Что ты машешь?

– Да тут видите какой ажиотаж наблюдается! Теперь вы держите стул, а я пойду в очередь. Вам капучино или эспрессо? Хотите, я принесу из багажника шампанское, вы напьетесь, а дальше я поведу?

– Федь, дуй в очередь. Мне чай. Черный.

– С молоком? – уточнил Федя. – Как кухне Бетси?

Они прихлебывали из больших стеклянных кружек, Федя откусывал попеременно то сосиску, то «улитку сладкую с ванильным кремом». Еще одна сосиска – запасная, – дожидалась на пластиковой тарелке, и Феде весело было думать, что все еще впереди.

– Так что – детали! – провозгласил он с набитым ртом. – Самое главное детали, Максим Викторович. Оскар Уайльд сказал, что только очень поверхностные люди не судят по внешности! Вот к примеру! О чем вам говорит моя внешность?..

Озеров засмеялся и оглядел Федю с головы до ног – тот немедленно напялил шапку «Пар всему голова».

– Твоя внешность говорит мне о том, что ты лентяй, разгильдяй и самоуверенный тип. – Федя с удовольствием кивал. – Какой у тебя рост? Метр девяносто?

– Три, – подсказал Федя. – Метр девяносто три.

– Всякая форма тебе противна.

– Из чего вы делаете такой вывод, Максим Викторович?

– Вместо того чтобы принять сколько-нибудь приличный вид – все-таки едешь в командировку, да еще с начальством, да еще в незнакомое место! – ты напяливаешь на все свои сто девяносто три сантиметра безразмерные брезентовые штаны и куртку, подозрительную во всех отношениях. Человека в таких штанах и куртке уж точно нельзя принимать всерьез, но ты об этом даже не думаешь.

– Не думаю, – подтвердил Федя, тараща шоколадные глаза. – Я знаю, что вы ко мне относитесь всерьез, а на остальных мне наплевать. Заседания, свидания и любовные куры в ближайшую неделю не планируются. Так что ваш вывод неверен. Неверен, коллега!..

«Коллегами» всех называл отец-основатель и «организатор наших побед» Гроздовский, и Феде страшно нравилось такое обращение.

– Но эксперимент должен быть чистым! Меня вы хорошо знаете и, следовательно, пристрастны. Но вот – остальные люди! Что вы скажете о них?

– Федь, доедай и поедем.

– Подождите, Максим Викторович! Что вы, право? Воскресенье в полном нашем расстройстве, а мы уже проделали путь, сравнимый...

– Сегодня вечером спектакль. Я хочу посмотреть.

Федя нетерпеливо махнул рукой с зажатой в ней сосиской.

– Мы успеем, и вы об этом прекрасно знаете!.. – Он перешел на шепот: – Вон сидит парочка. Ну, вон, вон, за тем столиком! Что вы о них скажете?

Озеров непроизвольно оглянулся. Мужчина и женщина, довольно молодые, жевали бутерброды, каждый глядя в свой телефон.

– Они поссорились, – сообщил Федя в ухо Максиму. – Поездка не задалась! Вы обратили внимание, как они расплачивались за еду? Они стояли в очереди вместе, а заказывали отдельно, и каждый заплатил из своего кошелька. Сели тоже вместе! То есть они пара, но поругались в пути. Должно быть, она настояла на воскресной поездке к мамаше, а он собирался с друзьями в баню.

– Федь, иди сам в баню!..

– А вон та блондиночка на «Форде» клеит бобра из «БМВ», – Федя показал за стекло. Озеров, против воли заинтересовавшийся, посмотрел на улицу. – Она очень долго танцевала возле своей машины, будто не знала, как вставить пистолет в бак. Но он все не обращал внимания. А теперь она просит его залить ей омыватель, видите?

На стоянке действительно стоял старенький «Форд», а возле него топтались юное платиноволосое создание в крохотной белой шубке и дюжий мужик в кожаной куртке, не сходившейся на животе, на самом деле похожий на бобра. В руках юное создание держало канистру, а мужик шарил под капотом старичка «Форда», стараясь поднять крышку.

– На самом деле она все сама умеет, – продолжал Федя Величковский. – Когда бобер был на подходе, с поворотником на шоссе стоял, она крышку уже открывала. И сразу захлопнула, как только он повернул!

Максим посмотрел на своего сценариста, как будто впервые увидел.

– Слушай, а ты, оказывается, фантазер! Может, из тебя правда писатель выйдет. Главное, врешь от души. И никак тебя не проверишь.

– Почему не проверишь? Можно подойти и спросить! Хотите, я спрошу! Легко! Между прочим, Булгаков...

– Может, поехали, а? – почти жалобно попросил Озеров.

– Вы идите, а я сейчас, только еще одну сосисочку возьму. Вам взять?

– Лопнешь.

Солнце светило вовсю, дорога лежала впереди просторная и широкая, упиралась в сияющий холодный горизонт, до Нижнего Новгорода оставалось еще двести километров с гаком.

Как хорошо, думал Федя Величковский, что еще далеко. Он с детства любил ездить «далеко».

– Это наше последнее свидание. Я ухожу.

Ляля, грохотавшая кастрюлями на полке, замерла и аккуратно пристроила большую крышку от сковородки на маленький ковшик. Крышка не удержалась и поехала.

– Ромка, что ты... сказал?

– Ляль, ты все понимаешь. И давай без истерик, ладно? У меня вечером спектакль. После спектакля я поеду к себе.

– Куда к себе? Подожди, – сказала Ляля, нашарила табуретку, села, тут же вскочила и опять плюхнулась, как будто ее не держали ноги. – Спектакль да, я знаю, но... Нет, подожди, так же нельзя...

Она собиралась варить кашу – Роман перед спектаклем ел исключительно кашу и пил черный кофе, – и теперь сильно открытый газ полыхал и сипел, вырываясь из конфорки. Выключить его Ляля не догадывалась.

– Ну все, все, – он подошел и погладил ее по голове. – Ну, ты же умница, старуха!.. Ты ведь все понимаешь. Мы же оба знали, что рано или поздно...

– Подожди ты! – дрожащим голосом перебила его Ляля. – Что рано или поздно?! Я же тебя люблю!

– И я тебя люблю, – сказал Роман и прижал ее голову к себе. – Поэтому мы расстаемся. Так гораздо лучше, правильнее!

Несмотря на то что в первую же секунду она поняла, что все закончилось и он от нее уйдет, уйдет именно сегодня, сейчас, она вдруг поверила, что обойдется. Он ее любит. Он же сам только что сказал.

– Ромка, подожди, – попросила она. – Ты мне объясни, что случилось?.. – И зачем-то подсказала: – Ты меня разлюбил?

Он вздохнул. Под ее щекой у него в животе забурчало.

– Наверное, и не любил никогда, – признался он задумчиво. – То есть я любил и сейчас люблю, но не так, как надо!..

– А как?! Как надо?

Ляля вырвалась, слезы показались у нее на глазах, и она стала быстро-быстро глотать, стараясь проглотить их все до единой.

– Лялька, не истери! – прикрикнул Роман. – Наши дороги должны разойтись. Я решил, пусть они лучше разойдутся прямо сейчас. Зачем продолжать, когда понятно, что продолжения не будет?

– Но почему, почему не будет?!

Морщась, он отошел и встал, привалившись плечом к дверному косяку. Очень высокий, очень красивый и озабоченный «сценой расставания».

– Ну... по всему, Лялька. Я, наверное, в Москву уеду. Эта столичная знаменитость спектакль у нас запишет, и я уеду. Я больше не могу... тут. – Подбородком, заросшим корсарской щетиной, он показал куда-то в сторону ходиков, которые мирно тикали на стене.

Ходики тикали, не обращая внимания на катастрофу, только что разметавшую Лялину жизнь в щепки. Им было все равно.

– Ты не думай, что я пошляк! Но мне правда здесь тесно. Ну что меня ждет? Тригорина я сыграл, Глумова тоже. Мистера Симпла сыграл. Ну, кого мне еще дадут? Я же старею, Ляля.

– Тебе всего тридцать два, – произнесла она, чтобы что-нибудь сказать.

Синее газовое пламя, разрывая конфорку, сипело и плясало у нее перед глазами.

– Уже тридцать два! Уже, а не всего!.. Каждый день по телевизору показывают мальчиков и девочек, которым по двадцать пять, а они звезды! Их знает вся страна, хотя они бесталанные, как... как бараны, я же вижу! Мне давно надо было уехать, десять лет назад, но я все тянул. А теперь вот... решился.

– Ромка, ты не уйдешь от меня.

– Если бы ты меня любила, – сказал он с досадой, – ты бы сама меня выпроводила давно. Мне нужно развиваться, или я погибну. А ты такая же эгоистка, как все.

Тут его вдруг осенило, на что нужно напирать в «сцене расставания» – именно на эгоизм и настоящую любовь. Он воодушевился.

– Ты же знаешь, с кем имеешь дело! Я артист, а не плотник вроде твоего тупорылого соседа!.. Я должен расти над собой, иначе зачем? Зачем я родился? Зачем вынес все муки?

– Какие муки? – сама у себя тихонько спросила Ляля. Она тоже поняла, что он «ухватил суть мизансцены», сейчас доиграет и уйдет. И она останется одна.

Ходики продолжали тикать, а газ – сипеть.

Вся Лялина жизнь на глазах обращалась в прах, а Ляля сидела и смотрела, как она обращается.

– Если бы ты меня любила, ты помогала бы мне по-настоящему! Ты бы не давала мне ни минуты покоя! Заставляла добиваться большего. Бороться и побеждать!

– Ромка, ты всегда говорил, что дома тебе нужен как раз покой и больше ничего. Что ты все отдаешь зрителю. И я тебе помогала! Правда, я старалась. Я всегда подбираю репертуар, чтобы тебе было что играть! Мы даже с Лукой из-за этого то и дело ссоримся!

Лукой за глаза иногда называли директора драматического театра, где Ляля работала заведующей литературной частью, а Роман не работал, а «служил». Он знал, что большие артисты всегда «служат в театре».

– Ты умная взрослая тетка, – сказал Роман устало. – Ты же не могла всерьез предполагать, что я на тебе женюсь!

– Я... предполагала, – созналась Ляля.

Он махнул рукой.

– Ну, что ты от меня хочешь?.. Я не останусь. Я должен вырваться.

Она кивнула.

Он еще постоял в проеме, глядя на нее. Доигрывать мизансцену ему не хотелось. Как-то совестно стало, что ли. Странное чувство.

– Ну, я в театр, – сказал он наконец. – Вечером меня не жди. Ты все понимаешь, моя хорошая!..

«Хорошая» все понимала.

Все же она была на самом деле «умной теткой» и прочитала за свою жизнь горы разной литературы. Из этой литературы она знала, что так бывает, и даже довольно часто. Даже почти всегда. Любовь заканчивается крахом, надежды гибнут, мечты оказываются растоптанными.

...Ты больше не нужна. Ты делала для меня все, что могла, – подбирала мне спектакли, выискивала роли, уговаривала строптивых режиссеров. Теперь я «встал на крыло», и твоя опека мне мешает. Я уеду – в Москву, в Нью-Йорк, на Северный полюс, – и там у меня начнется новая жизнь. Тащить за собой старую не имеет смысла, да и скучно. И вот еще, самое главное, – я тебя разлюбил.

А теперь мне пора. Ты все понимаешь, моя хорошая. Как я тебе благодарен.

– Я тебе очень благодарен, – пробормотал Роман не слишком уверенно. – Вещи... я потом, ладно?

– Ладно.

На крыльце что-то загрохотало, старый дом вздрогнул, как будто все еще был цел, как будто только что не обратился в прах.

– Хозяйка! – закричали откуда-то. – Ты дома?

Роман, который хотел еще что-то сказать, махнул рукой. Ляля сидела и смотрела, как он торопливо сдергивает с крючка куртку и напяливает ее, с ходу не попадая в рукава. Входная дверь, обитая для тепла черным дерматином, распахнулась, и, нагибая голову, в дом вошел сосед Атаманов.

– Здорово, – сказал сосед. – Ляль, я карнизы сделал. Заносить?

– Пока, – одними губами молвил Роман из-за его плеча. – Я тебя люблю.

Хлопнула дверь. По крыльцу прозвучали легкие, освобожденные шаги.

– Ты чего такая? – спросил Атаманов. – Газ у тебя шпарит! Белье, что ль, кипятить собралась?

Ляля сидела на табуретке и рассматривала свои руки. Лак на ногтях совсем облупился. Завтра она собиралась на маникюр. Сегодня никакого маникюра быть не может, сегодня у Романа спектакль. Он играет главную роль. Она должна присутствовать. Он всегда говорит, что ее присутствие поддерживает его. А завтра в самый раз. После спектакля Ромка будет спать до полудня, и она успеет сбежать в салон.

– Карнизы, говорю, сделал. Прибивать сейчас будем?

Сосед один о другой стянул ботинки – Роман всегда говорил, что разуваться у порога плебейская привычка, – прошел на кухню и завернул газ. Сразу стало тихо, как в склепе.

Ляля посмотрела по сторонам, ожидая увидеть склеп, но увидела собственную кухню и соседа Атаманова.

– Что тебе нужно?

– Ляль, ты чего?

– Уходи отсюда, – выговорила она. – Уходи сейчас же!

– А карнизы?

Оттолкнув его с дороги, Ляля кинулась в комнату, обежала ее по кругу, свалила стул, распахнула дверь в спальню, где царил разгром – Роман всегда оставлял за собой разгром. Ляля затрясла головой, завывала, саданула дверью, выскочила на улицу и побежала.

У калитки остановилась и побежала обратно. Добежав до крыльца, на которое выбрался донельзя изумленный сосед Атаманов, она ринулась к калитке.

– Стой! Стой, кому говорю!..

Сосед перехватил ее, когда она уже дергала щеколду.

– Ты чего? Что это такое?

– Пусти меня!..

Но Атаманов был здоровенный крепкий мужик. Он обхватил Лялю и понес. Она вырывалась, лупила его и кричала. Он затащил ее в дом, захлопнул обе двери и сказал сердито:

– Чего ты голосишь? Соседи кругом!

Ляля ушла в комнату, села на диван и уткнулась лицом в колени, как будто у нее заболел живот.

– Бросил? – спросил из коридора сосед.

Ляля покивала в колени.

– Терпи, – сказал Атаманов.

– Я не могу, – призналась Ляля.

– Да чего там...

– Я не могу, – повторила она глухо.

Сосед топтался и вздыхал. Ляля качалась взад-вперед.

– Не пара он тебе, – сказал сосед наконец.

Ляля опять покивала. Лицо у нее горело.

– Ты женщина... – он поискал слово, – порядочная. А это обмылок какой-то!

– Я тебя прошу, Георгий Алексеевич, уйди ты от меня.

– Как же я уйду, – удивился сосед Атаманов, – когда ты не в себе?

Он еще потоптался и вышел, хлопнула дверь.

Ляля стала тихонько подвывать, и ей сделалось так жалко себя, никому не нужную, старую, толстую, растрепанную женщину, которую только что бросил единственный в мире мужчина, что слезы полились обильно разом и затопили ладони, в которые она уткнулась. Ляля схватила вышитую жесткую подушку и стала вытирать их ею, а они все лились и лились, стекали по вышивке.

Все это больше никому не нужно – ни вышивки, ни подушки, ни молочная каша, которую она наострилась варить. И дом никому не нужен, и сад. Ее жизнь больше никому не нужна. Ромка сказал, что он не просто разлюбил. Он никогда не любил ее так, «как надо». Что с ней не так? Почему ее нельзя любить, как надо?

Ляля и не заметила, как в комнате опять появился сосед Атаманов. Она ничего не видела и не слышала и почувствовала только, как он толкнул ее в бок.

– Поднимайся, помогать будешь.

Ляля боком легла на диван, прижав к лицу подушку.

– Давай, давай, чего там!..

Он приволок из кухни табуретки, утвердил их возле окна и снова стал толкать Лялю.

– Я не могу, – выговорила она.

– А в другой раз я тоже не смогу, – грубо отозвался Атаманов. – У меня дел полно! Вон морозы пришли, а у меня розы по сию пору не накрытые, погибнут все. Вставай!..

У нее ни на что не осталось ни сил, ни воли. Залитая слезами, она неуверенно поднялась, как будто тело не слушалось ее, и встала посреди комнаты, свесив руки.

– Держи.

Сосед сунул ей тяжеленную холодную дрель, за которой волочился черный шнур, и Ляля покорно ее приняла, а он взгромоздился на табурет и сказал сверху негромко:

– Газетку принеси, поддержишь, чтоб пыль не летела, а дрель мне подай.

Ляля отдала ему дрель, разыскала на вешалке под пальто и куртками старую газету и влезла на табуретку. Все это она проделывала, как будто наблюдая за собой со стороны – вот косматая, залитая слезами, страшная женщина, шаркая тапками, идет в коридорчик, нагибается, шарит, потом, сгорбившись, несет газету, словно в руке у нее тяжеленный груз.

– Ровно держи, не тряс руками.

Дрель завизжала, стена завибрировала, на газету посыпались мелкие желтые опилки. Визжала она довольно долго.

– Не нужно, – сказала Ляля, и сама себя не услышала из-за визга, – это все больше никому не нужно.

Но сосед Атаманов каким-то образом все расслышал и остановил дрель.

– Не нужно! – Он покрутил головой. – Как же не нужно? Так и будешь без штор всю зиму сидеть, проходим глаза мозолить?

– Да какая теперь разница.

– Ты, Ольга, молодая еще, и потому я строго тебя судить не могу. Охота переживать, ты и попереживай, поплачь, но в голове держи: ушел, и слава богу!..

– Почему? – спросила у него Ляля. – Почему он ушел? Что я сделала не так? Я же старалась! Я все для него!.. Я каждый день...

– Да при чем тут ты-то? – и Атаманов опять наострил дрелью в стену. – До чего вы все, бабы, чувствительные, где не надо! Не от тебя он ушел, он вообще ушел! Он и от следующей уйдет, и от той, которая через одну будет, тоже уйдет!

Ляля зарыдала, труха с газеты посыпалась на пол.

– Да не трясись ты! – прикрикнул сосед. – Полы кто будет мыть? Сама же и будешь!

Ляля покорно перестала рыдать и только всхлипывала судорожно.

Сосед еще посверлил немного и опять остановил дрель.

– Очень вы на красоту падкие, – продолжал он с досадой. – Вам чем мужичонка краше, тем лучше, выходит. А дальше фасада-то вы не видите ничего, как куры заполошные. Артист твой ведь никто, ничто!. Ни по хозяйству, ни по дому. Где это видано – при нормальном мужике с ногами-руками ты по соседям ходишь, то крыльцо починить, то рамы вывалились, то лестница скосбочилась!..

Ляля вдруг оскорбилась:

– Не стану я тебя больше ни о чем просить.

– Да ты хоть проси, хоть не проси, у меня глаза-то есть!.. Какой от него прок, от артиста?! Вот ты мне скажи! Нет, ты скажи! Представление он дает – это я согласен, в театр ходил, видел. А в жизни на что он сгодится? Ты и по хозяйству, и в огороде, хотя сама женщина культурная, образованная. А он чего? Как ни зайдешь, на диване лежит, да еще в халате каком-то, как турок! Или телевизор смотрит. Чего он там не видел, в телевизоре?!

– Егор, ты ничего не понимаешь.

– Это ты ничего не понимаешь! Тебе красоту подавай! Кудри у него, стать, голос, как у Шаляпина! Он на сцене шепчет, а в заднем ряду слышно. Я в театре был, слышал! Ну вот, ты вышла, вышла из театра-то, а дальше что? Ухаживай за ним, корми его, пои, ублажай. Год ты его ублажала, другой пошел. Сколько можно?! Держи ровнее газету-то, все просыпала!

И дрель опять завизжала.

– Он творческий человек, – горячо заговорила Ляля, как только визг умолк, – очень талантливый! Его нельзя приспособить к хозяйству, ну и что?! Зато с ним так интересно! У него на все есть свое мнение, он...

– У меня тоже на все свое мнение, – перебил сосед. – А творческих сейчас развелось, как псов шелудивых! Куда ни глянь, кругом творчество! В караоке поет – творческий, значит, гопака пляшет, тоже творческий, из бумаги фигуры складывает или из ниток вяжет, туда же, творческий! Бабка моя покойная Акулина и все до единой соседки ее нынешним творческим сто очков вперед дали бы – они и пели, и плясали, и вязали, и кружева плели!.. И с детьми управлялись, и по хозяйству бились, и мужиков с войны дожидались, и пахали, и сеяли, и скотину держали! Другое дело – на сцене не представляли!

Он еще повизжал немного дрелью и продолжил:

– Это я к тому говорю, что дрянь человек и есть дрянь, а уж творческий он или не творческий – дело десятое!

Ляля, которой никогда не приходило в голову, что ее Роман «дрянь человек», стала кричать, что Атаманов ничего не понимает в жизни, что его мерки давно устарели, что теперь ее жизнь кончилась, а новой никакой не будет, она так любила, а он, оказывается, вовсе не любил!..

Сосед слушал, продолжая работать. Несколько раз она слезала с табуретки и уносила газету с холмиком желтой трухи, аккуратно ссыпала ее в ведро. На газету капали ее слезы, крупные и горячие. Она возвращалась, опять влезала, и все повторялось.

Часа за полтора они повесили карнизы, Ляля не замолкала ни на секунду, все говорила.

Затем сосед смотал резиновый шнур и велел ей идти за ним – он будет укрывать розы, там надо сетку держать. Ляля напялила куртку и сапоги и потащилась на улицу. Было холодно и смеркалось уже вовсю, на краю неба дрожали ледяные зеленые звезды. У Ляли очень мерзли руки, особенно от металлической сетки, которую она держала, перчатки она не догадывалась надеть.

Говорила Ляля, не останавливаясь, и спохватилась, только когда Атаманов, приладив последний ящик, стал подбирать с земли инструменты.

– Господи, сколько времени?! Спектакль! Я же опоздала! Все из-за тебя, Егор!..

Он задрал на запястье рукав и посмотрел, поднеся часы почти к носу.

– Ничего, не опоздала! Седьмой час.

– Как?! Мне же еще собираться! Да что ж такое-то!..

И она ринулась по дорожке.

– Стой, стой! – закричал вслед Атаманов. – Не суетись, я тебя на машине подвезу! Тут ехать пять минут! Ну, семь!

Ляля махнула на него рукой.

Ни разу она не опаздывала на спектакль, в котором играл Роман, а теперь вот опоздает, и это будет означать, что все кончилось. На самом деле и навсегда. И ни поправить, ни изменить, ни вернуть назад.

Будь он проклят, этот сосед! Будь он проклят с его доморощенной философией и розами!

Ну кто, кто на ночь глядя укрывает розы?!

Собираться в театр, прихорашиваться, оценивающе смотреть на себя в зеркало, притоптывать ногой – каждый раз как предчувствие Нового года. Когда Василиса была маленькой, она очень боялась, что случится что-нибудь такое, из-за чего Новый год придется... отменить. Какое-нибудь несчастье: метеорит упадет или цунами налетит. Ее совершенно не волновали последствия несчастья, гибель цивилизации там или раскол планеты, а волновало, что Новый год отменится. Тот факт, что на Волге не бывает цунами и землетрясений, тоже не слишком

ее интересовал. Она просто очень боялась, что праздник, такой вожаденный, такой близкий, самый лучший, так и не настанет.

Теперь она с тем же восторженным страхом ждала каждого похода в театр. Она боялась, что он не случится, и знала, что все будет хорошо, и надеялась, и мечтала.

– Какая почитательница театра, – фыркала бабушка, – посмотрите на нее! Прямо Татьяна Дороница!

Василиса горячо объясняла бабушке, что выше театрального искусства нет ничего на свете – только там живые люди каждый раз по-новому проживают трагедии и драмы, а иногда даже и комедии. Только на сцене эмоции и страсти сконцентрированы до такой степени, что иной раз в зрительном зале прямо-таки молнии сверкают!.. И она, Василиса, просто чувствует токи, или потоки, или даже вихри.

Бабушка слушала, сделав ироничное лицо.

– Ты всегда чувствуешь вихри или только когда на сцене *он*? – неизменно осведомлялась она в финале внучкиного монолога. «Он» выговаривалось непременно с придыханием и восторгом.

– Бабушка-а-а! – кричала, становясь пунцовой, Василиса. – Ну, как ты можешь?

Бабушка всегда сдавалась и признавала за *ним* если не гениальность, то уж точно талант, талантище, можно сказать. Пару раз Василиса, выпросив у администратора Эдуарда Сергеевича контрамарки, приводила бабушку на спектакли, где *он* блистал в главной роли. Бабушка на сцену смотрела внимательно, не отрывая глаз, а Василиса исподтишка кидала на нее молниеносные взгляды, все боялась заметить на ее лице иронию. Но бабушка была очень серьезна. Правда, после спектакля *его* игру она никак не оценивала, говорила только, что спектакль хороший, и артисты, и режиссер, видимо, постарались. Василиса приставала, выпрашивала похвалу более... существенную, яркую, особенно для *него*, но выпросить не удавалось.

– Дождемся пенсии, – говорила бабушка, стоя в очереди в гардероб, – и еще разок сходим! Очень я в молодости любила театральные буфеты, так любила!.. Там всегда особенный шоколад, уж не знаю, в чем дело. И бутерброды непременно с белой рыбой. И газировка!

Василиса изнывала – бутерброды и газировка ее не интересовали, ей хотелось говорить только о *нем*, и *его* игре, о *его* находках.

Бабушка сдавалась, и всю дорогу до дома они говорили об игре и находках. Шли они, как правило, пешком, нужно было забраться в горку к кремлю. На середине пути бабушка начинала задыхаться – у нее давно и безнадежно болело сердце.

Василиса знала, что еще немного, еще чуть-чуть, до той лавочки, и придется усаживать бабушку, выхватывать из ридикюля нитроглицерин, вытряхивать на ладонь крохотную таблеточку и ждать, изо всех сил надеясь, что «отпустит». Отпускало каждый раз по-разному, иногда сразу, а иногда на лавочке они сидели подолгу, и бабушка все повторяла ей успокаивающе:

– Ничего, ничего, обойдется.

Они с Василисой ждали какую-то «квоту» на операцию. Без «квоты» операция стоила немислимых денег, а их не было никаких, даже мыслимых.

Василиса училась на филфаке – в основном урывками, кое-как. Не столько училась, сколько искала, где и чем можно заработать. Она сотрудничала в газете «Волжанин», писала заметки в разделы «Культурная жизнь» и «Досуг». Платили за них удручающе мало, зато у нее была возможность бесплатно ходить на спектакли, на выставки и на премьеры в кино. Она пробовала работать официанткой – там было гораздо более сытно, но после смены она уставала так, что не могла уснуть, ноги и руки гудели, пристроиться было невозможно. Кроме того, однажды в ресторане подрались пьяные братки – со стрельбой и поножовщиной, – сюжет показали в криминальной хронике, бабушка увидела и перепугалась так, что на две недели угодила в кардиологическое отделение. Пришлось Василисе из ресторана уйти. И тут она обрела театр и *его*!

Его она увидела в роли Алексея Турбина, и все пропало. Как будто у нее вдруг открылись глаза. Она стала бегать на каждый спектакль, а потом и на репетиции, ее пускали по редакционному удостоверению газеты «Волжанин». Прижав кулачок к губам, она смотрела на сцену, и глаза у нее горели. Только в театре ничто не имело значения: ни бабушкина болезнь, ни ожидание «квоты», ни безденежье, ни будущее, которого они обе боялись. Только там была жизнь – прекрасная именно потому, что придуманная, ненастоящая, а раз ненастоящая, значит, и не такая пугающая.

И *он!*.. *Он* был лучше всех.

Когда *он* говорил, задыхаясь, на сцене: «Вы не откажитесь принять это... Мне хочется, чтобы спасшая мне жизнь хоть что-нибудь на память обо мне... это браслет моей покойной матери...», Василиса тоже начинала задыхаться, слезы сами собой лились из глаз, и она не просто чувствовала, она и была той женщиной, которой Алексей Турбин принес браслет покойной матери, она пропадала в осажденном городе, каждую минуту боялась петлюровцев и немцев, она неистово жалела Турбина и все-таки врала ему!..

Василиса устроилась в театр помощником костюмера. Платили ей еще меньше, чем в «Волжанине», но зато она получила возможность гладить *его* костюмы. От них всегда особенно пахло, горько и нежно, и Василиса, зарыв нос в мундир или бархатный камзол, все воображала, воображала...

В театре о *нем* ходили грязные слухи – спит с заведующей литературной частью Вершининой, странной дамой средних лет, носившей шали и длинные неопрятные юбки; ухаживает за дочкой директора, начинающей актрисой, хорошенькой донельзя; попивает, не платит долгов... Василиса ничего не слушала и ничему не верила. Конечно, когда такой титан живет среди пигмеев – что остается пигмеям?! Только распускать слухи!

Она написала о *нем* несколько заметок, все «прошли», их опубликовали, и *он* сказал ей как-то в коридоре: «Спасибо, милая девочка». Василиса потом несколько дней не могла есть и спать, каждую минуту мчалась в кремлевский парк и там гуляла одна под липами, переживала «милую девочку».

Ей пришлось устроиться еще на одну работу, которую она тщательно скрывала в театре, – мыла полы в фитнес-клубе «Само совершенство». Однажды – Василиса только переделалась в зеленый комбинезон и вытащила из подсобки свои швабры и щетки, – в клуб пожаловала сама Валерия Дорожкина, прима и звезда драматического театра. Василиса заметалась было, стараясь не попасться ей на глаза, а потом поняла: Валерия, как и все остальные клиентки, не то что не обращает внимания на уборщицу, не то что ее не замечает, а как будто вообще не подозревает о ее существовании. И – обошлось! В театре никто не узнал.

Эту Дорожкину Василиса терпеть не могла. Во-первых, Валерия придумала обращаться к *нему* Рамзес – Роман Земсков, – и все подхватили. Ничего особенного, но было в этом оперном прозвище нечто для *него* оскорбительное, унижающее. Во-вторых, Дорожкина всегда разговаривала с *ним* насмешливо, называла «милым мальчиком» и «провинциальным сердцеедом». В-третьих, презирала всех, включая директора театра Лукина, – за глаза его называли Лукой, впрочем, чаще Юриваньчем, как бы по имени-отчеству, – никогда ни с кем не здоровалась и не прощалась, проходила мимо, глядя поверх голов, и снисходительна была только к режиссеру Верховенцеву, гению и знаменитости, с которым открыто жила при наличии мужа. Молодые артистки боялись Дорожкину как огня, а молодые артисты заискивали и добивались ее внимания – в общем, смотреть на все это было противно.

Сегодняшний спектакль особенный – на него должен пожаловать столичный режиссер со свитой. Часть свиты уже прибыла – молодой бородатый мужчина с пластмассовым кофром, в котором лежали какие-то технические принадлежности – микрофоны, компьютер, небольшой звуковой пульт. Бородач в сопровождении Луки и Верховенцева обошел всю сцену и зрительный зал, постоял там и сям, потом сообщил, что микрофоны поставит здесь и здесь, после чего

сразу ушел, выпить в директорском кабинете отказался наотрез – сразу видно, специалист из Москвы!..

Когда стало известно о радиоспектакле, среди артистов произошли некоторые конфликты, стычки и интриги. Всем хотелось играть для федеральной радиостанции, хотя затею заранее презирали – кому в наше время нужны спектакли на радио: ни денег, ни славы! Тем не менее надежды на некоторую славу были, и они сделали свое дело. Недели две театр бурлил, слухи полнили его, скапливались, как пар, вырывались наружу. Василиса за ужином рассказывала бабушке, кто кого и как назвал. Потом на доске приказов появилось объявление о том, кто играет, и страсти немного схлынули.

Василисе очень хотелось посмотреть на режиссера, который приехал к ним в театр аж из Москвы, а еще она очень болела за Романа Земскова, назначенного на главную роль. Она была уверена – москвич оценит и прочувствует его талант, и заранее боялась, что тот заберет Романа с собой, увезет в «большой мир» – навсегда.

Сегодня была не ее смена, ничего гладить не нужно, и она собиралась в театр как зритель – с взволнованным предчувствием.

– Ты уж, пожалуйста, – сказала бабушка, когда Василиса совсем собралась уходить, – ты уж, пожалуйста, очень-то не задерживайся. Хорошо, Васенька?

Бабушка чувствовала себя неважно, но бодрилась, чтобы не отравить внучке вечер.

Василиса поцеловала ее, пообещала, что вечером все-все расскажет, и выбежала на улицу.

В темном небе горели зеленые звезды, со стороны Волги несло холодным ветром, и Василиса, ежась в худосочной курточке, побежала по брусчатке вверх к кремлю.

Она всегда поддевала под курточку теплую кофту, а сегодня не стала – чтобы быть очень красивой. Теплая кофта испортила бы весь вид.

Перед первым звонком разыгрался скандал.

Такое иногда случалось перед важными спектаклями-премьерями или когда играть предстояло для «особых гостей». Считалось, что это необходимо «для нерва», во взвинченном состоянии артисты играли особенно убедительно и с полной отдачей.

Скандал затеяла Дорожкина, которой показалось, что ее платье надевал «посторонний человек».

– Кому ты давала мои вещи? – визжала она и швыряла в костюмершу Софочку корсетами, лифчиками и поясами с подвязками. Рыдающая Софочка на лету хватала вещи, складывала их на гладильную доску. – Кому давала, говори! Ну что ты ревешь, корова?!

Шестидесятилетняя тучная и одышливая Софочка, обожавшая театр и всех актрис до одной, на свои деньги покупавшая особенный крахмал и какую-то специальную воду «с отдушкой», чтобы заливать в утюг, штопавшая «на дому» эти самые чулки и корсеты, да так искусно, что дырку потом не мог обнаружить самый опытный глаз, вся сотрясалась от рыданий и закрывалась рукой. На шум сбежались из соседних гримерок артисты, столпились у дверей рабочие сцены, задействованные в сегодняшнем спектакле. Бородатый и статный Валерий Клюкин, муж Валерии Дорожкиной, тоже пришел и наблюдал издали с недоброй улыбкой. По слухам, они с Дорожкиной были «на грани развода», и как будто во всем виновата Валерия с ее буйным темпераментом. Супруг и тезка в театре числился декоратором, и это казалось всем странным – звезда и декоратор! Впрочем, статью и корсарской щетиной Клюкин больше напоминал модного продюсера, но все равно мезальянс налицо. Теперь Клюкин смотрел на буйнившую супругу с интересом и недоверием.

В конце концов явился сам Верховенцев.

Звезда продолжала бушевать.

– Оно воняет! – И снова совала платье Софочке под нос. – Ты что, не чувствуешь ничего?! Работать надоело?! Так я тебе живо пенсию выпишу! Пошла вон отсюда!

– Что вы так, Валерия Павловна, – решился кто-то из артистов. – Софочка никому не могла дать ваше платье!

– Да?! А почему оно воняет щами?! Только Никифорова щи из банки трескает! Говори, Никифоровой давала? Или эта тварь зеленая, помощница твоя, давала?

– Ни... никому... – проикала Софочка. – Нико... никогда...

Роман Земсков, привалившись к дверному косяку, наблюдал молча. Поймав взгляд Клюкина, он поморщился и встал так, чтобы спины закрыли его от мужа Валерии.

– Что ты смотришь? – закричала прима, заметив Романа. – Что ты тут стоишь? Пошел вон, бездарь, провинциал! Все о карьере в кино мечтаешь?! Вот тебе, а не карьера! – И она показала ему изящную фигу, всю состоявшую из тонких косточек. – Ты ни на что не годен, только трахать полоумных старух вроде нашей завлитши!

– Замолчи, – прошипел Роман, и щеки у него медленно покраснели. – Прекрати сейчас же. Кто-нибудь, дайте воды, у нее истерика!

– Ах, истерика! – Дорожкина плюнула в Романа, подбоченилась и пошла на Софочку. – Где вторая? Которая у тебя на побегушках?

Клюкин вдруг засмеялся громко, от души.

– Лерочка, ты переигрываешь, – заметил режиссер Верховенцев. Он казался абсолютно спокойным, даже равнодушным, тем не менее достал из нагрудного кармана трубку и начал ее раскуривать. Курить в коридорах категорически запрещалось.

– Я?! Это вы все недоигрываете, потому что не способны. Им-по-тен-ты! И ты импотент! Все твои заслуги далеко в прошлом! На что ты годен, старый пень?! Только подъедать за великими – они едят, а ты у них по крошке собираешь! У тебя же нет ничего своего, ты все ворует, прешь! Где вторая?! – опять налетела она на Софочку. – Говори, где?!

– Я здесь, – пискнула из задних рядов Василиса, принаряженная по случаю «особого» спектакля в синее шелковое платье. Глаза у нее были перепуганные.

Клюкин шевельнулся, как будто хотел взять ее за руку.

– Ты давала мое платье Никифоровой? Ну, говори! Подмывалка, уборщица! Вали в спортклуб сортиры мыть и ведра выносить, нечего тебе в театре делать! Она туалеты моет, об этом кто-нибудь знает?! Из руководства?! Может, она мои платья по туалетам таскает?!

Василиса сделала шаг назад и покачнулась, как будто Дорожкина ее ударила. От ужаса и стыда у нее тоненько зазвенело в ушах. Хуже всего, что про мытье туалетов услышал Роман! Он услышал, но, кажется, не обратил никакого внимания. Он тяжело дышал у стены, смотрел на приму исподлобья.

– Никто из вас ни на что не способен! – продолжала бушевать звезда. – Потому что вы ничтожества! И ты тоже ничтожество! – На глаза ей попалась хорошенькая Алина Лукина, дочка директора театра. – Думаешь, папаша тебя протолкнет в искусство? Твой папаша грязный развратник, поняла?! Господи, сколько раз он мне намекал, сколько раз! Только мне на него, – и она плюнула на пол.

– Хватит, – твердо сказал протиснувшийся к ней директор театра. – Алина, ступай в свою примерную. А вы успокойтесь, Валерия Павловна, или я вызову санитаров.

Она захохотала:

– Все вы меня боитесь, все! Потому что я одна говорю правду! А вы все, как жуки, по уши в навозе! Ну, скажи, скажи, что ты не звал меня в койку! Не было этого?

Директор сморщился, как от зубной боли, и попытался взять ее за руку:

– Не трогай меня, урод! Ты думаешь, я не знаю, что вы за моей спиной гадости мне делаете?! С этой твоей подстилкой, Лялечкой!.. Она нарочно так репертуар выбирает, чтобы мне ничего не доставалось, а все только ему, бездарности этой!

– Это неправда! – крикнула запыхавшаяся Ляля. Она только вбежала в служебные помещения и угодила прямо в эпицентр извержения. – Зачем вы так говорите?!

– Затем, что знаю! А ты зря стараешься, он все равно тебя бросит! Бро-осит! Он с директорской дочкой давно крутит! Я своими глазами видела! Ты старая, никому не нужная кляча!

Тут артисты и служащие разом задвигались и закричали со сладостным ужасом и негодованием. Директор и режиссер переглянулись. Верховенцев аккуратно спрятал в нагрудный карман так и не раскуренную трубку, и они с двух сторон взяли звезду под локотки.

– Софочка, воды со льдом из буфета, быстренько!

– Не трогайте меня, уберите лапы! – орала Валерия.

– Да она с ума сошла, господа, истеричка чертова!

– Ребята, сейчас первый звонок дадут!

– Софочка, быстренько!..

– Пощечину ей, и дело с концом!

– Как же мы играть-то будем?!

Софочка, совершенно красная, утираясь обеими руками, тяжело потрусила по коридору – перед ней все расступались и отводили глаза – и оказалась лицом к лицу с высоким типом, никто не видел, когда он вошел с лестницы. Тип был абсолютно незнакомый и ни к селу ни к городу в театральном коридоре – в распахнутой красной туристической куртке и тяжелых ботинках. За ним маячил еще один, тоже незнакомый.

– Здравсти, – сказал первый тип Софочке, застывшей перед ним, как схваченный внезапным морозом студень. Она растерянно моргала, не зная, с какой стороны его обойти, он занимал весь коридор.

Исподлобья он молниеносно оглядел толпу, принял какое-то решение, вынул из кармана руку и протянул Софочке:

– Озеров Максим Викторович, режиссер, – представился он. Подумал и добавил: – Из Москвы.

По толпе прошел то ли вздох, то ли стон.

– Доигралась, – сквозь зубы прошипел Верховенцев и бесцеремонно толкнул Дорожку в сторону гримерки. Она от неожиданности сделала слишком большой шаг и чуть не упала. – Господа лицедеи, все по местам, через пять минут первый звонок!

Директор театра замахал руками на манер хозяйки, загоняющей кур со двора в курятник. Артисты беспорядочно задвигались.

– Здравствуйте, здравствуйте, Максим Викторович, Лукин моя фамилия, мы с вами по телефону, если помните...

– Ты мне заплатишь за это, – громко сказал Роман Земсков звезде, вышел на площадку и бабахнул дверью. Вздروгнули старые, давно не мытые люстры на потолке.

– Потом, потом разберемся, – закудаhtал директор, – ребяташки, все по местам, по местам, родимые мои!

«Родимые» расходились неохотно, оглядывались и на разные голоса негодовали. Валерий Клюкин хотел было пойти за женой, но передумал и куда-то скрылся.

– Весело тут у вас, – громко сказал столичный режиссер. – Вы так перед каждым спектаклем развлекаетесь?

– Только перед некоторыми, – мстительным голосом откликнулась артистка Никифорова, оскорбленная «щами из банки», – когда важных гостей ждем!..

– Потом, все потом!.. – продолжал кудаhtать Лукин.

Режиссер Верховенцев потряс Озерову руку и показал глазами на артистов, как бы призывая его в сообщники:

– Тонкие настройки, нервные натуры, вы ж понимаете.

– Я тоже натура нервная, – заявил Озеров. – Я бы хотел спектакль посмотреть и теперь нервничаю, что опоздаю. Не опоздаю?

– Как же можно опоздать, когда все... здесь! Мы для вас директорскую ложу открыли, она для самых наипочетнейших гостей. Алиночка, девочка, иди к себе, мы после все обсудим.

– Пап, ты должен ее уволить. Прямо сейчас!

– Алиночка, мы все решим. Ты, главное, не обращай внимания!

– Да, – спохватился Озеров. – Это господин по фамилии Величковский, по имени Федор, он мой... сценарист и ассистент. Федя, где ты?

Двухметровый охламон, наблюдавший за действием из-за спины Озерова, вышел вперед и болтнулся всем телом – поклонился собравшимся.

Хорошенькая до невозможности Алина Лукина молниеносно смерила ассистента глазами, артистка Никифорова оценила его коротким взглядом через плечо, даже некстати разбушевавшаяся прима мелькнула в дверях своей гримерки – взглянула одним глазком.

– А это наша заведующая литературной частью Ольга Михайловна Вершинина.

Ляля, у которой сильно тряслись руки, только кивнула. Знакомиться с приезжими как следует у нее не было сил. Она думала о том, что Ромка переживает за своей дверью, вероятно, даже плачет – он был чувствителен, как ребенок, – а она не может зайти и утешить его.

Не имеет права.

Он ее разлюбил, а может быть, и никогда не любил.

– Лялочка, проводите гостей в ложу, а мы... скоро подойдем.

Ляля была уверена, что директор с главным режиссером сейчас голова к голове побегут в кабинет, достанут из сейфа початую бутылку армянского коньяку и с горя тяпнут по полстакана!

– Пойдемте со мной.

Она не запомнила, как их зовут, этих московских, ни одного, ни второго!..

– А мы прямо в верхней одежде пойдем? – осведомился ассистент и сценарист и стащил с плеч дикую зеленую куртку с мордой льва на спине. Должно быть, у столичных принято так одеваться в театр.

– В приемной можно одежду оставить, – неприязненно сказала Ляля, думая только о Ромке. – Я покажу.

На полутемной узкой лестнице маячил сосед Атаманов, про которого она напрочь забыла, как только услышала шум в коридоре! Она услышала шум, сдернула с головы платок и понеслась, а он остался на лестнице. Сосед привез ее к театру – и ничего, успели, к самому скандалу успели! – и не уехал, а зачем-то потащился за ней.

– Георгий Алексеевич, ты что здесь? Езжай домой, я не скоро.

– Ничего, подожду.

– Где ты подождешь-то? Не надо!

Столичный режиссер сунул соседу руку:

– Хотите с нами в ложу для особо почетных гостей?

Ляля очнулась:

– Зачем, не надо!.. Да это мой сосед просто!

– Атаманов Георгий, – представился тот. – Отчего же, можно и в ложу. В ложе я никогда не был.

– Вот и прекрасно. Товарищ не возражает.

– Егор, – грозно сказала Ляля, которой на этот вечер было вполне достаточно приключений, – езжай домой, я тебя прошу.

– Максим Викторович, давайте пуховичок, я мигом отнесу. И вы, товарищ сосед! – предложил Федя.

– Да вы же не знаете, куда! – всполошилась Ляля.

– А вон дверка, написано – приемная. Может, туда?

И Федя Величковский, взяв куртки в охапку и мило улыбаясь, бочком просеменил в «дверку».

Тоже артист, с ненавистью подумала Ляля.

– Он догонит.

Догонит так догонит! В старинном здании театра заблудиться было легче легкого, но у Ляли не осталось ни сил, ни эмоций для... политеса. И еще сосед сопит и топает за спиной. Это он так сочувствие выражает, не хочет оставлять брошенную Лялю своей заботой, черт бы его побрал совсем!..

Федя в полутемной приемной взгромоздил куртки на вешалку – пуховик немедленно свалился, он наклонился и поднял. Из-за старинного шкафа с полотняными шторками доносились странные звуки, и он за него заглянул.

Девушка в нелепом блестящем платье горько плакала, плечи ходили ходуном, вздрагивал узел темных волос на затылке.

– Здрасти, – сказал Федя Величковский. – Это вы, Кузина Бетси?

Девушка перестала рыдать, посмотрела на него и быстро утерла глаза.

– Прошу прощения, – извинился Федя галантно. Он решительно не знал, как нужно утешать плачущих за шкафом девушек. – Я помешал?

– Я... просто так, – пролепетала девушка. – Я уже уйду.

– Не случилось ли у вас какого-нибудь несчастья?

Она посмотрела на него.

– Федор, – представился охламон. – Ужасная ошибка, ужасная!.. Был введен в заблуждение. Меня уверяли, что сегодня будут представлять комедию, а оказывается, дают драму!

Девушка моргнула. Совсем глупенькая, подумал Федор с сочувствием.

Пошарив в наколенном кармане безразмерных брезентовых штаниш, он вытащил салфетки в пакетике и протянул ей. Девушка взяла салфетку и скомкала.

– Вы драматическая артистка?

Девушка как будто испугалась.

– Нет, что вы!.. Я... помощник костюмера. Я вообще-то учусь, а здесь подрабатываю.

Сказав про костюмера, она вдруг словно заново увидела скандал, разгневанную Дорожку и рыдающую несчастную Софочку. Надо сейчас же ее найти. Найти и утешить! Хотя как тут утетишь?.. Уже ничего, ничего не поможет!..

Салфеткой она вытерла нос, встала и одернула мятый подол. Федя посторонился.

– Вас проводить?

Тут она испугалась еще больше.

– Ой, нет, не надо!

– Как будет угодно Кузине Бетси, – следом за ней он вышел на лестницу и покрутил в разные стороны головой.

Пока что ему все очень нравилось. Даже представление в коридоре понравилось, хотя Федя был принципиальный противник всяких скандалов и истерик, особенно публичных!.. Отец всегда говорил, что нет ничего хуже женщин-истеричек и мужчин-неврастеников. Федя с ним полностью соглашался.

Но ведь тут – театр, особый мир. Максим Викторович ему про эту «особость» все уши прожужжал, когда он писал свой первый сценарий.

– Ты дай артистам поиграть-то, дай!.. Артист живет, только когда играет. Вот это что за реплика? Зачем он отвечает «да»? Что это за «да», совершенно непонятно! Это же радиоспектакль, их не видно, они должны все делать голосами, интонацией, а не лицом! Вот и напиши так, чтоб они сделали.

А в «особом мире», должно быть, положено ругаться и обзывать прилюдно, да еще перед самым спектаклем. Это может быть интересно – картина нравов.

Опять же – теория!.. Федя был любителем разного рода теорий. По его теории, следует воссоздать исходную картину «от противного», то есть от результата, от финала к началу! Посмотрим, послушаем, понаблюдаем и точно установим, с чего все начиналось.

Очень занимательно. Хотя немного жалко несчастную «Кузину Бетси». Так он и не спросил, как ее зовут.

Федя потер руки, как будто с мороза, в коридоре оглянулся по сторонам, слегка разбежался, подпрыгнул так, чтобы достать потолок не ладонью, а локтем, чуть-чуть не достал и дальше пошел уже степенно.

Заблудился он очень быстро, зашел в тупик, вернулся, поднялся по лестнице, спустился, решил спросить дорогу, но никого не было.

Проблуждав какое-то время, он дошел до роскошной ореховой двери, слегка приоткрытой. Все остальные попадавшие к нему двери были обшарпанны и заперты.

– Имей в виду, – громко говорили за дверью, – я этого дела так не оставлю. Все, терпение мое лопнуло! И не уговаривай меня!

Собеседник что-то отвечал, но Федя не расслышал, что именно.

– Мы областной театр, а не цирк зверей! Пусть уходит, уезжает, пусть в Волге утонет, мне все равно!

Опять негромкий голос в ответ.

Федя понимал, что подслушивает, а подслушивать нехорошо, но ничего не мог с собой поделать.

– Да плевать я хотел на все соображения! Истребить надо, каленым железом выжечь, чтоб никому не повадно было!..

После «каленого железа» Федя понял: стучать и спрашивать, как пройти в директорскую ложу, не стоит, тем более что над головой вдруг жестким алюминиевым звуком ударил звонок – раз, два, три!..

Федя ринулся в другую сторону, опять попал на лестницу, опять спустился и вывалился в ярко освещенное пустое фойе. Строгая билетерша в затянутом сером костюме посмотрела подозрительно.

Федя спросил, где директорская ложа, а билетерша спросила, где его билет, впоследствии объяснения и препирательства, а свет меж тем медленно погас, как будто задули свечи.

В ложу он вбежал, когда на сцену уже вышли артисты. Строгая билетерша поспешала за ним, чтобы в случае недоразумения немедленно изгнать.

Озеров оглянулся и прошептал раздраженно:

– Где ты ходишь?..

– Был уличен в безбилетном проникновении, – зашептал Федя в ответ, быстро подсаживаясь, – и отконвоирован сюда.

Билетерша бесшумно скрылась, Максим Викторович махнул рукой – молчи, мол.

Федя уставился на сцену. Декорация была богатой и красивой, никаких подвешенных на колосниках стульев и колышущихся в воздухе полотнищ, символизирующих, как правило, внутренний непокой героя.

Красавец с тугими кудрями – в коридоре он говорил истеричной дамочке, что она поплачется за все, – объяснялся этой же дамочке в страстной любви. Глаза у него горели, голос дрожал, руки дрожали тоже – из директорской ложи было видно каждую подробность. Дамочка смотрела на него неотрывно, как будто все туже и туже между ними натягивалась струна.

В зале никто не смел шевельнуться.

Даже Озеров подался вперед, оперся локтями о бархатный парапет, пристроил подбородок в ладони и замер.

Федя не уловил момента, когда перестал слушать текст и смотреть на игру артистов, а начал жить с ними одну жизнь, и в какую минуту ему стало важно, чтобы она непременно осталась с ним, чтобы разрешились все противоречия, ведь совершенно ясно, что друг без друга эти двое погибнут!..

Когда вдруг вспыхнул свет и пошел занавес, он ничего не понял.

– Великая сила искусства, – сказал Озеров с удовольствием, засмеялся и потянулся. – А я тебе что говорил?! Это не просто хороший театр, это отличный театр! И труппа отличная. Мы с тобой запишем шедевр, Федя, вот увидишь! Ну? В буфет?

– А что, антракт? – глупо спросил Величковский.

– Он самый! Давайте с нами в буфет, Георгий! Мы с дороги, есть очень хочется. Только нужно быстро, а то за нами сейчас придут от директора, и не будет нам никакого буфета, а будут одни сплошные разговоры.

– Да можно и в буфет, – согласился их неожиданный сосед. – Чего ж не сходить?..

В буфете было не протолкнуться, но ловкий Озеров за руку вытащил из толпы Федю, который начал рассматривать фотографии артистов, сунул его в очередь, а сам нашел за колонной свободный столик.

– Чего брать? – спросил сосед. – Коньяку?

– Бутербродов, воды, ну, и сока какого-нибудь.

Вокруг шумела и переговаривалась нарядная, очень театральная толпа. У некоторых дам в руках были букеты. Обсуждали спектакль и хвалили артистов и постановку.

Озеров прислушивался.

Явился Федя. Непостижимым образом он принес сразу три тарелки с бутербродами и пирожными.

– Миндальное, – сообщил он. – В Большом театре самые вкусные миндальные пирожные на свете! А в Консерватории тархун. Нигде нет такого тархуна, как в Консерватории. Когда родители водили меня на симфоническую сказку «Петя и волк», я все никак не мог дождаться перерыва и выпивал сразу пять стаканов!.. Я и здесь взял, может, ничего?

И он извлек из кармана штанищ крохотную бутылочку с зеленой жидкостью. Георгий протолкался к столику за колонной. Он принес еще немного бутербродов, воду в бутылках и два бокала, от которых резко и вкусно пахло.

– Это вам, – объявил он. – По коньячку, с приездом. Сам бы выпил, да не могу, за рулем!

Они с удовольствием жевали бутерброды и разговаривали с Георгием, как со старым приятелем.

– Да какой из меня театрал, – говорил тот. – Пока жена была жива, таскала меня сюда, мне нравилось даже. У нас хороший театр, не какой-нибудь там отсталый! А потом... я уж и не ходил. Хотя Ляля, Ольга Михайловна Вершинина, соседка моя, она тут у них литературой заведует, контрамарки мне доставала. А вот режиссер... Он чего делает?

– Да, собственно, ничего не делает, – отвечал Максим. – Он сидит на стуле, мешает артистам играть и всех критикует.

– Да я серьезно спрашиваю!

– Так я серьезно и объясняю!

– Подождите, Максим Викторович, – вступил Федя, переполошившись, что Георгий все примет за чистую монету, – как ничего не делает? Режиссер весь спектакль делает! Как артисты стоят, куда идут, что говорят, это все режиссер придумывает.

– А разве в пьесе не сказано?

– Нет, автор пьесы – это совсем другое дело!.. Вот смотрите...

Они успели все съесть и выпить, а звонка все не давали. Должно быть, здесь приняты длинные антракты.

Втроем они вернулись в ложу, уселись и еще немного поговорили.

Зал постепенно заполнялся, ровный гул поднимался из партера и бельэтажа к балконам, тоже заполненным.

Звонка все не было.

Постепенно шум стих и установилась тревожная полутьшина, зрители не понимали, что происходит.

Когда шум стал подниматься снова, в прорезь занавеса вышел директор. Максим даже не сразу его узнал – в свете рампы он казался изжелта-бледным и очень маленьким.

Директор объявил изумленным зрителям, что произошло несчастье и спектакль отменяется.

Деньги за билеты будут возвращены, обращайтесь в кассу.

Озеров смотрел в окно, за которым валил снег. Метель пришла ночью, и утром оказалось, что горка, на которую выходили окна его номера, вся засыпана снегом так, что захотелось съехать с нее на заднице. Из приоткрытого окна несло морозной сыростью. Сейчас самое время отдернуть занавески, лечь на диван, накрыться пледом и смотреть, как летит снег. Смотреть долго, не отрываясь, и чувствовать, как в голове тоже начинает идти снег, и вскоре он закроет все, и хорошее, и плохое, и останется только одно – ждать весны.

Накрыться пледом и валяться до весны было никак невозможно, и Максим заставил себя одеться и спуститься на завтрак.

Завтракал он вяло и безрадостно, почти в полном одиночестве. Все командированные уже разошлись по делам, а других постояльцев в гостинице не было. Потом появился Федор Величковский.

С ним вместе явились любопытство, нетерпение и охотничий азарт.

Федя обежал буфетную стойку, сунул в тостер два куса хлеба, подумал и сунул еще два. Налил в стакан воды из графина, выпил, налил еще, подумал, забрал графин и притащил на стол.

– Чего-нибудь изволите, Максим Викторович?

– Почему ты в капюшоне?

– А! – Федя откинул с головы капюшон синей толстовки. Волосы у него торчали в разные стороны. – Так это для конспирации, шеф! Чтоб никто не догадался!

– Сыру желаю.

– Плавленого или такого?

– Обыкновенного.

На Фединой собственной тарелке болтались салатные листья, два прозрачных ломтика ветчины и гора поджаренного хлеба. Два ломтика ветчины Озерова развеселили.

Сыр он принес отдельно, и очень много – небольшой сырнй холмик.

– Хочу чаю, – заявил Федя. – Никогда по утрам не пью кофе, Максим Викторович! Только старый добрый английский чай! Девушка, девушка, можно мне чаю? Только не чашку, а чайник! И можно, чтоб не пакет, а нормальной заварки насыпать?

– Ну, ты гурман, – с улыбкой констатировал Озеров.

– Ничего не могу с собой поделат. Ни-че-го! Я старался, очень старался, но изменить себе гораздо труднее, чем кажется!

Он намазал масло на кусок поджаренного хлеба, ложкой выложил сверху клубничного джема – изрядно, – полюбовался и откусил.

– Вас не мучила бессонница, шеф? – спросил он с набитым ртом. Максим отрицательно покачал головой.

... Вот что теперь делать? Уезжать? Переносить запись? Вряд ли труппа вернется в работоспособное состояние и они смогут записать спектакль.

– Меня тоже не мучила, но хорошо бы, чтоб мучила. Тогда мы могли бы поделиться соображениями и выводами! Вы можете предположить, кто его убил?

– Федь, ты фантазируй, но в рамках действительности. С чего ты взял, что его убили? Вчера ничего было не понятно.

– Все ясно как день, – заявил Федя Величковский, вкусно жуя поджаристый хлеб. Озеру тоже сразу захотелось хлеба. – Это убийство чистой воды. Мы видели ссору. Мы слышали вопли. Мы были в эпицентре драмы. Все по моей теории – мы присутствовали при финале истории, и нам остается только восстановить события и понять, с чего все начиналось.

– Зачем нам восстанавливать события, Федя?

– Как зачем? Чтобы понять истоки! Вы же режиссер, Максим Викторович! Вы режиссер, а я сценарист! На наших глазах, ну, почти на наших разыгралась настоящая трагедия, и что, мы даже не сделаем попытки проникнуть к ее истокам?

– Да, – согласился Озеров. – Трагедия. И твоя высокопарная ирония неуместна.

– Да что вы, шеф, – помолчав, пробормотал Федя. – Это я просто так. Извините.

...В антракте артистка Валерия Дорожкина всегда остается в своей гримерке, и к ней никто не заходит. Непосредственно перед тем, как дают занавес, на столик ей ставят стакан чуть теплого сладкого чая с лимоном, чтобы она могла глотнуть «тепленького», как только начнется антракт. Вчера все было точно так же. Несчастливая до глубины души костюмерша Софочка своими глазами видела, как Валерия вошла и закрыла за собой дверь. Правда, пришла она не прямо со сцены, по дороге задержалась где-то, но не слишком, всего минуты на три-четыре. И больше не выходила, даже когда по внутреннему радио объявили минутную готовность. Софочка подсматривала из костюмерной и страшно переживала – не за себя, конечно, за актрису, которую она так расстроила перед самым спектаклем! Валерия все не появлялась, и после долгих мучений Софочка решила постучать. Никто не открыл, и она потянула дверь. Странное дело, дверь оказалась заперта. Перепуганная Софочка подняла шум, побежали за режиссером.

Мертвый Верховенцев лежал посреди своего кабинета, откинув одну руку и прижав к груди другую, как будто показывал актеру, как именно следует читать монолог. Рядом на полу валялся его портфель, из которого вылезли бумаги, а на столе стояли бутылка и два коньячных бокала. Один пустой, второй почти нетронутый.

Стали звонить в «Скорую», искать директора, поднялся невообразимый переполох, кто-то помчался в радиорубку предупредить, чтобы не давали звонка. Софочке стало так плохо, что она могла только мычать и показывать рукой куда-то в коридор. Наконец, Василиса догадалась, что костюмер пытается объяснить что-то важное. «Что, что, Софочка?» «Лера», – наконец выговорила костюмерша.

Дверь гримерки открыть не смогли. Послали за слесарем, но откуда вечером в театре слесарь?! Помог сосед Ляли Вершининой, прибежавший за кулисы после того, как директор объявил о несчастье. Сосед притащил из машины ящик с инструментами и в два счета расколупал замок. Дорожкина лежала на кушетке, вытянувшись, рядом с ней на ковре валялся пустой стакан и выкатившийся из него ломтик лимона. В первую секунду все решили, что она тоже... умерла. Однако московский гость Озеров бесстрашно пощупал ей пульс, сказал, что она жива, и потребовал нашатырь. Василиса кинулась и принесла из костюмерной литровую бутылку – они брызгали нашатырь на брюки, чтобы не блестели после глажки. Озеров сунул Валерии под нос ватку, она замотала головой, оттолкнула его руку и стала натужно кашлять.

Все это было похоже на сцену из спектакля.

Может, поэтому Федя Величковский поверил... не до конца.

– Как вы думаете, кто его убил и за что?

– Мы вообще не знаем, почему он умер. Может, у него инфаркт случился?

– Но вчера все говорили, что он никогда ничем не болел!

– Федь, у тебя же родители врачи. Ты прекрасно знаешь, что в любую секунду может случиться все, что угодно.

– Именно потому, что мои мамаша с папашей подвизаются на ниве медицины, – начал Федя, обретая прежний тон, – я и утверждаю, что Верховенцев помер насильственной смертью! Мои родители всегда говорят, что человек – конструкция очень надежная. Ни с того ни с сего на тот свет она отправиться может, конечно, но это маловероятно.

– Кто – она?

– Конструкция, – объяснил Федя не моргнув глазом. – Как вы думаете, с нас будут... как это говорят... снимать показания?

– Да что с нас можно снять, если мы ничего не видели?

– Не знаю, как вы, а я видел очень многое! Я видел, как все ссорились перед спектаклем. От них только что дым не валил! Я слышал, как этот красавец, как его?..

– Роман Земсков. Он у нас в спектакле должен главную роль играть.

– Как этот Роман сказал, что он отомстит прекрасной Валерии.

– Он не так сказал.

– Но суть именно в этом! Ей-то точно что-то подмешали в чай! Может быть, смертельная доза предназначалась не Верховенцеву, а именно ей, но он как-то случайно выпил.

– А она? Она тогда что выпила?

Федя пожал плечами. Он зачем-то налил чай в блюдце и теперь держал его всеми пятью пальцами под донышко и дул, скашивая глаза.

– Объяснений может быть сколько угодно, шеф! Верховенцев мог зайти к ней в антракте или перед антрактом и выпить ее чай, а она потом лишь допила остатки. Или... или они вместе выпили что-то, и это был вовсе не ее чай, но он выпил больше, чем она! Поэтому он умер, а Валерия только отравилась. Кроме того, коньяк! У него в кабинете на столе остались бутылка и два бокала. Интересно, на них есть отпечатки? Кто-то пил с ним и отравил его! Любой театр – это не только храм искусства, это еще всегда и обязательно осиное гнездо!

Озеров посмотрел на него.

– В театрах бывают, конечно, всякие чрезвычайные происшествия, – протянул он задумчиво, – но я ни разу не слышал, чтобы коллеги травили друг друга до смерти.

– Даже если Верховенцев умер... сам по себе, Валерию совершенно точно отравили. А Роман перед самым спектаклем сказал, что он ей отомстит.

– То есть ты хочешь сказать, это Роман подмешал ей отраву в чай.

– Я не исключаю такой возможности, шеф.

– Но чай приносит толстая костюмерша Софочка!.. Вторая, маленькая, вчера говорила, что это ритуал и он никогда не меняется. Как ее зовут, маленькую?

– По-моему, Кузина Бетси.

Озеров махнул рукой.

– Мы теперь дело не сделаем, – сказал он с тоской. – Надо звонить Гроздовскому и возвращаться в Москву. И Москвитину сказать, чтобы собирался.

Москвитин был звукорежиссером.

– Подождите, шеф, мы же не должны стартовать прямо сейчас! Давайте сходим в храм искусства и одновременно осиное гнездо и сориентируемся на месте. В конце концов в Москве мы должны быть только в будущий понедельник. Неужели вам не любопытно?..

Озерову было очень любопытно, но не признаваться же в этом мальчишке!..

Максим вдруг улыбнулся. Он старше – быстро прикинул – всего лет на двенадцать, а такое впечатление, что на целую жизнь. Или на несколько жизней.

Федя доел хлеб, весь сыр и весь джем, выпил весь чай, оглядел стол, словно проверяя, не осталось ли чего-нибудь еще, и накинул на голову капюшон.

– Пойдемте, шеф. Проведем рекогносцировку местности.

На высоком гостиничном крыльце пришлось зажмуриться, так бело было вокруг. Даже река, незамерзшая, широченная, вся побелела, как будто темную воду припорошил снег. Машины по дороге шли, разваливая на две стороны жидкую снеговую кашу. Горка, к которой притулилась гостиница, была вся засыпана, деревья стояли по пояс в снегу, а он продолжал валить.

– Нет, шеф, ну какая красота, согласитесь! – воскликнул Федя, и Озеров, натягивая перчатки, посмотрел на него с удовольствием. Почему-то ему нравилась совершенно неуместная Федина восторженность.

– Я люблю зиму, – продолжал разглагольствовать Федя, пока они, по-журавлиному задирая ноги, пробирались по жидкой каше к машине. Он поминутно хлюпал носом и наткался на Максима, который останавливался, выискивая место, куда ступить. – Нет, лето я, конечно, больше люблю, но в зиме есть особенная прелесть! Снег, грязь, холод собачий! Между прочим, замечено: чем противнее зима, тем веселее праздники. Самый лучший праздник – Новый год, а, Максим Викторович?

Максим запустил двигатель, по стеклу проехали «дворники», обрушив полукружья мокрого снега. Федя забрался на пассажирское сиденье и на полную мощность включил отопитель.

– А вы знаете, куда ехать? Я вчера ничего не запомнил. Вверх до кремля, потом, по моему, направо. Обратимся к мировому разуму! – и Федор выудил из рюкзака планшет. – Он всемогущ, и он нам подскажет.

– Федя, я знаю дорогу.

– А вдруг вы в самый ответственный момент свернете не туда, и мы вместо Нижегородского драматического театра окажемся в Саратовском театре комедии?

Озеров выехал со стоянки и покотил вдоль широченной всклокоченной зимней реки, раздумывая, не следует ли позвонить директору театра Лукину и предупредить. Наверняка тому сейчас не до столичных гостей!.. Федя тыкал в планшет и то и дело восклицал: «Стой, стой, куда ты меня повел!.. Давай обратно!.. Где маршрут-то? Да я не в Лакинске, я в Нижнем, что ты такой тупой? Ты хочешь меня опозорить?»

Потихоньку-полегоньку они доехали до пешеходной улицы, почти пустой в сегодняшнее снежное понедельничное утро, и Озеров, приткнув джип к невысокой каменной ограде, сказал:

– Приехали, вылезай.

Федя как ни в чем не бывало засунул опозорившийся планшет в рюкзак и выбрался из машины.

– Нам надо экскурсию по городу заказать, – вдруг сказал он. – Мамаша велела! Она в любом городе, куда бы мы ни приезжали, первым делом заказывает экскурсию. Мы с отцом уже привыкли! Она считает, что только дикари приезжают в незнакомое место и сидят в гостинице или на работе, а больше ничем не интересуются!

Тяжелая неухоженная дверь служебного входа проскрипела, отворяясь, и на них строго и торжественно взглянул вахтер в синей форме. Перед ним на желтом канцелярском столе были разложены большие шнурованные тетради.

– Мы к директору, – бодро заявил Федя Величковский, откидывая капюшон. Под капюшоном обнаружилась войлочная шапка «Пар всему голова», и Озеров понял, что торжественный вахтер их ни за что не пустит.

Не помогут ни паспорта, ни удостоверения «Радио России», ни словесные уверения в благонадежности.

Нужно было сразу директору позвонить!..

Ни по одному из известных Озерову номеров никто не брал трубку, и они так бы и уехали несолоно хлебавши, если б не заведующая литературной частью. На ходу отряхивая снег с

пальто и платка и сильно топая ногами, она вошла в вестибюль, поздоровалась и сказала вахтеру негромко:

– Дядя Вася, это гости из Москвы, пропустите.

– Вот спасибо, – пробормотал Озеров. – А то мы уже надежду потеряли.

Она покивала, не слушая, и пошла по вытоптанным мраморным полам в сторону лестницы, видневшейся за поворотом. Подол длинной юбки был весь забрызган грязью.

– Никаких новостей нет? – спросил Федя с жарким любопытством. – Не знаете?

– Какие же новости? – под нос себе пробормотала бледная и какая-то одутловатая заведующая литературной частью. Федя мог поклясться, что она всю ночь рыдала. Может, у нее с режиссером Верховенцевым были *особые отношения*? Кажется, так это называется в пьесах! – Что за напасти на нас, да еще так неожиданно! Бедный Юрий Иванович. Они с Верховенцевым не то чтобы дружили, но понимали друг друга хорошо. А это важно, очень важно для театра, когда главный режиссер и директор выступают единым фронтом. У нас ведь мир очень сложно устроен, очень. Все нервные, тонкие, талантливые.

Они поднимались по лестнице, голоса гулко отдавались от стен. Федя хотел спросить, точно ли талантливы все до единого, но вместо этого спросил:

– А из-за чего вчера скандал случился?

– Боже мой, да не из-за чего, – сморщившись, сказала Ляля. – Самая обыкновенная свара! Валерия Дорожкина по ним большая мастерица.

Она потянула дверь и пропустила их вперед:

– Юрий Иванович, Юрий Иванович! – Она выговаривала «Юриваныч». – К вам пришли!

Дверь из приемной, где давеча за шкафом рыдала Кузина Бетси, в директорский кабинет была распахнута и подперта фигуркой чугунного бульдога, чтобы не захлопывалась, и за ней происходило какое-то движение, как будто Юриваныч бегал туда-сюда.

– Мы к вам!

Директор стоял возле высокого книжного шкафа и на пол выбрасывал из него книги. Выбросив некоторую часть, он перебежал к столу, выдвинул ящик, полный бумаг, вывернул его на ковер, стал перед ним на колени и начал перебирать бумаги.

– Юриваныч, – едва выговорила Ляля, – вы... что?!

– Может, помочь? – сунулся Федя Величковский. Он мигом содрал куртку с плеч, подбежал к директору и присел на корточки. – Что мы ищем?

Лукин мельком взглянул на доброжелательную и заинтересованную Федину физиономию, но, кажется, его не заметил.

– Ляля, родимая ты моя! – Голос у него дрожал. Озеров подумал быстро, что бутыль с нашатырем далеко, в костюмерной. Послать, что ли, Федю? – Где же они? Все обыскал – нету!

– Что? Что вы потеряли?!

– Деньги, – сказал Юрий Иванович и странно перекосясь, как будто делал усилия, чтобы не зарыдать. – Все деньги пропали!

– Подождите, какие деньги? – Это Озеров спросил.

Директор боком сел к столу и сорвал с переносицы захватанные очки.

– Вы кто? Вы ко мне? Я не могу, я сейчас не принимаю! Ляля, деньги украли!

Он вскочил и побежал к книжному шкафу – Озеров посторонился, пропуская его.

Ляля вдруг сообразила, ахнула и двумя руками прижала ко рту платок:

– Те?! Те деньги, Юрий Иванович?

Он несколько раз с силой кивнул. Книги с глухим стуком падали на пол. Озеров понимал, что случилась какая-то новая катастрофа, не хуже вчерашней.

– Тук-тук! Можно к вам, Юрий Иванович?

Максим прошагал к двери и аккуратно прикрыл ее перед носом посетительницы.

– Чуть попозже зайдите. У нас совещание.

После чего взял директора под руку, подтащил к креслу и силой усадил. Лукин порывался вскочить.

– Я Максим Озеров, я должен записывать у вас спектакль. Объясните, что случилось.

Федя Величковский из невесты откуда взявшейся темной бутылочки накапал в кружку вонючих капель и сверху долил воды. Директор выхватил у него кружку, глотнул, поперхнулся и стал кашлять. Ляля проворно копалась в бумажных завалах.

– Деньги, – прокашлял директор. Лысина у него побагровела. – У меня в сейфе лежали деньги, пять пачечек!.. Банковские пачки, запечатанные. До вчерашнего дня на месте были, а сейчас... пропали! Пропали! Может, я их переложил?.. Да не перекладывал я! Ляля, родимая, ведь пятьсот тысяч!..

– Вы точно не перекладывали, Юриваныч?

– Вроде нет! Да нет, зачем я их буду куда-то перекладывать?!

– В этом сейфе они лежали?

Директор горестно покивал:

– В самом дальнем уголке. Вон за теми папками! А теперь там пусто! Пропали, украли! Ляля, что мы будем делать?!

Максим подошел и посмотрел внутрь большого несгораемого шкафа. И Федя подошел и заглянул. И туда-сюда покачал бронированную дверь.

– У кого еще есть ключи?

– Какие ключи? Ах, ключи! Дома у меня запасные и еще у главного режиссера были, а больше ни у кого! Даже у Тамары Васильевны нету. Мальчики, что теперь нам делать?

Озеров сел за стол напротив директора и сказал очень спокойно и твердо:

– Давайте обсудим ситуацию. – Когда он говорил так спокойно и твердо, его все слушались и приходили в себя. – Вчера вечером деньги, пятьсот тысяч рублей, были на месте. Правильно я понимаю?

– Абсолютно, совершенно, родимый мой.

– Сегодня вы пришли в кабинет, и... что? Сейф был взломан?

– Боже сохрани, ничего не взломан, в полном порядке сейф. Он был заперт, я его открыл вот этими самыми ключами, – Юрий Иванович показал на связку, которая болталась в замочной скважине. – Я вынул личное дело Бочкина, просто чтобы подготовиться к составлению некролога...

– Как, Бочкин тоже умер? – издали удивился Федя.

– Боже мой, Бочкин – наш главный режиссер! Он вчера трагически скончался. Виталий Васильевич Бочкин.

– Верховенцев это псевдоним, – объяснила Ляля.

От всех потрясений, случившихся за последние сутки, ее не держали ноги. Она присела на первый попавшийся стул, взяла кружку, из которой пил директор, и тоже сделала несколько глотков.

– Вы не понимаете, Максим Викторович, – вдруг сказал директор, и Озеров удивился, что Юрий Иванович его вспомнил. – Вы не до конца понимаете. Эти деньги... не простые, золотые они. Вот так и есть. Мне их передал один меценат, очень большой человек в области. Он наш покровитель. Не просто так передал, не с глаза на глаз, а прилюдно, на собрании!..

– Это деньги на ремонт крыши, – пояснила Ляля. – У нас крыша в очень плохом состоянии, а бюджет... сами знаете, какой у театров бюджет. Нас весной стало затапливать, так мы всем театром декорации спасали, архивы. По ночам дежурили.

– Все лето деньги искали, кланялись, просили. Это непросто, никто не дает. Я и в мэрию, и в администрацию, – Юрий Иванович горестно махнул рукой. – Никто раскошелиться не хотел! А этот... дал! Полмиллиона тютелька в тютельку! Мы до снега хотели работы провести,

начали уже, и тут!.. Главное, вы понимаете, я и не заметил, что их нет. Я личное дело достал, и только пото-ом!..

– Если сейф не взломан, значит, его открыли ключами, – сказал Федя Величковский. Он как будто обнюхивал толстую дверь, потом засунул голову внутрь. – Ваши запасные ключи на месте? Дома?

– Родимый ты мой, откуда ж я знаю!

– А ключи режиссера Бочкина? То есть Верховенцева?

– Так его же в морг вчера забрали. Господи, какое несчастье, какое несчастье!

– Юрий Иванович, надо специалистов вызвать, – предложил Озеров с сочувствием. –

Компетентные органы.

– Не могу я органы вызывать, Максим Викторович. – Директор стал галстуком протирать очки. – Никак не могу. Это дело тонкое. Меценат наш не простит. Он и так не простит, а если уж я полицию подключу! Он ведь, понимаете, мне из рук в руки их отдал. Без всяких расписок, записок. Он человек такой... особенный, непростой.

– Бандит? – уточнил Федя Величковский, хотя все было и так понятно.

Юрий Иванович грустно нацепил очки.

– Непростой человек, – повторил он. – Очень любит наш театр. В трудовую книжку я к нему, знаете, не заглядывал, что именно там значится, бандит или депутат! Не знаю и знать не желаю. Он нам всегда помогает. Он всегда участвует! А тут такое неуважение, такая катавасия! Полмиллиона, шутка ли!..

– И крыша, – тихонько вставила Ляля. – Только приступили.

– Мальчики, родимые, – вдруг встрепенулся директор, – вы уж никому ни единого слова!

Поклянитесь, что ни звука!

– Клянусь! – громко пообещал Федя, а Озеров ничего не сказал.

Ляля поднялась и принялась по одной возвращать книги в шкаф. По тому, как она их ставила, было понятно, что деньги – полмиллиона тютелька в тютельку! – пропали окончательно, их никто и никогда не найдет, и нет никакой надежды на то, что Юриваныч случайно переложил их из сейфа в книжный шкаф.

– А может, все и затевалось ради денег, шеф? – спросил Федя. Он заглянул в пустой аквариум с сухим песком на дне. – Как вы думаете? Может быть, режиссера Бочкина, то есть Верховенцева, убили только для того, чтобы вытащить у него ключи от сейфа? Куш неплохой!..

– Почему убили? – с ужасом спросил директор и повернулся к Феде вместе со стулом. – Как это – убили? Он же просто лежал... на полу... и никаких следов и намеков даже... Максим Викторович, это невозможно!

– Наш Федор сценарист, – пояснил Озеров. – Специализируется на детективных постановках.

– Постановка! – повторил директор и схватился за голову. – На сегодня была намечена запись для радио, боже мой!..

– Сегодня мы ничего записывать не будем.

– Максим Викторович, родимый вы мой, как же нам быть? Мы просто должны, мы обязаны!

– Что?

– Записать спектакль по повести Чехова «Дуэль»! – выдохнул директор с жаром. – Мы так готовились! Мы собирались!

– Переругались все, когда состав утверждали, – грустно вставила Ляля.

– Вот именно, так и есть. Мы должны записать, не сегодня, так завтра или через три дня!

Умоляю вас, Максим Викторович!

– Да не надо меня умолять, – несколько растерялся Озеров.

– Нет, нет, вы не понимаете!

– Я не понимаю.

– Это же Всесоюзное радио! Ну, то есть Всероссийское, конечно! Такая запись – это некоторым образом плевков в вечность!

Озеров вытаращил глаза.

– Как же?! Наш радиоспектакль пройдет в федеральном эфире, мы останемся в фонотеке Госрадиофонда! – разошелся Лукин.

– В Берлине будут представлять, – поддал жару Федя. – На конкурсе «Золотой микрофон»!

– Да, да, конечно! И потом – я обещал. Не только артистам, но и... нашему меценату. Я имел неосторожность твердо ему пообещать! Он ждет, что наш театр наконец-то прогремит на всю Россию. Мы должны, должны это осуществить!

Озеров пожал плечами. Директор ему нравился и вызывал сочувствие.

– Давайте осуществим, – сказал он наконец. – Собственно, для этого мы и приехали, просто я так понял, что сейчас это будет затруднительно...

– В память! – закричал Юрий Иванович. – В память о великом и безвременно ушедшем! Он же ученик самого Любимова! Сам Любимов ставил, можно сказать, руку нашего покойного мастера!.. Артисты будут играть как никогда, обещаю вам!

– Покойный был хорошим режиссером? – Федя сел верхом на стул и зачем-то надвинул на голову капюшон толстовки.

Возникло молчание, очень короткое.

– Грамотным, – первой ответила Ляля. – Виталий Васильевич был на самом деле опытным и профессиональным режиссером. Он любил ссориться с артистами, и ссорить артистов тоже любил, но, насколько я знаю, так делают многие режиссеры. Вот, например, Юрий Любимов...

– Сразу после похорон, – Юрий Иванович молитвенно сложил руки на груди. – Мы проводим его и на следующий же день дадим спектакль! Максим Викторович, родимый вы мой, мы же так и сделаем, правда?

– Хорошо, – согласился Озеров. – Можно попробовать.

– У-уф, – выдохнул директор театра и помахал на себя, как веером, растопыренной пятерней. – Как трудно, боже мой, как все трудно!..

Вдруг широко распахнулась дверь, сквозняком дернуло по занавескам. Зашуршали и поползли вываленные на пол бумаги.

– Юрий Иванович, подпишите мне увольнение!

Широко и твердо шагая, Роман Земсков приблизился к столу и, глядя директору в глаза, положил перед ним листок. По сторонам он не смотрел.

– Какое еще увольнение, – под нос себе пробормотал Лукин, взял листок, далеко отставил от глаз и, шевеля губами, принялся читать единственную начертанную на нем фразу.

Федя вытянул шею и перестал качаться на стуле. Ляля задвинулась поглубже за дверцу шкафа. Озеров положил ногу на ногу.

– Родимый мой, – прочитав несколько раз, начал Юрий Иванович, – как же так можно? Что за номера? У нас... такие происшествия, а ты деру дать собрался?

– Мне наплевать, – сказал Роман твердо. – Если не подпишете, я просто уеду, и все. Ни дня не останусь в этой богадельне!

– Да как же я подпишу, когда ты у нас во всех спектаклях задействован, на тебе держится весь репертуар!

– Плевать. Я. Хотел. На ваш. Репертуар, – очень четко выговорил Роман, оперся ладонями о край стола и придвинулся к самому директорскому носу. – Подписываете, или я так ухожу?

– Ромочка, родимый ты мой, так же не делается! Не делается! Кого я сейчас на твои роли введу?! Ну кого? Ты знаешь, второй режиссер у нас слабоват, Виталий Васильевич его ни к чему серьезному не допускал, он и подготовить никого не успеет! Подожди, родимый, хоть... ну, хоть до лета!

Роман Земсков сузил глаза и выхватил из директорской руки листок.

– Понятно, – отчеканил он. – Только не говорите потом, что я вас не предупреждал. Счастливо оставаться!

Озеров, которому нравился Юриваныч, решил, что пора вмешаться.

– В каких постановках участвует юноша? – спросил он негромко и снял невидимую соринку с собственного вельветового колена.

Оба, и директор, и мятежный артист, как по команде повернулись и уставились на столичного режиссера.

– Боже мой, да практически во всех, – пробормотал директор. – И в «Свадьбе Кречинского» играет, и в «Белой гвардии», и в «Методе Гронхольма», и...

– Вот и славно, – перебил Озеров. – Материал прекрасный! Как раз у меня будет несколько свободных дней, я подготовлю кого-нибудь из второго состава. У вас наверняка есть кандидатура.

Озеров еще полюбовался своим коленом. Заведующая литературной частью совсем затихла за дверцей книжного шкафа. Федя Величковский почесался.

– Да, – как будто спохватился Максим Викторович, – еще спектакль для «Радио России»! Кого из перспективных порекомендуете, Юрий Иванович? Все же федеральный эфир, дело серьезное. Опять же Берлин, европейские премии...

– Ванечка, – выдал директор и посмотрел умоляюще, – Ванечка Есаулов очень неплохой артист, подает большие надежды...

– Звоните ему, Юрий Иванович, пусть тексты учит!

– Есаулов? – повторил Роман Земсков и раздул ноздри. – Какой из него фон Корен? Или Турбин?! Вы что, рехнулись совсем?!

– Так ведь отступать некуда, родимый ты мой! – вскричал Юрий Иванович, по всей видимости, с опозданием разгадавший режиссерский замысел Озерова. – Ты ж мне руки выкрутил совсем! Мне же надо ликвидировать прорыв! Где он тут у меня, Ванечка Есаулов... боже мой... неловко, конечно, и объемы большие, но...

– Есаулов не будет играть фон Корена! – заорал Земсков.

– Будет, будет, – успокаивающе протянул Озеров. – Мы ему поможем, и он сыграет.

Роман секунду постоял над директором, как будто коршун парил над заполошной курицей, потом медленно разорвал заявление – раз и еще раз.

– Хорошо, – сказал он. – Я все понял. Но только до Нового года, ясно вам? И ни дня больше!..

– Конечно, конечно, родимый, – закивал директор. – Ни дня, ни секунды! Давно бы так, а то что ж... подпишите заявление!.. А мне куда деваться? Да и Есаулов неплохой, неплохой артист!

Роман швырнул на пол обрывки заявления и вышел, сильно хлопнув дверью. Директор шумно вздохнул.

– Весело у вас, – констатировал Озеров, когда закрылась дверь.

– Вы не подумайте, что у нас тут вертеп и никакой дисциплины, Максим Викторович! После вчерашних трагических событий нервы у всех на пределе. Артисты природы тонкие, впечатлительные. Земсков неплохой, очень неплохой парень, но – звезда. Такая звезда, боже мой!..

– Юриваныч, я пойду, – тускло сказала Ляля.

– Ляля, только никому ни слова! Собрание надо проводить, а тут еще деньги эти!.. Как все нескладно, как нескладно!

– Познакомьте меня со вторым режиссером. Он в курсе хоть чего-нибудь? – спросил Озеров.

– В курсе, конечно, в курсе! Покойный Виталий Васильевич всю текучку на него перекладывал, и он старается очень, очень!..

– Я познакомлю, Юриваныч. Если Игорь сейчас на месте. А Островского я у вас заберу, это мой Островский.

– На месте, Лялечка! Такой день, все собрались, кто же дома усидит... Боже мой, какая беда, какие несчастья.

В приемной перед зачехленной пишущей машинкой «Москва» сидела пожилая удрученная тетка.

– Как там, Ляля? – спросила тетка трагическим полупшепотом, когда они вышли. – Ничего?

Ляля пожала плечами.

Следом выскочил Юрий Иванович:

– Экскурсию, экскурсию по театру надо обязательно, Максим Викторович! Я сам собирался провести для вас и для... молодого человека. Вот Ляля вам все покажет! И интервью надо организовать! Непременно организовать! У нас одна девчущка очень складно пишет для «Волжанина»! И в «Комсомольскую правду», и в «АиФ» звоните, у нас гости из столицы.

Заведующая литературной частью привела их в угловую комнату, полную сквозняков, растрепанных книг, папок и старой мебели. Выкрашенные в желтое стены сверху все были в мокрых разводах.

– Крыша, – объяснила Ляля равнодушно. – Теперь уж не починим. Хотите чаю?

– А у вас вообще-то подворовывают? – озабоченно спросил Федя Величковский.

Ужасно, но ему все нравилось!..

Нравился старый театр с полутемными истертыми лестницами и круглыми окнами, выходящими то на заснеженные липы и пустынную городскую улицу, то вдруг – неожиданно! – на широкую лохматую коричневую воду. Нравился директор с его захватанными очками и лысиной. Нравился артист Земсков, который на глазах у Феде задавал такие гастроли, что в холодном кабинете даже жарко стало! Нравилась заведующая литературной частью, одетая, как пожилая цыганка, с длинными, растрепанными, неухоженными волосами и толстенным томом Островского под мышкой. Нравилась детективная пьеса, игравшаяся прямо на его, Фединых, глазах – самая настоящая, в настоящих декорациях, современная, но похожая на старинную.

Еще ему очень понравилось, как шеф моментально укротил строптивного артиста! Кажется, тот ничего и не понял!

Феде очень хотелось... расследовать, красться по темным коридорам, подслушивать зловещие разговоры, делать выводы, опровергать обвинения и строить версии. Еще он представлял, как станет рассказывать всю эту историю папаше с мамашей, а они будут слушать – очень внимательно и с сочувствием, но сделав иронические лица.

Он очень любил, когда родители делали иронические лица.

...Куда же могли деться «приваловские миллионы»?

– Федька, – вдруг сказал шеф, – где ты взял валокордин?

– А?... – удивился Федя.

– Ты капал директору валокордин. Откуда ты его взял?

Величковский кивнул на свой рюкзак.

– Вон, в боковом кармане. У меня всегда с собой валокордин, нитроглицерин, средства от головы и от поноса. – Тут он галантно шаркнул ножкой в сторону заведующей литературной частью. – Пардон за прозу жизни, мадам. Мамаша приучила! Она считает, что у каждого культурного человека под рукой должны быть элементарные средства спасения!

– Потрясающе, – оценил Озеров.

– Кто мог украсть деньги, Ляля... как вас по отчеству?

– Ольга Михайловна, но все зовут меня просто Ляля. Я привыкла.

– А раньше что-нибудь пропадало?

Она пожалала плечами. Старенький электрический самовар сначала засопел, а потом тоненько заныл. Ляля стала насыпать заварку в чайник с красными и золотыми цветами.

– По мелочи иногда что-нибудь пропадает. У Валеры Дорожкиной чаще всех. Но у нее и вещи... особенные. Дорогие, красивые. У Софочки, это зав костюмерным цехом, как-то кружевной воротник пропал, и не нашли. Но денег никогда не брали, никогда!.. У нас и двери-то никто не запирает, сумки у всех нараспашку, и в голову не приходит прятать!

Озеров подошел к окну и уставился на снег, который все валил и валил, засыпая широкий полукруглый балкон с облупленной балюстрадой.

– О том, что у директора в сейфе большая сумма, знал весь театр, – произнес он задумчиво. – Этот ваш меценат ему деньги при всех вручил?.. Когда это было?..

– Ох, да где-то перед началом сезона. Да, да, собрание труппы было, мы его всегда приглашаем, он непременно участвует. Значит, в сентябре.

– До сегодняшнего или до вчерашнего дня деньги спокойно лежали на месте. И вдруг пропали!..

– Шеф, согласно моей теории, мы должны двигаться от финала к началу. Мы видим результат! Результат такой – режиссер умер, звезда отравлена, деньги пропали. Мы должны смоделировать начальные условия.

Озеров покивал, не слушая.

– А Роман Земсков? Хороший актер? – спросил он. – Вчера он играл превосходно!

– Он прекрасный артист.

Озеров обернулся:

– И все время бьется в истерике?

– Да нет же! – горячо возразила Ляля. – Нет, нет! Он очень впечатлительный, конечно, но у всех артистов подвижная нервная система!

– Я догадываюсь.

– Он человек редкого таланта, редчайшего! Он алмаз, понимаете? Он тонкий, умный, сверходаренный! Каково ему среди неумных и неодаренных?

– Что, – уточнил Озеров, – прямо ни одного больше нет одаренного?

– Сравнимого с ним – нет, – твердо сказала Ляля.

Глаза у нее вдруг налились слезами. Полночи она проплакала и была уверена, что на сегодня слезы все кончились, день на людях она как-нибудь перетерпит, но оказалось, что их еще много, очень много! Целое озеро. И озеро вышло из берегов.

Ляля всхлипнула. Эти двое – чужие и очень холодные. Так ей казалось. При них нельзя, никак нельзя! Они станут смотреть на нее брезгливо и без всякого сочувствия. Они над ней смеяться станут!

– Я сейчас, – пробормотала Ляля, – секундочку.

И выскочила из кабинета. Младший, двухметровый и лохматый, вроде бы даже присвистнул ей вслед.

– Шеф, – приглушив бас, сказал двухметровый и лохматый, когда дверь захлопнулась, – может, у нее с этим, с Земсковым, *особые отношения*, а вовсе не с покойным режиссером Верховенцевым?

– Какое тебе дело, Федя?!

– Я веду расследование. Почему она заплакала? Она же почему-то заплакала!..

– Давай, Федя, чаю выпьем, – предложил Озеров. – Доставай чашки! Попали мы с тобой в историю.

– А вы правда можете за три дня подготовить замену на все спектакли?

– Федь, ты что, чокнулся? Конечно, нет! Я и спектаклей не видел ни разу!

– То есть это был ход! – наслаждаясь, констатировал Федя. – И он сработал!

Озеров распахнул шкаф – у заведующей литературной частью, как и у Юриваныча, мебель была старая, тяжелая, как будто пережившая войны и революции, – и одну за другой выставил чашки.

Нижняя створка отворилась со старушечьим скрипом. Максим присел и задумчиво заглянул внутрь. Там не было ничего интересного.

Вернулась Ляля, похудевшая и постаревшая за несколько минут в коридоре, и стала разливать чай.

– Игорь Подберезов, наш второй режиссер, сейчас подойдет, – сообщила она и шмыгнула носом. – Я к нему заглянула. Он спрашивает, нужна ли вам репетиция, или вы сразу записывать будете.

– Репетиция не нужна, – сказал Озеров и прихлопнул тяжелую дверцу шкафа. – Запись для радио и без репетиций достаточно сложное испытание. Перед пустым залом играть трудно и непривычно. Так что прорепетируем прямо на сцене, а накануне просто читаем. Можно прямо здесь, у вас. Или где вы читаете?.. Надо Юрия Ивановича попросить, чтобы он на завтра назначил читку.

– Я ему скажу. Юриваныч еще насчет интервью волновался. Так я организую, вы не против?

– Я не против.

– У нас по совместительству работает одна девушка, она в газету пишет, с нее и начнем.

– Шеф, можно я немного погуляю по театру? – кротко спросил Федя Величковский, моментально выдувший весь свой чай. – Обещаю вести себя хорошо, в перепалки не вступать и в драки не ввязываться!

– Какие еще драки?! – Ляля звякнула чашкой. – У нас не бывает никаких драк!

Максим кивнул, и Федя выскочил за дверь.

Никакого определенного плана у него не было, он собирался походить по коридорам, заглянуть в кулисы, выйти на сцену и посмотреть в зрительный зал, если получится. «Внутреннюю жизнь» театра своими глазами он никогда не видел, зато время от времени таскал у матери книжки, она очень любила мемуары, особенно актерские и режиссерские. Согласно мемуарам, театр живет по совершенно другим законам, не так, как все остальные учреждения. Да и слово «учреждение» тут неуместно. Согласно мемуарам, театр – это «большая семья», где то и дело ссорятся, мирятся, любят и ненавидят, строят козни, помогают, выручают, чего только не делают. Федя Величковский решительно не мог представить себе семью в несколько сотен человек! Его собственная семья – мать, отец, братан и он, Федя, – уже была достаточно многочисленной, особенно если добавить тетю, дядю, бабушку Шуру и двоюродных! Согласно мемуарам, для настоящего артиста родители как раз не имеют значения, а имеет значение «семья театральная». Там и есть высший суд, там главные награды и главные разочарования.

Феде Величковскому – как начинающему сценаристу и будущему писателю! – очень хотелось изучить это явление, хотя бы поверхностно, со стороны.

Да и детективная пьеса, пополнившаяся новыми зловещими подробностями, очень его занимала. Кража денег – вот что главное! Общеизвестно, что у любого преступления есть всего три мотива: любовь, она же ненависть и страсть; деньги, туда же наследство, подложные векселя и всякое такое; и попытка скрыть предыдущее ужасное преступление.

Федя был уверен, что в этой детективной пьесе все дело как раз в деньгах.

Он поднялся на самый верхний этаж, заглядывая во все открытые двери, и оказался как будто перед воротами, окованными новой жостью. Одна створка ворот была распахнута. Федя подумал и вошел.

В огромном помещении все оказалось каким-то преувеличенным. Слишком большие стулья, слишком большие фонари, слишком большие деревья в горшках, все ненастоящее. Не сразу Федя сообразил, что это, должно быть, цех, где делают декорации.

– Заблудились? – негромко спросил высокий бородатый человек, выходя из-за какого-то шкафа. Он вытирал тряпкой крепкие жилистые руки.

– Пожалуй, нет, – признался Федя Величковский. – Я на экскурсии. У меня такая экскурсия – на одного.

– Валерий Клюкин, – представился человек. – Муж Валерии Дорожкиной. Я всем сразу говорю, что я муж, чтобы не было вопросов.

– А какие у меня... могут быть вопросы? – не понял Федя.

– Мало ли, – пожал плечами бородач. – У меня такое почетное звание – муж звезды.

– По-моему, неплохое звание! – заявил Федя. – Если теоретически представить себе, что у меня могла быть жена, я бы предпочел, чтобы она была звездой, а не просто какой-нибудь убогой дурочкой.

– Н-да, – то ли согласился, то ли не согласился Валерий.

– Вы декорации прямо здесь делаете?

– Прямо здесь.

– Как вы думаете, что могло случиться с главным режиссером?

Валерий швырнул тряпку в угол, она приземлилась на ящик, в котором, как патроны в патронташе, были плотно натканы желтые длинные банки.

– Он помер, – сказал Клюкин равнодушно. – Что еще с ним могло случиться?

– А может, его убили?

– Бросьте. Кому он нужен?

– Я не знаю. Но вашу жену тоже пытались... убить. В тот же вечер.

Клюкин подумал немного.

– Послушайте, молодой человек. Мне нет никакого дела до моей так называемой жены. Мы разводимся. Я больше не могу и не хочу!.. Она вполне жива и здорова, с ней все прекрасно. Не знаю, пытались ее убить, или она сама...

Федя наострил уши.

– Что сама?

– Ничего! – рявкнул Клюкин неожиданно. – Можете продолжать вашу экскурсию в другом месте. У меня работы полно.

Федя, которого никогда в жизни ниоткуда не выгоняли, неопределенно улыбнулся, пробормотал «спасибо» и вышел из обитых жестью ворот.

Странная личность этот «муж звезды», очень странная!

В коридоре на втором этаже ему навстречу попала очень хорошенькая девушка. Вчера он ее уже видел. Кажется, она дочка директора Юриваныча.

– Здравствуйте, – издали весело сказала девушка и помахала ему рукой. – Вы еще не уехали?

– Нет, – ответил Федя и тоже улыбнулся. – Мы и не собирались!

– А я в «Дуэли» играю Катю, дочку чиновника. Там всего несколько реплик, – и девушка повела плечом, – но все же лучше, чем ничего! Как вас зовут?

Величковский представился по всей форме.

– Федя – смешное имя, – развеселилась девушка. – А я Алина!

– Алина, – немедленно начал Федя, – сжальтесь надо мною. Не смею требовать любви, быть может, за грехи мои, мой ангел, я любви не стою, но...

– Как?! – совсем уж засмеялась Алина. – Так уж и любви?.. Какой вы быстрый! Вы на радио работаете?

– На радио, – признался Величковский. – На телевидении тоже пытаюсь работать.

– Вы артист, Федя?

– Я сценарист. Ну, еще, конечно, редактор, иногда ассистент режиссера, когда надо, корреспондент...

– Федечка, – Алина взяла его под руку и немного прижалась крепкой и весомой грудью. – Напишите для меня сценарий! Самый лучший и самый красивый! Для самого первого и самого красивого канала! А лучше сразу для большого кино! Я стану знаменитой артисткой и вас тоже немножко... прослаблю.

– Я... постараюсь, – слегка струхнул Федя и спросил глупость: – А вы хотите сниматься в кино?

– Господи, кто же не хочет сниматься в кино?!

– Я не хочу, – откровенно признался Федя.

– Так вы и не артист! Хотя у вас... хорошая фактура. Вы красавец.

Фрондер и циник Величковский, объявленный красавцем, подумал, не отступить ли.

Нет, он опытный человек!.. В конце концов, у него за плечами один неудачный роман и первая любовь в десятом классе, тоже не слишком удачная! Он немного подзабыл, в чем было дело в этом самом десятом классе, но объект его любви, кажется, не обращал на него никакого внимания, и подаренный на День святого Валентина мишутка был оставлен на парте в классе – несколько напоказ. Родители, когда Федя им об этом даже не рассказал, а упомянул небрежно – мишутку было жалко, деньги на него он брал у мамы, долго присматривался и выбирал, – сказали, что на это не стоит обращать внимания. Если девушка так поступает с твоим мишуткой, сынок, выход у тебя только один – больше не дарить ей подарков. И царапина зажила очень быстро, даже удивительно. Неудачный роман он вовсе не хотел вспоминать! Там уже не царапина была, а кровавая рана, и ему до сих пор было немного страшно ее тревожить.

Он опытный человек, но по какой-то необъяснимой, нелепой чистоплотности опасался и не понимал девушек, прижимавшихся грудью в первые секунды знакомства. Никакого удовольствия и трепета он не испытывал, наоборот!.. В голове сразу наступало похолодание, он отстранялся, принимался сложно и витиевато говорить – в общем, как правило, через некоторое время, к Фединуму облегчению, девушка начинала скучать и прекращала натиск.

...Но тут другое дело! Тут – детективная пьеса в декорациях драматического театра! Может, имеет смысл продолжать?

– Проводить вас? – осведомился Федя, решивший, что имеет смысл продолжить.

– Я иду к папе. Мой отец директор.

– Вам повезло, должно быть.

Алина фыркнула:

– Все считают, что дочка директора театра обязательно должна быть примою! А у нас все наоборот! Папа считает, что не должен хлопотать за меня, потому что это непорядочно. Если режиссер решил меня утвердить, значит, утвердит! Ну, так было, пока он не помер. Он вчера помер!

– Бог мой, – сказал Федя Величковский. – Какое несчастье.

Алина махнула рукой.

– На самом деле он противный был! Всем молодым артисткам глазки строил. Имел право, в общем. От него зависело, кто будет играть, а кто за кулисами стоять. Или участвовать в сцене «Выходят крестьяне»!

Любвеобильность главных режиссеров, о которой Федя тоже знал из мемуаров, всегда казалась ему придуманной. Зачем нормальному, да к тому же занятому, да еще, так скажем, не первой свежести человеку гарем из молодых, не очень молодых и совсем пожилых женщин? С ними, наверное, управляться трудно, они сил очень много отнимают, между ними нужно как-то лавировать, юлить?.. А выходит, так оно и есть на самом деле?! Главный режиссер падишах, а вся женская половина «театральной семьи» – его наложницы?

Покойный режиссер Верховенцев был не похож на падишахов, какими их Федя представлял себе по иллюстрациям из журнала «Восточная коллекция», номера которого он время от времени таскал у матери! Режиссер Верховенцев, хоть и облаченный в бархатную куртку, белые брюки и красный шарф, производил впечатление удрученного мужчины преклонных лет, которому некогда как следует побриться!

– ...папа его всегда слушал и поддерживал, – продолжала Алина. – Может, сейчас что-то изменится, не знаю! Устройте меня на радио, Федя! Я буду вести программу!

– Могу похлопотать. Максим Викторович Озеров, мой начальник, самый известный на радио режиссер, он будет записывать «Дуэль» и...

Алина расширила прекрасные глаза. Это у нее получалось виртуозно.

– Который в таком диком пуховике?!

– Почему... в диком? – смешался Федя.

– Господи, ну, конечно, в диком!.. Он режиссер, да?! Как это я сразу не поняла, мне же папа говорил! Послушайте, Федя, познакомьте меня с ним!

– Ну... конечно.

– Алиночка, ты уже взяла молодого человека в оборот?

В конце коридора показался высокий темный силуэт, быстро приближавшийся.

– Принесло, дома ей не сидится, – под нос себе пробормотала Алина, повернулась, раскинула руки и сердечно расцеловалась с подошедшей молодой женщиной. – Никаких оборотов, что ты, Мариночка! Сегодня все здесь, и у всех траур.

– И у тебя траур? – уколола ее глазами дама. Алина была в белом свитере с блестками и тесных белых джинсах. – Познакомь меня, дорогая!

– Федор Величковский, приезжий из Москвы, – отрекомендовался Федя.

– Марина Никифорова, артистка. Здешняя! – И засмеялась, подавая ему узкую холодную руку.

Эта, напротив, была вся в черном, вокруг шеи боа из гладких, как будто антрацитовых, перьев. Кажется, именно ее вчера обвиняли в том, что она ест щи из банки, которыми провожняло платье звезды Валерии Дорожкиной.

– Вы производите разведку на местности, Федор? А мне казалось, что все роли уже распределены и изменений не будет! Или я ошибаюсь?

– Роли? Какие роли?

– В спектакле, который вы приехали записывать!

– Я не распределяю ролей, – перепугался Федя.

– Но изменения будут?

– Я не знаю. Наверное, нет.

– А запись будет? Все в силе?

– Наверное, да.

– Вы милый! – заявила антрацитовая Никифорова и слегка обняла за плечи белоснежную Алину. – Что наш директор? После вчерашних потрясений?..

– Да ничего хорошего, – погрустнев, сказала Алина. – Мне его так жалко, папу! Все на него!.. И эта дрянь его оскорбила при всех ужасно! Я даже хотела пойти и надавать ей пощечин.

Глаза у артистки Никифоровой сверкнули.

– Алиночка, если на все гадости, что нам говорят, обращать внимание, лучше просто уйти из профессии!

– А кто теперь будет режиссировать? – встрял Федя Величковский.

– Наверное, Игорь Подберезов, наш второй. Но главным он не потянет.

– Не потянет, – согласилась Алина.

– Видимо, кого-то со стороны будут приглашать. В прошлом году ходили слухи, что Остапчука пытались склеить, но это вряд ли, он не поедет из Питера!.. Вы слышали про его «Антигону»?

Федя вынужден был признаться, что ничего не слышал.

– Знаменитый спектакль, революционный! В Интернете столько писали!.. Целый скандал был!

– Остапчук – фигура, – согласилась Алина. – Не то что наши доморощенные...

– Верховенцев, между прочим, не доморощенный, – возразила Никифорова язвительно. – Столько лет в Москве проработал.

– Марина, театр не должны делать старики! Театр должен быть молодым во всех отношениях! А старикам на пенсию нужно! Старикам везде у нас почет!

– Ему было всего шестьдесят три!

– Вот именно!

– Отчего он мог скончаться? – спросил Федя как можно более незаинтересованно. – Да еще так внезапно!

– Ах, отчего! Понятно, от чего, – заговорили обе красавицы разом. – От нервов. Мы все тратим нервы и даже не думаем о последствиях!.. Он так переживал, когда начался скандал!.. Папа тоже переживал!

– Должно быть, это был особенный скандал, если Верховенцев после него умер от... нервов, – осторожно предположил Федя.

– Да ничего особенного! У нас часто бывает!.. Есть вздорные бабы... и мужики, между прочим, тоже!.. В нашем театре каждый второй – мировая звезда! А когда состав утверждают!.. Еще и не такие скандалы бывают!..

– А Валерия Дорожкина? – Федя посмотрел сначала на одну, потом на другую. – Ее чем-то отравили! Кто мог это сделать и зачем?..

Они сразу замолчали, и вдруг Алина сказала с ненавистью:

– Я бы сама ее отравила. Дрянь такая! Про папу гадости говорит! Она про всех гадости говорит!..

– Никто ее не травил, – заявила Никифорова. – Я совершенно уверена. Это все игра. Она хотела сорвать спектакль, и чтоб с ней все носились!

– А тут Верховенцев как раз умер, – подхватила Алина, – на нее и внимания-то почти не обратили!.. Поду-умаешь, мертвая царевна! Открывается дверь, она лежит в гримерке бездыханная!..

– Она хотела, чтоб Рамзес не доиграл и опозорился, только и всего!

– Да он на нее никакого внимания не обращал, а она привыкла, что все мужики к ее ногам падают!

– Зачем она ему нужна?! Ему и с Лялочкой прекрасно! Он ей интим-услуги оказывает, а она ему репертуарчик подбирает соответствующий! У нас на всех мужских ролях один Рамзес!

– Лялочка для него изо всех сил старается! Только все равно он ее бросит, вот увидите!

– Ну конечно, бросит!

– Теперь-то вообще другая жизнь начнется! Новый режиссер придет, у него свои любимчики будут!

– А Рамзес у Верховенцева был любимчиком? – переспросил Федя.

– Да ему Ляля капала на мозги день и ночь, какой Рамзес гениальный! А он слушал! И директор, между прочим, во всем его поддерживал!..

– Папа с Виталием Васильевичем знакомы всю жизнь!

– Алиночка, я ни в чем не обвиняю твоего папу!

– Еще не хватает!..

– Милые дамы, – вмешался Федя, опасаясь, что беседа вот-вот свернет в опасное русло, – я тут у вас ничего не знаю. Может, вы мне покажете дорогу на сцену?

– Все из-за нее, – вдруг сквозь зубы процедила Никифорова. – Алина, я пойду. Я их ненавижу, всех этих мышек-норушек!.. Опять она шныряет!

Федя ничего не понял. В конце коридора двигалось нечто бесформенное и темное, и оно приближалось.

– Добрый день, – тихо произнесло оно, приблизившись.

– Алин, мне надо к Юрию Ивановичу, – замороженным, каким-то специально сделанным голосом сказала артистка Никифорова. Только что она говорила совсем другим. – Ты меня не проводишь? Он, наверное, места себе не находит! Я должна его поддержать.

– Провожу, – ответила Алина тоже каким-то новым голосом. И они стремительно двинулись прочь. За ними по всему коридору вспыхивал и гас шлейф электрических искр.

– Можно мне пройти?..

Тут в темном и бесформенном куле Федя Величковский узнал Кузину Бетси. Она тащила громадный ком черного крепа.

– Здравствуйте, – сказал он радостно, как будто встретил близкого человека. – Как вы поживаете? Должно быть, прекрасно!

В отдалении хлопнула дверь – красавицы исчезли.

– Давайте я вам помогу!

– Спасибо, я сама!..

Но он уже перехватил ком, оказавшийся не таким уж огромным.

– Это на сцену надо отнести, – сказала кузина растерянно. – Зал готовят... к прощанию.

– Ужасные события, ужасные! – сообщил Федя из-за крепа. – Весь театр подавлен и опустошен. – Он подумал, что бы еще сказать такого, и добавил: – Одно дело играть трагедии, и совершенно другое – участвовать в них. Как вас зовут, Кузина Бетси? В прошлый раз вы не представились!

– Василиса.

– Прекрасно, – оценил Федя. – Вы тоже опустошены и раздавлены?

Она посмотрела на него, и он вспомнил, как подумал: совсем глупенькая!..

– Мне очень жалко наш театр, – вдруг сказала Кузина Бетси. – Все было так хорошо, и вдруг!.. Что теперь будет?..

– Вы имеете в виду неожиданную кончину главного режиссера?

– У нас прекрасный театр! Вы же, наверное, знаете, раз приехали из Москвы спектакль записывать! Таких больше нет. И Виталия Васильевича очень жалко, правда. Он в следующем сезоне собирался Мольера ставить.

– Он часто болел?

– Нет, что вы, никогда. Он все время проводил в театре, даже когда простужался, все равно приходил. Он говорил, что режиссеры и артисты, как спортсмены, должны работать каждый день. Иначе утратишь форму, а потом в нее вернуться почти невозможно. Он говорил, что знает полно талантливых артистов, которые от незанятости растеряли весь талант, ну, разучились играть.

– Как интересно, – оценил Федор. – Главный режиссер с вами часто разговаривал?

Она улыбнулась.

– Конечно, он не разговаривал со мной как с помощником костюмера! Но я брала у него несколько раз интервью. И он никогда не отказывал!

Роман Земсков не согласился ни разу, хотя она просила. Но она все равно писала про него, и однажды он сказал ей в коридоре: «Спасибо, милая девочка!»

Они вошли в темное закулисье, где пахло пылью и, кажется, краской, и Федор немедленно споткнулся. Она поддержала его под локоть.

– Из-за чего вчера начался скандал?

Василиса вздохнула:

– Даже не знаю. Я прибежала, уже когда... Софочка плакала, а Валерия кричала. Ей показалось, что ее платье кто-то надевал, а мы никогда и никому...

– Она часто такие истерики закатывает?

Василиса промолчала. Она считала невозможным обсуждать «своих» с посторонним!

Они свалили черный креп на составленные на сцене стулья и двинулись в обратный путь.

– Вот здесь провода, осторожней.

– А когда вы прибежали, главный режиссер уже был в коридоре? Или потом пришел?

– Я не помню. Валерия Павловна стала на меня тоже кричать, и я... расстроилась очень. Понимаете, мы с Софочкой отвечаем за костюмы, это наша работа, мы никогда никому не даем чужие, особенно из первого состава, это невозможно просто! А Валерия Павловна почему-то решила, что мы...

– Странная история, – заметил Федя Величковский. – Очень странная. Главный режиссер умер, главную героиню почти отравили, спектакль сорвался, и все это в самый обычный день.

В тот же день – самый обычный! – или на следующий из директорского сейфа пропали ни много ни мало полмиллиона рублей!.. И еще. Кто-то говорил кому-то о «каленном железе», о том, что нужно «выжечь», «истребить» – кто это говорил и кому?.. Вчера, когда Федя подслушал разговор, это казалось ничего не значащей ерундой, а сегодня?..

На лестнице – Федя запутался в лестницах – было холодно и сильно тянуло застарелым сигаретным дымом. Кузина Бетси неуверенно кивнула и пошла вниз к обитым жестью дверям, за которыми теплилась в отдалении тусклая желтая лампочка.

Федя секунду думал, потом последовал за ней.

– А зачем нам в преисподнюю?

Кузина улыбнулась:

– Там у нас склад. Старые декорации, которые уже не в работе, реквизит поломанный. Костюмы пятидесятых годов.

Они давно в негодность пришли, но мы с Софочкой иногда такие вещи находим!.. Кружевной воротник однажды нашли, она отпарила его, отгладила, так потом Валерия Павловна без него играть не могла.

– Тот самый, который впоследствии был похищен? – осведомился Федя.

– Откуда вы знаете? Да, потом пропал куда-то. Искали, но... не нашли.

– А мы идем искать еще один?

– Там разные траурные принадлежности, – объяснила Василиса. – Мне их нужно на сцену перетаскать. Господи, я как подумаю, что похороны впереди!.. Я даже бабушке соврала, сказала, что в университет поехала, а сама на работу. Она еще не знает, что тут у нас случилось, ей волноваться нельзя.

В огромном подвале было еще холоднее, одинокая лампочка светила издалека, как маяк, била в глаза. Среди нагромождений ящиков, коробов, листов фанеры, раскрашенных как крестьянские избы, колонн из папье-маше с отвалившимися, словно выгрызенными мышами капителями, двигаться было нелегко. Время от времени под ногами скрипело и шуршало – в самом деле мыши, что ли, разбегались в разные стороны?.. Федор Величковский, человек закаленный и уравновешенный, чувствовал необъяснимую жуть, особенно когда перед носом вдруг возникали какие-то манекены или куклы гораздо выше человеческого роста, с огромными и страшными улыбающимися лицами с пятнами плесени, похожими на трупные.

Чтобы жуть не одолевала, он сказал очень громко:

– Что за кунсткамера!

– Да, как в фильме ужасов. Осторожней, здесь в полу дырка.

– А вон те монстры тоже реквизит?

– Куклы и медведи? Когда-то Шварца ставили, у него есть пьеса про кукол, я читала. Книжку хотела купить, но их давно нет. Пришлось из Интернета скачивать.

Феде хотелось выбежать из подвала наверх, к людям, к свету, к застарелой сигаретной вони, но страшно было повернуться спиной к чудовищам, как будто они могли наброситься и задушить, и неловко перед девчонкой – она пробиралась совершенно уверенно и спокойно. По крайней мере, Феде так казалось.

Он оглянулся и поежился, беспокойство становилось все сильнее. Что за ерунда?..

– Ну вот. Весь ящик мы, наверное, не утащим, он тяжелый...

Скрипнула крышка, пахнуло сыростью и слежавшейся тканью.

Лампочка погасла, сверху упала темнота, и что-то сильно захлопотало.

Василиса взвизгнула.

Федя весь покрылся потом.

– Что случилось? – очень громко и четко спросил он в крошечной темноте.

– Свет погас!..

– Я заметил.

Стало не только темно, стало еще пронзительно тихо, ухо не улавливало ни малейшего звука. Федя вдруг подумал, что, наверное, так же темно и тихо бывает в могиле, когда голоса, звуки, люди, свет, запахи остаются наверху и к ним уже никогда не вернуться, и до них невозможно добраться.

– Я боюсь, – прошептала рядом девчонка. – Я боюсь!..

– Ничего страшного, – неторопливо произнес Федя, обливаясь потом. – Просто света нет. Дайте руку, где вы?..

Совсем ничего не было видно. Она стояла слева от него и оттуда в него ткнулась ее ладошка, тоже совершенно мокрая. Федя крепко взял ее.

– Теперь нужно двигаться назад. Там были какие-то ящики, осторожно, потихоньку.

И он наугад шагнул. Ладонка подвинулась вместе с ним, видимо, девчонка шагнула тоже.

Глаза не привыкали к темноте, он по-прежнему ничего не видел.

Под ногами зашуршало, и что-то покатилося. Василиса пискнула и тяжело задыхалась.

Тут вдруг Федя сообразил, что у него в кармане телефон, а в телефоне фонарик!.. Он выхватил устройство и нажал кнопку. Загорелся яркий белый огонек.

– И у меня! – закричала Василиса. – У меня тоже есть!..

Загорелся второй огонек. Федя и Василиса посмотрели друг на друга. Со всех сторон их обступали чудовища и тьма, ставшая от капель света еще более непроглядной.

– Здесь, наверное, мыши, – трясясь, выговорила Василиса.

– Шут с ними, – решительно заявил Федя. – Они нас не съедят.

Он снова взял ее руку и повел за собой. Искать среди нагромождений обратную дорогу было трудно.

– Не паникуй, прорвемся! – сказал себе Федя.

– Я стараюсь, – ответила девчонка. Его ладонь она сжимала изо всех сил. – Просто свет никогда не гаснет, а сейчас погас, и еще мыши, хотя они, наверное, сами нас боятся, мы же такие большие, а они маленькие, не станут же они на нас прыгать...

– Прыгать? – переспросил Федя. – Нет, прыгать они точно не станут. По-моему, мыши вообще не умеют прыгать! Прыгают кенгуру. Мы с папашей как-то полетели в Австралию, у него там конференция была. В Австралии просто тьма кенгуру, и они все прыгают. Едешь по шоссе, а по обочине скачет кенгуру, как придурак.

Белый свет уперся в жестяные листы, которыми были обиты двери, и растекаясь по ним мутными неровными кругами.

Федя, уже все поняв, сначала подергал, а потом навалился на створку плечом. И еще раз навалился изо всех сил.

Двери были безнадежно, наглухо заперты.

Ляля Вершинина погремела ключами, закрывая свою комнату. Озеров в пятый раз позвонил Величковскому и в пятый раз прослушал сообщение про то, что «аппарат абонента выключен».

Странное дело. Пропал куда-то, да еще телефон выключил!.. Федя никогда не выключает телефон, утверждая, что «папаша и мамаша будут волноваться»!

– Подвезти вас?

– Нет, спасибо. Я совсем близко живу.

Она погасила свет в коридоре, и они вышли на площадку.

– Я вас провожу до директорской приемной и пойду, хорошо?

Максиму казалось, что Ляля весь день хочет от него отвязаться и не знает как. Совершенно безучастно она слушала беседу со вторым режиссером, безучастно отвечала на вопросы, то и дело о чем-то задумывалась, и Озеров вдруг подумал – может, прав Величковский, с покойным Верховенцевым у нее были «особые отношения»?..

Федина зеленая куртка с мордой льва на спине оказалась на вешалке, значит, из театра он не ушел. Куда делся?..

– До свидания.

Озеров кивнул.

– Максим Викторович, родимый вы мой, загляните, загляните!..

Натягивая пуховик, Озеров заглянул в кабинет.

– А Ляля? Домой отправилась? – спросил Лукин.

– По-моему, да.

– И в приемной никого?

Озеров в дверях оглянулся на пустую и темную приемную.

– Никого, – подтвердил он, и ему стало смешно.

– Страшное известие, – сказал Юрий Иванович очень серьезно и кивком показал на телефон. – Из полиции звонили.

Озеров вдруг отчетливо понял, что на самом деле произошло нечто серьезное. Он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

– Наш Виталий Васильевич был отравлен, – исподлобья глядя на него, сообщил директор и пожал плечами. – Вот такие дела.

– Подождите, что значит – отравлен?..

– Остановка сердца вызвана действием какого-то блокатора или активатора, я, честно сказать, ничего не понял. Уголовное дело заводят. Вот так-то, Максим Викторович.

Озеров сдернул пуховик, в котором в кабинете было невыносимо жарко.

– Велели запереть двери и в его комнату никого не пускать. Нет, я еще вчера запер, конечно, но там все уже побывали!.. Я же не знал, – директор опять пожал плечами. Он был изжелта-зеленый и очень несчастный. – Пропал театр. Пропало дело. Все пропало. Будут теперь искать, шнырять. Допрашивать! – Его передернуло.

Попали мы в историю, подумал Озеров.

– А с чего все началось? С чепухи, с ерундистики! – Юрий Иванович на своем мизинце показал, с какой «ерундистики» все началось. – У Дорожкиной, видите ли, настроение было плохое!

– При чем тут Дорожкина?

– Да если б не скандал, может, и не было бы ничего!.. Все началось со скандала!

Федя Величковский то и дело строил теории о том, что по финальным событиям можно восстановить исходные. Максим вовсе не был уверен, что скандал и есть начало всех событий.

...С чего все могло начаться? Когда? Может, летом, когда меценат из бандитов вручил директору полмиллиона наличными на новую крышу? Или когда Роман Земсков решил уйти из театра – принял он это решение явно не вчера! Или, может, десять лет назад случилось нечто такое, о чем сейчас никто и не вспомнит, но именно это и было началом?

– Вы должны заявить о краже денег, – сказал Озеров.

– Нет, нет, это никак нельзя!

– Юрий Иванович, – Максим подумал и добавил: – Родимый вы мой! А если вашего главного отравили именно из-за денег? Второй ключ от сейфа был только у него. Правильно я понимаю?

– Бог мой, – обессиленно пробормотал директор.

– Вот именно. У вас есть камеры видеонаблюдения? Если есть, распорядитесь, чтобы охранники все записи сохранили в отдельных файлах. Скорее всего, они понадобятся... следствию.

– Камеры у входов есть, ну, в фойе обязательно, в зрительном зале. На фасаде у нас камеры, в коридоре, где бухгалтерия! А в рабочих помещениях никаких камер нет, разве можно?... У нас артистки, бывает, в неглиже по коридорам бегают или целуется кто-то от полноты чувств после спектакля, а тут камеры!..

Озеров вздохнул – от полноты чувств.

– А эта ваша скандалистка где? Я ее сегодня не видел.

– Дома, дома, отдыхает она! Звонил я, осведомлялся о здоровье, сочувствовал, как мог. Она тоже в некотором роде пострадавшая. Бог мой, если бы я знал, что в моем театре такие гнусности начнутся!..

– Вы спросите в полиции про ключи от сейфа. Они должны быть у Верховенцева, если он носил их с собой. Он носил, не знаете?

– Да, да, конечно! У него была большая общая связка, а на ней все!.. Она в карман не помещалась, он ее в портфеле держал.

– А портфель где? Вряд ли его в морг вместе с телом забрали!

Юрий Иванович, кажется, едва удержался, чтобы не перекреститься.

– Портфель? Я про него и не вспомнил, Максим Викторович, родимый вы мой! Должно быть, там и остался, в кабинете у него.

– Значит, эмвэдэшники при вас посмотрят. И про деньги скажите обязательно!..

– Ох, как нехорошо, как все это нескладно. Еще Земсков уходить надумал! Может, не уйдет, конечно, но всякое случается, артисты – натуры...

– Ранимые и тонкие, – подсказал Озеров. – Он раньше когда-нибудь заговаривал об уходе?

– Вот так чтоб заявление на стол, никогда, а говорить – говорил, конечно! Да у нас то и дело разговоры про Москву, про большое кино, про славу! Вон дочка моя Алиночка тоже мечтает попасть в сериал или в шоу какое-нибудь!.. Они же артисты, понимаете? Им нужны...

– Аплодисменты, – подсказал Озеров. – Зрители. Обожание. Поклонение.

– Вот именно, – согласился Юрий Иванович горестно. – Я в молодости тоже, знаете, мечтал об огнях и цветах, о столичной сцене!.. Я же режиссер по образованию. Что тут у нас в провинции, какой размах? Трудно себя уговорить, что это и есть твой удел, а телевидение, награды, красные дорожки – это все для кого-то другого уготовлено! Я Алине говорю, уедешь от нас, пропадешь, сгинешь, а здесь, может, и найдется еще смысл жизни, но разве ее уговоришь?..

Он тяжело вздохнул, и Максим вдруг спросил, сколько ему лет.

– Сорок пять, – удивился Юрий Иванович. – А почему вы спрашиваете?

Озеров спросил, потому что директор производил впечатление *старого человека*, а сорок пять по современным меркам – это молодость, время расцвета, радости жизни!.. Сорокапятилетние артисты играли юношей, сорокапятилетние режиссеры считались начинающими, соро-

капятилетний директор театра назывался «из молодых»!.. Телевизионные сорокапятiletние мальчишки резво скакали по сцене и одевались в рваные джинсы, футболки и кожаные браслеты. У них все еще было впереди, а у Юрия Ивановича позади, и это было так странно, несправедливо.

– Пойдемте по домам, – предложил пожилой директор. – Завтра очень трудный день, да и вообще! – Он махнул рукой. – Но вы, Максим Викторович, спектакль-то хоть запишете, а?.. Я читку на завтра назначил, как вы просили.

– Я запишу, – пообещал Озеров. – Только домой не могу ехать. У меня коллега куда-то запропал.

– Где запропал, у нас? В театре?

– Ну да. И телефон не отвечает.

– Так поищем и найдем!..

Вдвоем они вышли из приемной – Максим нес зеленую куртку со львом на спине, – и пошли по коридору, толкаясь во все двери. Некоторые были закрыты, другие открыты.

Феди Величковского нигде не было, и никто его не видел. Озеров стал всерьез беспокоиться.

...Здесь происходят странные, непонятные вещи. Вчера здесь, судя по всему, произошло убийство. А сегодня он, Озеров, потерял парня, которого привез из Москвы «пронетрить»!

Таким образом они добрались до цехов и костюмерных на втором этаже.

– Софочке вчера совсем не по себе было, – говорил Юрий Иванович, заглядывая в высокие помещения. – Я ей сегодня позвонил, плоха, совсем плоха. Вместо себя девчущку прислала, я вам говорил, работает у нас девчущка, которая по совместительству в газету пишет. Дадите интервью, Максим Викторович?

Озеров не слушал.

Распахнув очередную дверь в темноту, директор нашарил на стене выключатель и зажег свет.

– Максим Викторович, родимый вы мой, это... это что такое?!

В костюмерной был ужасающий, неправдоподобный разгром. Все шкафы распахнуты, с рейлеров сдернуты костюмы и кучами свалены на пол. Ящики выворочены, и гладильные доски, побольше и поменьше, валялись на грудах одежды вверх тормашками. Сильно пахло нашатырем и еще какой-то химией.

– Что за... твою мать?! – заревел директор. – Что здесь происходит, я вас спрашиваю?! Где начальник охраны?! Где люди?!

В коридоре затопали.

– Юрий Иванович, что случилось?.. Почему вы кричите?

– Где Ляля Вершинина?! Подберезова позовите! Софочке звоните! У нас погром!.. Полицию вызывайте!.. До чего дошло!..

Озеров помедлил, сунул директору в руки куртку со львом, которую тот растерянно принял, и побежал по коридору, заглядывая во все двери.

Ляля открыла глаза, сухие и больные, как при гриппе. На потолке дрожало пятно желтого света, должно быть, сосед Атаманов приехал с работы и загоняет машину на участок. Опять она позабыла закрыть шторы, привыкла уже без них.

В форточку сильно дуло, на подоконнике сверкали капли растаявшего снега, и в комнате было холодно, неудобно. Ляля натянула на голову плед.

Она пришла из театра, легла и лежала, как ей показалось, очень долго. Может, уже наступила ночь?.. Хорошо, если ночь. Раз она началась, значит, когда-нибудь закончится. Нужно как-то пережить ее – перестрадать, перемолчать, перележать. Утром будет легче. Утром можно

заставить себя встать, умыться, пойти в театр и там стараться перемолчать и перестрадать день. Ночью было страшнее.

Ляля хотела посмотреть на часы и не стала. Какая разница?! Ей все равно ничего не остается, только лежать и ждать, когда жизнь закончится.

Из литературы – она прочитала горы книг! – было известно, что жизнь не закончится, что пытка предстоит долгая и изощренная, и все придет к тому, что Ляля... привыкнет. Привыкнет к одиночеству, к страданию и перестанет обращать на них внимание. Страдания и одиночество теперь будут с ней всегда, но она... привыкнет. Так учили ее все великие писатели. Она привыкнет и научится «радоваться простым радостям». Простым – это значит старушечьим. Вот солнышко взошло, и слава богу. Вот капель зазвенела или морозцем схватило лужи – как славно. Вот скворушка на березе запел или снегирь по сугробу скачет – прелесть!.. Но до «простых радостей» еще очень далеко, их нужно заслужить, переработать в них страдания. Радоваться снегирию просто так – нельзя, не получится. Это такие радости, которые даются только через страдания!

Ляля подтянула ноги к животу. Лежать было неудобно, все болело, но так и должно быть, все правильно! Ей не может быть удобно. Ей должно быть больно, скверно, неважно – это расплата за любовь, которая закончилась навсегда. Выплачивать кредит придется еще долго, после выплат она останется нищей и разоренной, и это справедливо.

– Соседка! Ляля! Ты дома?

В сенях загрохотало, и Ляля медленно стянула с лица плед. Так и есть. Это не ночь. Ночи еще ждать и ждать.

– Ведро какое-то посреди дороги бросила, дверь открыта! Ты где есть-то?!

– Чего тебе, Георгий Алексеевич?

В коридорчике вспыхнул свет. Ляля зажмурилась.

Сосед заглянул в комнату, нашарил выключатель и щелкнул. Ляля накинула на голову плед.

– Заболела, что ли?..

– Что тебе нужно?

Он помолчал. Ляля в щелку посмотрела на него.

Он был весь возмутительно бодрый, красный от холода, в расстегнутой «летней» куртке мехом внутрь, жесткой замшей наружу, в клетчатом вытертом шарфе. Сколько Ляля его помнила, столько помнила этот шарф!..

– Дрова привез, – сообщил Атаманов. – Вон, целый прицеп. Я три куба купил, это первая партия! Надо под навес перетаскать, а то завтра трактор придет, ему разгружаться некуда будет.

– Я не могу сейчас таскать дрова.

Большими шагами сосед подошел, бесцеремонной ладонью залез под плед и пощупал Лялин лоб.

– Нету у тебя никакой температуры, – фыркнул он. – Встала бы, Ляль, да помогла по соседски. Я один до завтра буду таскать!

– Попроси дядю Сашу.

– Да он в деревне, я к ним заходил! Андрюха в Москву укатил, только к пятнице вернется. Вставай, Ляль, куда деваться-то?..

– Уйди, Георгий Алексеевич.

Он действительно отошел, но недалеко – захлопнул форточку и задернул шторы.

– Вот карнизы – как прибил, так век и провисят! Я тебе когда-нибудь отказывал? Нет, ты мне ответь, отказывал?..

Ляля медленно села на диване, огляделась по сторонам и пощупала свои волосы. Должно быть, хотела поправить, но забыла, как нужно поправлять волосы.

– Хорошо, – сказала она. – Я сейчас приду, и будем таскать.

Ей нужно как-то от него избавиться. Он уйдет к своим дровам, она запрет дверь, погасит свет и ляжет на диван. Все.

– Вот тебе спасибо! – сказал сосед прочувствованно. – Ты шевелись только, я прицеп-то на участок загнал, ни войти, ни выйти. В четыре руки быстрее перетаскаем.

– Ну, конечно, – согласилась Ляля.

Он вышел, а она еще посидела немного, оглядываясь по сторонам, как спросонья.

В этом доме она прожила всю жизнь – уезжала только на учебу в Питер, с тех пор прошло сто лет, и сейчас кажется – это было не с ней. Петербург в девяносто третьем году, когда она поступила в университет, был запущенным, грязным и мрачным. Троллейбусы не ходили, фонари не светили, в подворотнях было опасно не только вечером, но и днем. Ляля жила в общежитии на Охте, в университетские корпуса бегала пешком и всего боялась. Боялась питерских старух-профессорш, говоривших так правильно и с таким высокомерием, что у Ляли с ее волжским выговором делалось нечто вроде приступов немоты, она могла только мычать, когда ее спрашивали, поэтому два первых года училась очень плохо. Потихоньку-полегоньку она стала правильно говорить и уже не мычала, а лепетала тихо-тихо. «Вы мямлите, как горничная!» – сказала ей как-то одна из профессорш, и Ляля едва удержалась, чтобы не зарыдать тут же, при ней. Учиться было очень интересно – вернее, интересно было читать, именно в этом и состояла учеба. Ляля читала, бегала с девчонками по театрам, Питер и тогда был театральной столицей. На пятом курсе она вышла замуж за Мишу, подающего надежды режиссера из ЛГИТМИКа, и прожила с ним года три в коммуналке у «Пяти углов». Миша был тонкий, умный, очень образованный и все время в отчаянии. Ляля изо всех сил старалась стать ему «надеждой и опорой», помощницей и советчицей, старалась как-то его расшевелить, раскатать, увлечь, даже на собеседование в филармонию с ним ходила – в филармонии ему предложили место. Миша заклеил филармоническое начальство и на работу устраиваться не стал. Днями он пропадал на улице Чаплыгина, где размещалось питерское телевидение, – курил с журналисточками и редакторшами на широких, засыпанных пеплом подоконниках, а ночами в модных клубах, где курил и пил с артистами и ассистентами никогда не снимаемых картин.

Потом Мишина мама развелась и переехала в коммуналку. Ляля тоже развелась и переехала в Нижний. Жить с Мишиной мамой, которая была уверена, что Ляля женила на себе Мишу только из-за питерской прописки, оказалось ей не по силам.

Первое время она очень страдала по Питеру и по Мише, а потом ничего. Работа в театре оказалась интересной, и Ляля довольно быстро, лет через десять, стала заведующей литературной частью. Конечно, поначалу приходилось подрабатывать – Ляля репетиторствовала и в саду работала усердно, всякие соленья-варенья на зиму были только свои, никогда не покупались. Родители все отчаивались, что дочкина жизнь «не задалась», и она знала, что они отчаиваются, хотя вида не показывают. Они всю жизнь проработали в школе, мама учителем литературы, папа завучем, и никогда не позволяли себе вмешиваться в Лялины дела или критиковать ее... Они умерли, как жили, очень спокойно, интеллигентно и необременительно для Ляли. Она переехала со своими книгами и бумагами за отцовский письменный стол и поняла, что ее жизнь определена – окончательно, от этого самого письменного стола и до места на кладбище рядом с родителями, под их же березкой. Ничего не изменится. Собственной дочери у нее никогда не будет – откуда же ей взяться! – и перемен никаких ждать не стоит, не будет перемен. Она живет только благодаря родителям – их дому, их саду, их заботе. Они вырастили и выучили ее, вот она и живет. Сама по себе Ольга Михайловна Вершинина никому не нужна.

Потом появился Роман, и все перевернулось. Ляля читала про Гарун аль-Рашида. У того был плащ – сверху изношенный и потертый плащ нищего, с изнанки он сверкал россыпью драгоценных камней!.. Иногда аль-Рашид переворачивал плащ на другую сторону, и для тех, кто мог это увидеть, мир менялся раз и навсегда. Лялин мир изменился. Он стал цветным,

легким, праздничным, даже когда никакого праздника не было! И опять Ляля уверилась, что это навсегда. Возврата к прежнему, серому, потертому существованию не будет.

...И вот она сидит на родительском диване в своем старом доме и думает только о том, что умереть сейчас не получится. Нужно как-то дожить до «своего срока», а когда он придет, этот срок, и избавит ее от необходимости жить – неизвестно.

Надо встать и запереть дверь. Иначе сосед Атаманов опять явится со своими дровами или навозом.

Ляля тяжело поднялась, нашарила тапки и зашаркала в коридорчик. Сейчас она погасит свет, ляжет и натянёт на голову плед.

Дверь распахнулась ей в лицо, она даже отшатнулась.

– Привет, – сказал Роман сердито. – Слушай, я этого твоего соседа когда-нибудь убью! Можно войти?

Ляля посторонилась и взялась рукой за притолоку.

– Что он лезет? – продолжал Роман, снимая куртку. – Чего ему надо-то? Он что, родственник твой?! Какие-то лекции начал мне читать, еще не хватает!

Он зашел в комнату и огляделся.

– А что, ужина нет? Ты знаешь, я хотел из этого зверинца уйти сегодня же! Лука не отпустил. В ногах у меня валялся! На вас, говорит, весь репертуар держится, кого я сейчас введу?! И московский режиссер тоже подключился, уговаривал. Черт с ними, – Роман махнул рукой. – Останусь до Нового года!

«Дыши, – приказала себе Ляля, – дыши ртом!»

– Что ты молчишь?

– Ты окончательно решил уходить? – прошелестела она пересохшим ртом. – Может, еще подумаешь?

– Да что там думать! Мне в Москву нужно, мне работать надо! Я хочу понять, чего я стою, а как?! С вами, что ли, я это пойму?!

Он уселся верхом на стул и посмотрел на Лялю.

– Хоть бы умылась, мать, – сказал он ей укоризненно. – На кого ты похожа?

– Ты правда хочешь есть?

– Ну конечно, хочу! Я целый день ничего не жрал!

Ляля заметалась. Она ничего не готовила, она же не знала, что он приедет! А он приехал, приехал!.. И вот сейчас, сию минуту сидит на стуле в ее комнате – этого не может быть, но так есть!.. Гарун аль-Рашид взмахнул плащом!..

– Ты подожди, – громко говорила она на кухне, лихорадочно переставляя кастрюли и заглядывая в холодильник. – Давай подумаем! Может, и не стоит никуда уходить, может, нужно как-то по-другому? Зачем вот так, с ходу, рвать? Давай я поговорю с этим столичным режиссером, по-моему, он ничего мужик, может, он тебя на запись пригласит! Он же специальные радиопостановки делает, у него за спектакли сто премий! С чего-то надо начинать...

– Начинать надо было десять лет назад, в двадцать три года, а не сейчас! И постановки эти – ни денег, ни славы!.. Мне спешить нужно изо всех сил! Если я не впрыгну в последний вагон, поезд уйдет!

Что-то он там делал в комнате, вещи какие-то переносил, что ли, Ляля боялась выглянуть.

Она боялась выглянуть и обнаружить, что его нет. Или что он, завидев ее, скажет, что уходит.

– Ромка, может, тебе оmlет пожарить?

– Давай оmlет.

Он ел, а она на него смотрела.

Чтобы не плакать и не раздражать его, она налила себе вчерашнего или позавчерашнего холодного кофе и выпила залпом.

– Ну ладно, – сказал он, доев, и вытер салфеткой губы. – Спасибо тебе, Лялька. Я вообще-то за вещами. Кое-чего я собрал, а остальное... при случае. Слушай, может, ты сама соберешь, а? Я понятия не имею, где у тебя мои трусы и футболки, ты же их сама раскладываешь!

И он ей улыбнулся мальчишеской улыбкой.

– Господи, какой я бесхозный тип! А ты столько лет меня терпела! Ты только в театр барахло не приноси, ладно? И так сплетен не оберешься. Слушай, говорят, Верховенцев отравился или его отравили! Ты не слышала, Лука ничего такого не говорил?

– Ромка, не уходи, – страшным голосом сказала Ляля и закусила пальцы. – Ты только не уходи. Я не могу.

– Ляль, мы же решили, – удивился он. – Зачем сейчас все сначала затевать?!

Он вытащил из коробочки зубочистку, поковырял в зубах и кинул ее в раковину.

– Ромка, я же без тебя умру, – тут она поняла, что это чистая правда, так и будет.

– Ляль, ну хватит!..

Он вышел в комнату и чем-то там опять загремел.

– Елки-палки! Пакет порвался! Ляль, дай мне сумку какую-нибудь, что ли!..

Она медленно пошла на его голос.

– Соседка! – закричали снаружи. – Долго тебя ждать-то?! Заметет все!

В коридорчик ввалился Атаманов, очень сердитый, в куртке нараспашку.

– Ну что вы лезете? – закричал на него Роман Земсков. – Что надо, а?! Что вы за нами шпионите?! Сволочи проклятые, всем дело до нас есть!

Ляля распахнула гардероб и вытащила дорожный баул.

– Вот сумка, – трясась, выговорила она. – Давай я тебе помогу.

Из разорванного пакета во все стороны лезли какие-то вещи. Сверху был свитер, Роман его очень любил. Чудесный свитер с узорами.

– Чего вы пялитесь, а?! Ну вещи собираю, да! А вам что за дело?! Вы еще сфотографируйте и в газету отправьте! Или в Интернет выложите! – Роман раздул ноздри. Ляля укладывала свитер в сумку. – Так и будешь смотреть, сволочь?! Цирк тебе тут?!

– Да не стану я смотреть, – пробормотал Атаманов. – И не цирк.

Правой рукой он взял ведущего драматического артиста за шиворот, повернул, слегка задев за косяк, левой вытряхнул из Лялиной сумки уложенный туда свитер. Артист вытаращил глаза, стал хрипеть и закрываться ладонями. Атаманов проволоч его к двери, столкнул с крыльца, следом запулил разорванный пакет с вещами. Туда же полетели свитер и куртка.

– Ты, мил-друг, дорогу сюда забудь, – посоветовал Атаманов в метель. – За вещами он пришел, надо же!.. Еще раз нарисуешься, шею сверну! Подбирай, подбирай барахло-то! Нам чужого не надо!..

Он вошел в дом, сильно захлопнув за собой дверь, и накинулся на Лялю:

– Чего ты трясешься?! Чего ревешь?! Поганец, за вещами он пожаловал!.. Время не нашел другого, провались они совсем, его вещи!.. Я смотрю – такси подъехало и он вылезает! Я его спрашиваю, одумался, что ли? А он мне так важно: не твое, мол, собачье дело, вещи мне нужно забрать! Я еще его уговаривать стал, гаденыша! «Хоть сейчас-то не ходи, пожалей ты ее самую малость!» А он и не слушает! Хотел сразу по шее ему дать, да перед таксистом неудобно!

– Он больше не придет, – сказала Ляля. – Никогда. Не переживай, Георгий Алексеевич.

– Чего мне переживать, – произнес Атаманов сквозь зубы. – У меня во двор не войдешь! Дрова надо таскать, а метель.

И они помолчали.

– Да шут с ними, с дровами, – заключил Атаманов. – Можно и завтра перетаскать. Пойдем, Ольга Михайловна, гулять, что ли?.. Вот скажи, когда в последний раз без дела по городу

гуляла?.. Ты только в голову возьми, что я от тебя не отстану. Дверь запрешь, так я в окошко влезу, долго ли!.. Не нравишься ты мне совсем. Так что выбирай – или дрова таскать, или по городу шататься.

Ляля посмотрела на него. Он говорил совершенно серьезно, и она поняла, что это правда – точно такая же правда, как и то, что она умрет. Нельзя жить, когда так больно и когда долго больно!..

– Лучше дрова, – сказала она. – Много их?

– Перед гаражом все завалено, и в прицепе еще остались.

– Хорошо, что много.

Держась за его руку, она кое-как засунула ноги в валенки, накинула телогрейку и платок, и они спустились с крыльца.

– Дорожки потом почистим, – говорил Атаманов. – Снег-то мокрый, утром если морозом прихватит, до весны не отскребешь!

Ляля покивала.

До позднего вечера они с Атамановым таскали под навес тяжелые сырые поленья, укладывали в ровный штабель и опять таскали, а потом еще чистили снег. Ляля, тяжело дыша, наваливалась грудью на лопату, провозила ее, оставляя за собой ровный, как по линейке, след, и отваливала в сторону большой снежный пласт. Платок то и дело сбивался, и она поправляла его мокрой горячей рукой.

Потом на большой неухоженной кухне атамановского дома они ели жареную картошку и запивали ее водкой. Где-то на третьей рюмке Ляля заплакала, плакала долго и горько и рассказывала соседу про Гаруна аль-Рашида и его плащ, про маму с папой, которым она только и была нужна, про театр, из которого ей теперь придется уволиться, потому что там Ромка, и она непременно умрет, когда в следующий раз его увидит. Еще она рассказывала, что теперь точно знает – никакие «простые радости» не имеют смысла, все это вранье, права только великая литература, согласно которой жизнь не только бессмысленна, но и ничтожна. Атаманов слушал, не перебивал и подливал ей из бутылки.

Ляля заснула на полуслове и полувсхлипе, пристроившись боком на уютный кухонный диванчик. Атаманов повздыхал над ней, аккуратно и легко поднял и перенес на диван. Он накрыл ее, со всех сторон подоткнул плед, погасил свет, а дверь в свою комнату оставил открытой – чтобы, не дай бог, не пропустить момент, когда она проснется.

Потом лег сам, закинул за голову правую руку и стал думать, что теперь делать.

Максим проснулся от того, что в комнату к нему ломился кабан. Почему-то во сне он был уверен: ломится именно кабан. Он даже увидел, как тот разгоняется, наставляет башку и врывается в дверь.

Он открыл глаза. Гостиничный номер, очень белый свет из окна. Никаких кабанов нет!..

– Кто там?

– Максим Викторович, это я, Федя!..

Озеров открыл дверь.

Величковский вломился в комнату, как кабан. Он был в куртке, войлочной шапке «Пар всему голова», а в руке держал пластмассовую штуковину в форме сердца, но почему-то с рукояткой!..

– Это ледянка, – объяснил Федя и потряс перед носом у заспанного Озерова штуковиной. – Я сгонял в магазин и купил. Вы любите кататься на ледянке, Максим Викторович?

– Очень, – признался Озеров.

– Я почему-то так и подумал.

Он уселся на ледянку прямо посреди ковра, по-турецки скрестив ноги, и почесал голову под шапкой.

– Мы проспали, Максим Викторович! Страшным образом!

– А сколько времени?

Федя посмотрел по сторонам, будто бы в поисках ответа на этот вопрос, потом полез в карман безразмерных брезентовых штанов и вытащил телефон.

– Одиннадцать тридцать три!.. Но заметьте! Я-то на ногах уже давно! И весь в трудах, аки пчела!.. Я сгонял в магазин и купил ледянку! Я попытался съехать с горки, но с этой стороны не подойти, надо из парка!.. Я угостил какую-то постороннюю собаку тремя свиными котлетами из кулинарии!

– Напрасно я вчера тебя из подвала выпустил.

– Послушайте, как это напрасно!.. Если б не вы, пришлось бы мне торчать там до сих пор, а я вместо этого сделал кучу полезных дел!

Озеров ушел в ванную и пустил в душе воду.

Когда он вернулся, Федя по-прежнему сидел на ковре, скинув с плеч куртку.

– Есть ли у нас план? – спросил он, едва увидев шефа. – Есть у нас план по установлению истины? Что происходит в этом самом театре драмы?! Что за черная тень скрывается за всеми чудовищными происшествиями последнего времени? Агата Кристи утверждала, что недостаток воображения предрасполагает к преступлению. У кого из наших новых знакомцев не хватает воображения настолько, что он решился на преступление?

Озеров быстро одевался.

– Куда вы спешите? Завтрак давно закончился! Я даже не получил свою заветную кружку чая!

– Заветную кружку чая ты можешь получить в любом кафе, – сказал Озеров.

– Почему-то это не пришло мне в голову, – заявил Федя. – Как любой житель мегаполиса, я уверен, что только в мегаполисе к услугам клиентов есть круглосуточные бары и рестораны, а также прочие увеселения в виде чашки чая и бутерброда с сыром, которые...

За шиворот Озеров поднял Федю с пола – тот легко встал, выхватив из-под задницы ледянку, – и вывел его в коридор.

– Нам правда надо поговорить, Федя. И позавтракать!

– А с горки? – немедленно осведомился Величковский. – Что, не будем кататься с горки?!

На улице Рождественской было пусто. Редкие прохожие прятали носы в воротники и придергивали на шее капюшоны – мелко по-прежнему сильно.

– Перееду сюда жить, – разглагольствовал Федя, отворачиваясь от колкого снега, летевшего в лицо. – Что мы маемся в этой Москве?! Вы посмотрите, какая кругом красота, Максим Викторович! Между прочим, Петр Вайль писал, что именно здесь лучший, может быть, городской вид во всей России! Перепады рельефа, башни, стены, луковки храмов...

– Может, сюда?

– На той стороне, видите, в окнах самовары и бублики. Давайте лучше туда!

Они перешли дорогу между приткнутыми к тротуару машинами. Какая-то девушка, сосредоточенно глядя под ноги, чтобы не наступить в ледяное болото, посторонилась, пропуская их.

– Кузина Бетси! – радостно закричал Федя Величковский. – Вы ли это?

Девушка изумленно оглянулась и, узнав его, улыбнулась. Озеров невольно заулыбался в ответ. Очень хорошо она улыбалась.

– Федя, здравствуйте.

– Здравствуйте, Вася. Максим Викторович, вы же узнали? Это Вася. Мы вместе подверглись заточению в подвале!

– А я на работу бегу, – сообщила Вася радостно. – Хотя Юрий Иванович сказал, что в костюмерный цех заходить нельзя, что-то там должны искать, какие-то улики. Но все равно...

– Выпейте с нами чаю, – предложил Озеров. – Раз уж в костюмерный цех вас все равно не пустят.

– Вот прекрасная мысль! – встрял Величковский. – А потом можно покататься с горки. У нас есть совершенно новая ледянка.

И он опять потряс пластмассовой штуковиной, на этот раз перед Василисой.

В ресторанчике не было ни души, и официантка в русском переднике, похоже, страшно удивилась, увидев такую компанию.

– Нам чаю, – начал Федя, – и к нему чего-нибудь. Побольше! А что есть?

Официантка положила перед ним увесистую папку с меню. Кузина Бетси аккуратно присела с краю, пристроила сумку, видно было, что ей неловко.

– Может быть, завтрак? У нас отличные завтраки, посмотрите, – предложила официантка.

– Завтрак! Конечно! Я мечтал о завтраке со вчерашнего дня. Значит, мне яичницу с грудинкой и сосисками, кашу овсяную, блины с клубничным вареньем, а еще сыру. Какой у вас сыр?

– Лопнешь.

– Максим Викторович, вы плохо меня знаете.

Озеров понял, что в данный момент Федор кривляется не просто так, а специально для девушки, смотревшей в скатерть, и не стал ему мешать.

Оказалось, правильно сделал! Кузина Бетси сказала, что ничего не хочет, она уже завтракала, Федя велел принести ей чашку и приборы просто так, на всякий случай, и как-то так получилось, что девушка, освоившись, разделила с ними и кашу, и яичницу, и блины. Величковский заказал еще малины, и когда ее принесли – в высокой вазочке ягоды лежали одна к одной, плотные, крупные, – у Василисы стало восторженное лицо.

– Можно? – спросила она на всякий случай, и Озерову опять очень понравилось, что она спросила.

...Или, как житель мегаполиса, он отвык от того, что девушки умеют стесняться?.. В мегаполисе все девушки уверенные в себе, нахрапистые, тертые, бывалые или, наоборот, уж такие кривляки и нагурции, что воды в чашку налить не умеют, и даже представить себе невозможно, что они могут прийти в восторг при виде малины!..

– Хочешь варенья из белой черешни? Моя мамаша утверждает, что нет ничего лучше к чаю, чем варенье из белой черешни. Ее в Баку научили, когда она там работала.

– Нет, все, я больше не могу.

Василиса вздохнула и огляделась по сторонам. В зале было красиво, богато и пахло вкусной едой. Жалко, что бабушка не видит. Нет, она, конечно, все ей расскажет, но лучше бы бабушка своими глазами увидела, как внучка сидит в таком прекрасном и роскошном ресторане с деловыми и умными людьми из Москвы, и ее угощают и ухаживают за ней – уважительно и ненавязчиво, словно в старой пьесе!..

– Это знаменитое место, – сообщила Василиса. Ей хотелось как-то их отблагодарить за приглашение и за малину. – И дом знаменитый! Здесь до революции жил купец Пяткин, очень богатый. Между прочим, меценат, давал деньги на театр. Всех москвичей, которые к нам приезжают, всегда водят в этот ресторан.

– Когда в окнах самовары с бубликами, – вставил Федя с набитым ртом, – это верный знак того, что ресторан неплох.

– Как вы думаете, Василиса, кто и зачем вас вчера запер в подвале?

– Ума не приложу, – быстро ответила она, и стало понятно, что она много об этом думала и ничего не придумала.

– Как зачем? – удивился Федя Величковский. – Понятно зачем! Чтобы пошуровать в костюмерном цехе. Вчера из костюмеров на работе была только Вася, Софочка не выходила, ибо страдала дома.

– Федя, – перебил Озеров, – я же не тебя спрашиваю.

– Ах да, пардон.

– Я не знаю, – повторила Василиса. – В костюмерном цехе кроме нас редко кто бывает. Ну, директор иногда забежит, если гости к нему приезжают, и он им театр показывает. Юрий Иванович любит театр показывать. Он вообще наш театр очень любит.

– Но там что-то искали, правильно?..

Василиса повозила ложкой по скатерти.

– Да что там у нас можно найти, Максим Викторович? Обрывки, кусочки, лоскуты. В прошлом году одной артистке накладной живот делали, она во втором акте выходит беременная. Она живот принесла недавно, чтоб мы поправили, его на одну сторону скособочило, а у нее по роли движений много, может отвалиться.

– Живот может отвалиться? – живо спросил Федя.

Василиса покивала.

– Но он на месте? Не украли его?

– Федь, отстань. Вот попей лучше, – Озеров долил из чайника остывшего чая. Величковский сразу глотнул – он очень любил чай, хоть бы и остывший! – Но ведь кто-то забрался в костюмерную, а вас запер в подвале, чтобы вы не могли неожиданно вернуться. Забрался и устроил там разгром. Зачем?..

– Совершенно точно что-то искали, – сказал Федя. – Но здесь моя теория дает сбой. Мы видим не финал события, а нечто промежуточное! Именно поэтому мы не можем восстановить, что было вначале.

– Мы видим вообще непонятно что. – Озеров задумчиво покачался на стуле туда-сюда. – Подряд происходит несколько событий, и все, похоже, криминальные, на первый взгляд друг с другом никак не связанные.

– Подождите, Максим Викторович. – Федя вдруг стал серьезен, подобрал под стулом длинные ноги и сел прямо. – Режиссера отравили – когда? Во время спектакля или до? На самом деле это очень важно! Во время спектакля все артисты были на сцене, и никто из них не мог ничего ему подлить или подсыпать в коньяк.

– Почему в коньяк?

Величковский отмахнулся:

– Да это так, ради англоманства! В английских детективах чаще всего подсыпают мышьяк в коньяк! И пустая бутылка на столе была именно из-под коньяка.

– Вот как.

– Экспертиза установит время смерти, и станет понятно, причастен ли кто-то из служителей Мельпомены или как ее зовут... Терпсихоры?.. к отравлению! Вполне возможно, что не причастен, и тогда...

– Вряд ли нам с тобой сообщат результаты экспертизы, Федя.

– Еще отравили Валерию Дорожкуину непонятно зачем, заодно, что ли?! И как-то странно, не до конца. То есть слегка, чуть-чуть. В английских детективах чаще всего так делает преступник, чтобы отвлечь от себя подозрения. Он принимает вид жертвы, мимикрирует. Значит, Дорожкина подозреваемая номер один. Она могла сама себя слегка отравить. Ее муж, между прочим, прямо сказал, что она жива-здоровая и прекрасно себя чувствует, и в отравление он не верит. Кстати, странная пара, да? Театральная прима и декоратор.

Василиса пожала плечами.

– Он интересный мужчина, – сказала она и покраснела, уж больно избито прозвучал этот «интересный мужчина», – а она человек сложный. Она то такая, то другая... ее не поймешь. И он ее любит, по-моему.

– А по-моему, не очень, – протянул Федька задумчиво.

Некоторое время они молчали, потом он объявил:

– Подозреваемый номер два – директор.

– Этого не может быть, – заволновалась Кузина Бетси. – Юрий Иванович ни за что на свете не стал бы!..

– Подожди, – велел Федя. – Он вполне подходящий кандидат, потому что деньги пропали именно из его сейфа и именно в тот момент, когда был отравлен главный режиссер! Возможно, Верховенцев увидел что-то, чего не должен был видеть.

– Например, как директор театра, воровски оглядываясь по сторонам, рассовывает пачки денег по карманам, – предположил Максим.

– Возможно, – согласился Федя, не принимая иронии. – Или прячет их в костюмерной. А?.. Чем не версия? Он прячет деньги в костюмерной, чтобы забрать их после спектакля, но они оттуда пропадают! Исчезают, дематериализуются! Он должен их найти! Но ему мешает Василиса, которая может нагряться в любую минуту. Он запирает нас в подвале и устраивает в костюмерной разгром...

– Ты сейчас о ком говоришь? – на всякий случай уточнил Озеров. – Если о Юрии Ивановиче, то он весь день просидел у себя в кабинете. Сначала с нами. Потом мы ушли, ты отправился путешествовать по театру, а я вернулся с Подберезовым, вторым режиссером, и Лялей. Потом мы снова перешли к Ляле, а директор остался в кабинете. В приемной, между прочим, сидела секретарша.

– Ну и что? Он мог как-то... выскочить ненадолго. Нет, как хотите, а я считаю, что все произошло из-за денег.

– В твоих построениях есть существенный изъян, – возразил Максим серьезно. – Деньги лежали в сейфе у директора с середины сентября, и ничто не мешало ему просто взять их, а через неделю или две поднять шум. О том, что в сейфе полмиллиона, знал весь театр. Их мог вытащить кто угодно.

– Но ни у кого не было ключей!

Тут Федя Величковский как будто споткнулся, сбился, взял себя всей пятерней за растрепанные волосы и задумался.

– Поехали в театр, – Максим достал кошелек и помахал официантке. – Мы сегодня «Дуэль» по ролям читаем. Заодно Москвитин голоса послушает, чтобы уровни на сцене выставить. Да и я тоже... послушаю. Поехали.

– Вот вы говорите, у вас вера, – отчетливо и с выражением декламировал молодой длинноволосый артист по фамилии Есаулов. – Какая это вера? А вот у меня есть дядька-поп, так тот так верит, что когда идет в засуху в поле дождя просить, то берет с собой дождевой зонтик и кожаное пальто, чтоб на обратном пути дождик не промочил.

Озеров смотрел в окно, выходящее на старые липы, и слушал внимательно.

– Вера без дела мертва, – продолжал стараться артист Есаулов, – а дело без веры еще хуже, одна только трата времени, и больше ничего.

– Ты, надеюсь, поедешь с нами? – вступил Роман Земсков. Он выговаривал слова очень четко, с правильной вопросительной интонацией, и Озеров читку остановил.

– Давайте все чаю попьем, – предложил он.

– Перерыв? – осведомилась бледная и очень красивая Валерия Дорожкина.

– Нет, никакого перерыва, – ответил Озеров. – Просто чай согреем.

Все зашевелились и переложили на столе листки, по которым читали, хотя роли свои знали наизусть, «Дуэль» шла в театре третий сезон.

– Зачем ты интонируешь? – подсев с другого края стола к Есаулову, спросил Озеров. – Ты играй, как на сцене, ты же играл уже!

Длинноволосый парень улыбнулся и покрутил головой:

– Мне так непривычно.

– Нужно попробовать привыкнуть, – сказал Озеров жестко. – У нас всего один день.

– А я думала, это такая пустяшная работа, – задумчиво произнесла Алина Лукина, игравшая Катю, дочку чиновника. – Чего особенного, взял и прочитал!..

– Да в том-то и дело, что это, во-первых, сложная работа, – с некоторой досадой возразил Озеров, – а во-вторых, совершенно другая, непривычная. И вы... тоже, – обратился он к Роману, внезапно позабыв, как его зовут. – Не нужно так стараться, вы же не новости читаете!.. Фон Корен у вас говорит в точности как диктор, а он человек с эмоциями, я бы даже сказал, со страстями!.. Лаевского убить собирается, чтобы улучшить человеческую породу!..

– Я знаю, зачем он собирается убить Лаевского! – огрызнулся Роман.

– Хорошо, хоть сами знаете, – сказал столичный режиссер, – только нам никак не показываете. Мы не понимаем, кто такой ваш фон Корен.

– Лялочка, давай я тебе помогу, – предложила артистка Никифорова заведующей литературной частью, которая доставала из шкафа чашки.

Вид у заведующей был как с похмелья – глаза красные, губы сухие, и руки дрожали так, что чашки стукались о блюдца, все слышали. Она никакого участия в репетиции не принимала, сидела с краю и писала что-то длинное, как будто повесть. Этим писанием она была так увлечена, что не сразу понимала, когда к ней обращались.

Когда объявили перерыв, она собрала свою писанину и убрала на полку возле двери.

– У меня есть имбирь, – заявила Ляля и облизнула сухие губы. – Никто не возражает, если я его в чай добавлю?

– Это прекрасно! – сказал из угла Федя Величковский. Он всю репетицию просидел тихо как мышь, даже не шевелился, только блеснул глазами. – И с лимоном!

– Я не буду с имбирем, – объявил Роман Земсков.

– Тогда... для вас... отдельно, – прошелестела Ляля.

Утром они с Ромкой столкнулись у лестницы. Он сбегал сверху, легкий, как перышко, а она тяжело, как больная, поднималась снизу. Он налетел на нее так, что она покачнулась и уронила сумку. Он поддержал ее под локоть, поднял сумку и извинился.

Он сказал: «Прошу прощения, Ольга Михайловна!»

Вот как он сказал.

Ляля писала и думала, что он назвал ее Ольгой Михайловной, и нет и не могло быть в ее жизни ничего худшего, чем эта самая Ольга Михайловна!..

– Раз, два, три, четыре, – считала Никифорова. – Лялочка, чашек не хватает!

– Там, внизу, еще есть. Их только ополоснуть надо...

Никифорова присела и распахнула нижнюю створку старинного буфета. Створка скрипнула. Снег продолжал валить, и Озеров заметил, как Валерия быстро и незаметно зевнула в кулачок – словно кошка.

Зря он назначил эту читку. Нужно было репетировать прямо на сцене, как обычно. Сцена артистам привычнее, роднее. С другой стороны, их обязательно нужно чем-то занять, отвлечь – натуры тонкие, а завтра похороны...

Что-то звякнуло, брякнулось, Марина Никифорова ойкнула, и все оглянулись на нее.

– Ляля, там в чашке ключи какие-то...

Марина поднялась с корточек и аккуратно положила на стол рядом с чашками большую связку ключей.

Ляля взглянула и отвернулась – она наливала в чайник кипяток.

– Подождите, это же... Это же Виталия Васильевича ключи! Верховенцева!..

Озеров оглянулся, а Федя Величковский выскочил из своего угла.

– Ну да, – сказала Валерия громко, встала и подошла. – И брелок его, он из Мюнхена привез, всем нам эти пивные кружки дурацкие дарил! Ну?! Это же его ключи!

– Точно, его, – пробормотал Ваня Есаулов. – Я помню.

– Как они здесь оказались?! Ляля, он что, давал тебе свои ключи?

– Кто?

– Верховенцев!

– Нет, – сказала Ляля удивленно. – Конечно, нет!..

Алина выхватила из кармана телефон и нажала кнопку.

– Папа, – скороговоркой выпалила она. – Подойди к нам сюда, в литературную часть. Прямо сейчас!..

– Но они в чашке лежали! – продолжала Марина Никифорова. – Я взяла чашку, а там... Они вывалились на пол, ну, вы видели!..

Роман Земсков взглянул на связку и отвернулся.

– Я не знаю, – растерянно сказала Ляля, – он мне никогда своих ключей не давал... И я никогда...

– Да, но они – вот! Как они сюда попали?

– Хорошего всем дня, – из дверного проема провозгласил Юрий Иванович. Он тяжело дышал и был бледен нездоровой бледностью, но бодрился и потирал руки, как будто в предвкушении чего-то приятного. – Что тут у нас такое?

– Нашлись ключи Верховенцева, – равнодушно сообщила Лера Дорожкина. – Вот они. У Ольги Михайловны в чашке были припрятаны.

– Как?!

– Я не прятала никаких ключей! Я не знаю, откуда они взялись!

– Должно быть, от Виталия Васильевича. Может, это он сам в чашку их положил? Или вы их у него вытащили?

Несчастный директор перестал потирать руки, подошел и взял связку.

– Точно, его ключи, – заключил он убитым голосом. – И брелок его... Кружка пивная, помнится, он его из Германии привез... Вот этот от кабинета, этот от репзала, эти от наружных дверей, а этот...

– Юриваныч, – очень быстро и неубедительно сказала Ляля, – я их никогда в руки не брала, я не знаю, как они там оказались, в этой чашке!..

– Поня-ятно, – протянула Марина Никифорова, и они с Валерией обменялись понимающими взглядами, как две закадычные подружки. – Теперь все поня-ятно...

– Ничего не понятно! – тихим голосом крикнул Юрий Иванович. – Ляля, объясни мне...

– Я не знаю, – пролепетала Ляля Вершинина и затряслась. – Я понятия не имею... честное слово... откуда... у меня кабинет всегда заперт... не всегда, но когда меня нет...

– Денежки, значит, вот как пропали, – будто подытожила Валерия. – Надо же, я и подумать не могла...

Федя Величковский по-собачьи стал на колени и сунул голову в буфет.

– Я не брала денег!

– Да и ключиков тоже не брала, – кивнула Валерия. – И в чашку их не прятала!

– Лера, замолчи, – сквозь зубы процедил Роман Земсков. – Замолчи, и все!

Она усмехнулась. Щеки у нее порозовели.

– Ну, я так понимаю, репетиция отменяется, – сказала она почти весело. – Здесь сейчас начнутся следственные действия, и всем будет не до нас, грешных. Можно идти?..

И поднялась.

Очень хороша, мимоходом подумал Максим Озеров. Ни капли грима, только, пожалуй, еле заметный акцент на глаза. Уместный наряд – узкие джинсы, свободный серый свитер, мягкий шарф. Небрежная прическа, заколотая как будто наспех. По опыту общения с разного рода актрисами, певицами и ведущими он знал, сколько сил, времени и упорства требует такая небрежность.

Валерия Дорожкина к сегодняшней встрече с коллегами подготовилась очень тщательно и с умом.

Дверь распахнулась, и в помещение заглянул Валерий Ключкин, оказавшись с Валерией нос к носу. Она отступила, как будто ей плюнули в лицо.

– Юриваныч, мне в приемной сказали, что вы здесь. Акты подпишите, сейчас машина придет, – не глядя на Валерию, произнес Ключкин.

– Какие акты! Ольга Михайловна, ты мне скажи только, как ключи могли к тебе попасть?!

– Отстаньте от нее, – повысил голос Роман. – Вы же знаете, что она ни при чем!

– Ни при чем, а ключи в чашке, – вздохнула Алина.

– А что? – заинтересовался и обрадовался Ключкин. – Ключи от сейфа нашлись?

Он сунул свои бумаги на полку, подошел и тоже стал смотреть.

Федя Величковский выбрался из буфета и собрался что-то сказать, но Озеров похлопал его по спине, и тот послушно закрыл рот.

– Юрий Иванович, забирайте связку, – распорядился он. – Ольга Михайловна, разливайте чай. Мы продолжаем работу.

– О чем вы говорите, – Валерия покачала головой, сожалея о том, что столичный режиссер так туп, – какая теперь работа...

– Юрий Иванович без нас решит, что делать. У нас свои задачи, послезавтра запись.

Директор проворно спрятал связку в карман, как будто она могла прожечь в столе дыру.

– Ольга Михайловна, пойдете со мной.

Ляля, ни на кого не глядя, подхватила свою сумку – как арестант, которого ведут в тюрьму, – и вышла следом за директором. За ними, забрав свои акты, вышел Ключкин.

Дверь тихо притворилась.

– Итак, – Максим Озеров отлистал свой экземпляр распечатки на нужное место. – Дамы, может быть, кто-нибудь все-таки нальет нам чаю? Сцена шестидесятая, дьякон и фон Корен на набережной, затем доктор Самойленко. Ваня Есаулов начинает.

– Балаган, – себе под нос сказала Марина Никифорова. – Все равно никто не сможет!..

На нее шикнул пожилой актер с трудной фамилией, игравший доктора Самойленко.

Федя Величковский пристроился у самой двери, и когда Максим в очередной раз поднял глаза, его уже не было – исчез, испарился.

Озеров дотянул репетицию до пяти часов, пересилив артистов, которые думали только о том, что, оказывается, Ляля Вершинина стянула из директорского сейфа деньги и мало ли каких еще наделала дел!.. Он гнул свое, останавливал их, заставлял читать сначала, поправлял, подолгу молчал, когда заканчивались сцены, потом произносил длинные речи, хвалил, ругал, перечитывал за всех, говорил: «Совсем не туда!» И это означало, что нужно перечитывать заново, что интонация выбрана неправильная, акценты расставлены не так и вообще все наперекосяк, или говорил: «Правильное направление», и из этого следовало, что все неплохо, но нужно повторить еще раз. Или два, или три...

К тому моменту, когда он их отпустил, все устали так, что не могли говорить – в прямом смысле слова языки заплетались.

Озеров, оставшись в кабинете один, выключил электричество, подошел к окну, за которым сумерки уже почти перетекли в ночь, потер глаза. В кабинете было темно, приятно, и только из коридора на старинный паркет падал желтый свет. Эта желтизна раздражала, казалось, что именно от нее болит голова и сохнет во рту. Максим взял со стола чайник и попил из носика.

...Что за странные и необъяснимые события здесь происходят?!

– Что скажете, Максим Викторович?..

– Заходи, Федя.

Сзади произошло какое-то движение, и раздражающая желтизна слилась в узкий ручеек, а потом совсем исчезла. Очевидно, Величковский закрыл за собой дверь.

– Ляля в кабинете Юриваныча, – сообщил Федя. – Она его уговаривает, что нужно поехать в ментовку и сдать ключи. Как ценный вещдок. Он ни в какую. Он говорит, что не хочет втягивать ее в историю.

– То есть она настаивает на огласке и обращении в полицию, а он ее покрывает.

– Какая огласка, господин режиссер?! Весь театр уже в курсе. К вечеру в курсе будет весь город! Там еще чай есть?

Озеров пожал плечами. Федя подошел и тоже побулькал немного из носика.

– Моя мамаша всегда нам с папашей выговоры делает, когда мы так из чайника лакаем, – выпалил он и утер губы. – Холодный, а жжется что-то.

– Там имбирь.

– Слушайте, неужели вы верите, что эта малахольная Ольга Михайловна сперла из директорского сейфа деньги?!

– Я не знаю, кто спер деньги, но вчера в этом буфете никакой связки не было. И это я знаю точно.

Федя помолчал, потом выдохнул страстно:

– Откуда?!

– Я вчера заглядывал в буфет. Створка открылась, я присел и заглянул, а потом ее закрыл. Там в ряд стояли четыре чашки, а сзади блюдца. Чашки были абсолютно пустые. Это точно.

– То есть...

– Подожди, не перебивай. Мы вместе отсюда вышли, она на моих глазах заперла дверь. Утром мы пришли к директору и застали у него Лялю. Если ты помнишь, еще решали, где будем читать – в репетиционном зале или здесь. Пришли сюда, она при нас отпирала дверь. Какой вывод из этого мы делаем?

– Какой?

– Связку подложили или вчера поздно вечером, или сегодня утром.

– Кто подложил?

– Федь, ну что ты как маленький? Откуда я знаю?

– Это явная подстава, – заключил Федя Величковский, и Максим кивнул.

Помолчали.

– Выходит, прав Юриваныч, что не хочет везти ключи ментам. Кто там станет доискиваться, как связка попала в буфет!.. Они сделают линейный вывод – раз ключи нашлись у Вершининой, значит, она их утащила у Верховенцева.

– Выходит, – подхватил Федя, – Юриваныч знает, что никаких ключей Ляля не таскала. Откуда он знает?

– Возможно, он ей верит.

– Или знает, кто утащил, и уверен, что это не она.

– Или так, – согласился Озеров.

– Между прочим, у Екклезиаста сказано, – начал Величковский: – «Кто любит серебро, тот не насытится серебром». Это я к тому, что мало того, что серебро украдено, еще и человек убит. Тот, кто подставляет Лялю, хочет свалить на нее убийство тоже?

– Убить мог один человек, а украсть совершенно другой.

– А третий разгромил костюмерную?.. Что-то их до фига получается, Максим Викторович!

– Надо поговорить с Лялей, вот что, – решил Максим. – Пошли, Федя. Или нет, ты лучше седи здесь и сторожи, а то ей еще чего-нибудь подбросят.

– Пузырь с ядом? – предположил Федя безмятежно.

– А я ее найду.

– Не хочу я сторожить!

– Придется.

Сторожить не пришлось. Дверь распахнулась, вспыхнул свет, Максим зажмурился, и Ляля Вершинина протянула убитым голосом:

– А, это вы...

– Это мы, – жизнерадостно отозвался Федя. – Ольга Михайловна, хотите холодного чаю?

– Мне домой нужно, – не обращая внимания на него, сказала Ляля.

– Мы сейчас уйдем. Мы просто вас ждали.

– Спасибо, что продержали народ так долго, Максим Викторович, – продолжала Ляля. –

Если бы сразу отпустили, пропала бы я.

Озеров собрал со стола свой экземпляр «Дуэли» и кое-как затолкал в папку.

– Как к вам в буфет попала связка ключей Верховенцева? – спросил он.

Она пожала плечами.

– На ней есть ключ от директорского сейфа?

Ляля кивнула.

– Точно есть?

– Юриваныч так сказал. Он мне даже его показал!.. Вот, говорит, ключ от сейфа. Их всего два и есть, у него самого и у Виталия Васильевича на связке.

– Что он решил? Отвезти связку следователю?

Ляля аккуратно составляла чашки на маленький столик, где были самовар и сахарница, и ответила, только когда поставила последнюю:

– Я не знаю. Он считает, что эта связка только еще больше запутает дело. Он не хочет никакого лишнего шума и очень жалеет... наш театр.

Федя на заднем плане слегка фыркнул. Ляля не обратила внимания.

Она подошла к полке, порылась и вдруг забеспокоилась:

– Вот здесь... я положила бумаги. Днем, когда чай стали накрывать. Вы не видели?

Озеров и Величковский переглянулись. Они не видели.

– Но как же так, там три листка исписанных! Кто мог их забрать?

– Никто не мог, – сказал Федя. – Кому они нужны? А что в них? План работы на следующий квартал?

Ляля копалась в бумагах.

– Нету, – убитым голосом сказала она наконец. – Куда они делись? Это очень личные записи!..

Максим вздохнул. Она его раздражала.

– Посмотрите в сумке, в столе. К директору вы их точно не брали?

Ляля потрясла головой и огляделась по сторонам.

– Найдутся, – сказал Озеров с нажимом. – Не сегодня, так завтра. Пойдемте?..

В пустом коридоре Максим спросил негромко:

– А нижний замок работает?

Ляля посмотрела на свою дверь, словно пытаясь определить, есть ли в ней нижний замок.

– Нет, наверное. Я никогда его не закрываю, и ключа от него нет.

Озеров покрутил медную ручку, слегка заляпанную краской, – видно, попала, когда кра- сили дверь или стены. Ручка с трудом поддавалась, и язычок замка высовывался и исчезал, как будто дразнился.

– Что вы хотите сделать, шеф? – заинтересовался Федя.

Максим победил наконец замок и с силой захлопнул дверь.

– Да что вы?! – сказала Ляля устало. – Зачем? Как я завтра открою? Я же вам говорю – от этого замка и ключа-то нет.

– Вызовем слесаря и откроем.

– Вы опасаетесь продолжения диверсий? – осведомился Федя Величковский. – Вряд ли они последуют! В одну воронку, как известно, бомба дважды не попадает.

– Береженого бог бережет.

Втроем они спустились по лестнице, и Ляля расписалась в толстом журнале, лежавшем на конторке перед вахтером.

В узкой нише приваленные один к другому стояли похоронные венки.

– Похороны перенесли, – сообщила Ляля, когда они оказались на улице. – Теперь только когда следствие разрешит выдать тело, а когда оно разрешит, никто не знает.

– Мы вас подвезем, – предложил Озеров.

Ляля замотала было головой, но тут из сумерек окликнули:

– Извините, пожалуйста! – и появилась Василиса. Курточка на ней была совсем мокрой от снега, видимо, она долго ждала. – Федя, можно с вами поговорить? – Она сглотнула и выпалила: – Наедине!

Величковский так удивился, что все заметили это удивление, и Василиса заметила тоже.

– Недолго, – упавшим голосом добавила она. – Это... по делу.

– Ну, конечно! – воскликнул Федя, которому стало неловко. – Конечно, можно! Максим Викторович, пардон, я отозван по делу, буду позже!

Он выставил руку калачиком, чтобы Василиса взяла его под локоть, она не взяла, и они пошли вдоль стены театра – очень высокий Федя и сгорбленная Василиса в мокрой куртке.

Озеров и Ляля проводили их глазами.

– Хорошая девочка, – сказала Ляля зачем-то. – Старательная, и театр очень любит. Бабушка у нее болеет, а денег на операцию нет.

– Денег? – переспросил Максим машинально.

– Да, дорогая операция. Ждут квоту или что-то такое, я не вникала, так по слухам...

...У хорошей девочки Василисы нет денег на дорогую операцию, а у директора в сейфе их полно. Может, это важно? Может, об этом нужно подумать?..

...И зачем ей понадобился мой Федька? Да еще... секретно! Она его едва знает! Романтический интерес или что-то другое?..

– Я вас все-таки подвезу, – чтобы отделаться от этих мыслей, Максим заговорил громко и уверенно: – Снег валит! У вас часто бывают такие метели?

Ляля пожалала плечами. Ей не хотелось ехать с посторонним человеком, вести с ним пустые разговоры, еще – не дай бог! – сочувствие принимать!.. Или, наоборот, думать, что он ее подозревает – ведь ключи-то у нее в буфете нашлись! Но сопротивляться не было сил. Ей ничего не хотелось.

...Не хочу!

Видимо, она произнесла это вслух, потому что столичный режиссер громко ответил, что это все ерунда, и распахнул перед ней дверь высокой машины.

Ляля неловко забралась внутрь.

В салоне было тепло и хорошо пахло. Сразу стало понятно, что здесь – мужской мир. Между креслами втиснуты здоровые замшевые перчатки с немного вытертым мехом, в решетку отопителя лобового стекла засунуты дужками две пары темных очков, явно мужских, приемник настроен на радио «Максимум», сразу грянувшее рок, как только Озеров запустил двигатель, на заднем сиденье навалены растрепанные журналы, а сверху брошена карта области, потертая на сгибах. На полу позади кресла громоздились серые поношенные валенки – зачем они там?..

Почему-то эти самые валенки вдруг добавили Ляле оптимизма, как будто она в незнакомой толпе разглядела приветливое и милое лицо.

Максим вырулил со стоянки и потихоньку покатыл вниз, под горку. В таком снегу ездить по горам ему было непривычно, даже немного страшно.

– Красивый у вас город, – сказал он, думая о снеговой каше под колесами, – весь на холмах.

– Красивый, – согласилась Ляля. – На следующем светофоре направо и под мост. А там близко.

Максим медленно и аккуратно повернул. Так медленно и аккуратно, что сзади ему посигналили нетерпеливые местные водители.

– Ляля, – начал Максим, – а вот по-честному: вы не знаете, кто отравил Верховенцева, украл деньги и хочет свалить все на вас?

– Нет, не знаю, – сразу же, без раздумий отозвалась она. И добавила: – Вы меня не спрашивайте ни о чем, Максим Викторович. Мне сейчас... не до этого.

Озеров перестроился в правый ряд и еще сбавил скорость.

– Как же? – спросил он, помолчав. – Нет, вы не подумайте, что я из праздного любопытства... Но даже мне трудно... отстраниться! У вас в театре убили главного режиссера, с которым, как я понимаю, вы проработали много лет. Пропали деньги, большие. Вы каким-то образом во все это замешаны, и вам... дела нет?!

– Вы ничего не знаете.

– Чего я не знаю?

– Я, наверное, уйду из театра.

– Как?! – поразился Максим Викторович. – И вы?! Ваша звезда Роман Земсков тоже директора пугал, что уходит!

Ляля Вершинина потрогала перчатки, втиснутые между креслами. Они были мягкие, приятные на ощупь.

– Я его на самом деле люблю, – сказала она Максиму. – Я раньше думала, что так бывает только в книгах. Ну, в литературе!.. Я большой специалист по литературе. А оказалось, нет, не только. Вот вы! Вы кого-нибудь любите?

– Люблю, – быстро ответил Максим.

– Именно так, как положено? Как в книжках написано? Правильно?

– Я не знаю, как правильно.

– И я раньше не знала, а теперь знаю, – сообщила Ляля и улыбнулась.

Говорить с малознакомым человеком о любви ей было легко и приятно. Вот так бы ехать еще десять лет под снегом и говорить о любви. А через десять лет остановиться, выйти, оглядеться, понять, что зима миновала, лето в разгаре, и перед глазами до самого горизонта простирается подсолнуховое поле, и так, оказывается, прекрасно жить, когда подсолнуховое поле до горизонта, и небо синее, горячее, и пахнет землей и разогретым асфальтом, и где-то там, над полем – жаворонки.

Всего-то и нужно – десять лет говорить о любви.

– Все как-то сразу навалилось, – продолжала она, возвращаясь со своего подсолнухового поля в темноту чужой машины. – В другое время я бы, наверное, тоже была озабочена, бегала к Юриванычу, всякие версии придумывала бы. А сейчас... мне все равно.

– Почему?

– Господи, я же вам объясняю! Из-за любви! Я его люблю, именно так, как надо, правильно! А он мне сказал, что никогда так не любил.

– Кто, директор? – помолчав, осведомился Максим.

– Да при чем здесь директор!

– А кто, выходит, не любил?

– Ромка, – ответила Ляля и улыбнулась. – Вы же не знаете!.. И никто не знает. Он сказал, что уходит от меня, и ушел. И еще сказал, что никогда не любил так, как надо! А я думала вот уже два... или сколько... два дня, и поняла, что я-то как раз его люблю по-настоящему. И буду любить всегда, – добавила она твердо, как будто Озеров собирался оспаривать ее право всегда любить Ромку, надо понимать, артиста Земскова.

...И что нужно говорить? Что-то спрашивать? Как-то утешать?

– Вы не поймете, – продолжала она. – Потому что сами не знаете, правильная у вас любовь или самая обыкновенная. А может, и вообще не любовь никакая!.. Не поймете. Вы просто поверьте – мне никакого дела нет, кто Верховенцева отравил, кто деньги украл. Это такие глупые мелочи! Ну, найдут того, кто отравил, а может, и деньги найдут. Ну и что? Ничего уже не вернется. Жизнь не вернется. Она кончилась, и больше ничего не будет.

– Н-да, – сказал Озеров.

...Нет, он предполагал, конечно, что у Ляли Вершининой случилась какая-то личная драма – всем своим видом она наводила на мысль о драме, – но не подозревал, что рана так свежа. И не предполагал, что «жизнь не вернется» – разные ведь бывают драмы!..

– Вон Егор, сосед мой, тоже не понимает. Он считает, раз Ромка мне по хозяйству не помогал, значит, любить его я не должна, не заслужил! – Она засмеялась. – И как ему объяснить, что ни при чем тут хозяйство! Вообще никто и ничто ни при чем! В нем была вся моя жизнь. Вот вся-вся, каждая секунда была – его. А теперь ничья. И без него мне ничего не нужно и ничего не будет нужно. Я же знаю себя.

Почему-то Максим пришел в раздражение – моментальное и острое, – хотя ничего особенного она не сказала.

– То есть вы согласны, чтобы вас обвинили в воровстве, потому что ваша жизнь вас теперь не интересует, потому что она не интересует Романа Земскова, потому что он вас разлюбил.

– Ну да, – согласилась Ляля, обрадованная тем, что он наконец-то понял. – Так и есть.

– Мило, – оценил Максим, вспомнив манеру Феде Величковского.

– Мы приехали, вон видите ворота?..

Сильный фонарь заливал тихую улочку, похожую на деревенскую, синим светом. Под фонарем какой-то человек истома махал лопатой, расчищал дорожку, Озеров подумал, что он, должно быть, ненормальный. Какой смысл махать лопатой в самый снегопад?!

– Ну, спасибо, что подвезли. До завтра.

Ляля вылезла из машины и поплотнее затянула под подбородком платок. Обошла капот и нос к носу столкнулась со столичным режиссером.

– У меня к вам есть вопросы, – сказал он неприятным голосом. – Я не успел задать.

– Давайте завтра. Я не могу сейчас.

Она пошла к калитке по расчищенному снегу – видно, человек с лопатой и тут постарался.

– Доброго вечера!

Человек подходил из метели, и Максим узнал в нем соседа по директорской ложе, угощавшего их с Федей коньяком. По всей видимости, это он сомневался в хозяйственных способностях Романа Земскова.

Озеров сдернул перчатку и пожал широченную огненную лапу соседа.

– Георгий, – представился тот, – впрочем, мы люди знакомые. Ольга Михайловна, я там у тебя тоже почистил перед крыльцом!

– Спасибо. – Она уже почти скрылась за калиткой.

– Подожди, у меня дело к тебе!

– Не хочу, не надо, Егор. До свидания, Максим Викторович.

– Плохо! – оценил сосед и со всего размаха воткнул свою лопату в сугроб.

– Совсем плохо, – поддержал его Озеров и накинул капюшон. Федина шапка «Пар всему голова» сейчас пришлась бы очень кстати.

– Так ведь я от нее по-любому не отстану, – сообщил Георгий, как будто продолжая давно начатый разговор. – Она, дурочка, думает, если дверь замкнет или вон калитку запрет, так я и не приду. А что ж, я ее брошу, что ли?! Еще утопится, она может.

– Утопиться может?

Георгий энергично кивнул и отер со лба пот – ему было жарко.

– Чего там у них за канитель, на театре-то? Вы ж наверняка знаете!

– Знаю, – согласился Озеров. – Как по отчеству, я забыл? Георгий Александрович?

– Алексеевич! Да не надо отчества! Называй Егором! Или тебе по московской привычке несподручно?

– Ничего, нормально. В театре, Егор, хорошего мало. Неразбериха и полное замешательство. Тайфун. А соседка твоя прямо посередине!..

– Пойдем поговорим? – предложил Георгий, подумав. – Водки выпьем!

– Да я за рулем.

– А руль твой мы на участок загоним. Вон сейчас ворота-ну откачу, и заезжай! Сегодня водки выпьем, а завтра руль заберешь! Чего тут, все рядом, и театр, и гостиница твоя!

...И почему-то Озеров согласился! Не то чтоб его тянуло выпить, и именно водки, и непременно с полужнакомым человеком, и обязательно с неудобствами – бросать машину на чужом дворе, с утра забирать ее, а сегодня еще как-то до гостиницы добираться, хоть она и рядом, но добираться как-то все равно придется! Но ему хотелось... разговоров: чужих секретов, странных тайн, неожиданных признаний. Незаметно для себя он как будто втянулся в пьесу о любви и смерти, втянулся до такой степени, что каким-то образом перемахнул барьер, и теперь сам играет на сцене среди актеров, и ему верится, что все происходящее – правда, что здесь, на сцене, и есть настоящая жизнь, а за бархатным ограждением – лишь зрительный зал, и от него, Озерова, зависит, поймут те, кто в зале, в чем смысл жизни, или нет!..

В доме было тепло и пахло печкой и как будто овчиной. Впрочем, овчина вскоре разъяснилась: на дощатом полу в комнате лежали истоптанные шкуры.

– Это у меня заместо ковров, – пояснил Георгий, хотя Озеров ни о чем не спрашивал. – Вон я по телевизору недавно передачу про ремонт смотрел, так там говорили, что ковры только мусульмане обожают, тогда выходит, мы все тут мусульмане!.. Дует сильно, а дома-то старые, кругом щели! Так у нас у всех ковры, только у меня, видишь, шкуры. Мне Серега-фермер по дешевке подгоняет. Удобно и, главное, тепло не выдувает. Ты садись, а я ужин соберу. Судак заливной есть, ты как? Любитель?

Озеров сказал, что любитель.

– Вот и хорошо. На закуску он первое дело.

В комнате с овечьими шкурами находились еще ковровый продавленный диван, книжный шкаф с волнистыми зелеными стеклами, овальный стол с откинутой до половины скатертью. На скатерти стояли стакан и какие-то пузырьки, а на другой половине навалены всякие нужные вещи – паяльник, пассатижи, жестянка с канифолью, мотки медной проволоки, кусачки и мелкие гвоздики в коробке из-под печенья.

– А куда мне всю эту музыку девать? – удивился Георгий, хотя Озеров ни о чем его не спрашивал. – Тут хоть свет хороший, прям под лампой! В гараже холодно, я по зимнему времени всегда здесь работаю. Хочу летом верстак организовать в доме. Места ему никак не придумаю. Ну-ка прими, прими отсюда склянки-то!..

Максим собрал со скатерти пузырьки.

– Это я Ляльке прошлой ночью коктейль сооружал, видишь, капли успокоительные. Она тут у меня прямо на кухне и заснула. Я ее, правда, ухандокал – заставил дрова таскать, а потом еще снег чистить. А чего делать-то?.. Она сидит как истукан, лица нет на ней, одно сплошное... – он поискал слова, – горе горькое вместо лица!.. А все из-за артиста этого, чтоб ему сгореть, мать его так и эдак!..

– Я так понимаю, у них любовь была, а он от нее ушел.

– Да какая там любовь!.. Придурь была, а не любовь. Она с него пылинки сдувала, в глаза глядела, дыхнуть при нем не смела, а он только на диване лежал, а летом в качалке сидел. К роли, стало быть, готовился. Вот ты режиссер, да?

Озеров подтвердил, что он режиссер.

– Тогда скажи мне, разве так к роли готовятся? В качалке да на диване?

Озеров сказал, что готовятся по-разному.

– Ну, не знаю. Только никогда в жизни не поверю, что Евгений Леонов или там Михаил Ульянов напропалую в качалке лежали, а потом – ррраз!.. Что ни роль, то шедевр! Что ни фильм, то весь народ смотрит!

– Он что, как-то неожиданно от нее ушел?

– Слушай, режиссер, разве кто из них ожидает, когда их бросят?! Даже на театре такого не бывает! Они ж все надеются, что эти, твою мать, герои наконец-то их оценят и будут любить до самой могилы!.. Они дальше собственного носа не видят ничего! И Лялька ничего не видела! А этот пожил у нее годок с лишком, отдохнул от всего – она за ним убирала, стирала, подавала, наряжала его, как елку новогоднюю! Сама в каких-то тряпках ходит, а он у нее нарядный, с иголки – все ведь на свои деньги покупала! Ну, пожил он, надоело ему это дело, он и пошел – лучшей доли искать! А она... не в себе. Уж третий день не в себе. Я же вижу. Я ее всю жизнь знаю и... вижу. Давай по первой так, без тоста.

И они синхронно опрокинули водку. В граненых стаканах ее было налито прилично, по трети, не меньше. Максим проглотил с некоторым усилием – давно водки не пил, – и заел маринованным груздем. Плотные белые грузди лежали в миске пластинами.

– Бочковые, – объяснил Георгий, хотя Озеров ни о чем его не спрашивал. – У нас вокруг леса такие, что, если места знать, не бочку, а цистерну можно набрать. Вон я Ляльку летом возил, она в восторге была! Ну я, правда, за ягодой возил, за земляникой. Она на одной полянке разом полкорзинки набрала. – Лицо у него посветлело, сделалось добрым, приветливым, вспоминающим. – Мы машину-то на проселке оставили, поле перешли, только вошли в рощицу, а тут полянка эта! Березы вокруг, ромашки, просторно, бело все. И ни слепней тебе, ни комарья – божье место, правда. Утро было, не жарко еще, не маятно. Она как увидела ягоду-то, Егор, кричит, тут ступить от земляники некуда! Легла на живот и так собирала. Мы всего часа два с половиной походили, а полные корзинки набрали и на двоих бидончик маленький.

Озеров цеплял с тарелки заливного судака, жевал и слушал про бидончик. От водки ему стало тепло и уютно.

– А когда к машине вернулись, одеяло расстелили, припасы достали, и обед у нас был. Прямо под березами! Лялька чаю сделала целый термос и плюшек сладких напекла. А я картошки наварил, ну, огурчиков собрал, хлебца свежего тоже. Так мы еще два часа на этом одеяле просидели! Она потом на часы глянула – батюшки, время-то!..

...А у вас какая любовь, вспомнилось Максиму. Настоящая?.. Правильная?..

По всему видно, сосед Георгий Алексеевич сейчас тоже рассказывает историю про любовь, только вовсе про другую, про свою. И какая из двух наиболее правильная и настоящая?

– По мне, так свечку в церкви поставить надо, что он ушел-то. А она едва на ногах держится, так переживает. Слушай, ты сиди, я схожу за ней. Она упираться станет, конечно, но я все равно уговорю...

– Подожди, Егор, – сказал Озеров. – Мы вместе сходим и уговорим. Она при мне стесняется переживать, я человек посторонний!.. Ты мне скажи, у нее в театре есть враги? Кто-нибудь ее ненавидит или, может, презирает? Никому она дорогу не переходила – так, чтоб всерьез?

– Лялька дорогу? – поразился Георгий. – Да я ее с малолетства знаю, добрая она, как... как... щенок домашний! Добрая, честная, деликатная, а стойкая какая! Родители когда у нее болели, она что ни день, то в больнице, что ни ночь, то передачи какие-то готовит, еду специальную! И ни разу не пожаловалась, только все говорила – ничего, ничего, лишь бы живы! Я помогал, как мог, только чего я могу-то? Ну, отвезти-привезти, на рынок там, в магазин. Откуда у нее враги?

Она столько книжек перечитала умных, а в книжках пишут, как надо жить, – никому не мешать, всем помогать, всех любить, на своем месте стараться. Я так понимаю.

– Бывает, и так пишут, – сказал Максим, – а бывает, и по-другому. То есть врагов у нее нет?

– Да откуда они возьмутся-то?! Она что, кровавый карлик Чон-Дух Ван из Южной Кореи?! – Озеров усмехнулся. – Я тебе говорю – золотой она человек, редкий. Мало таких. И красивая!.. Если б ей пришлось посовременнее да меньше за всякими подонками ухаживать...

– Ей в кабинет подкинули улику. Да такую, против которой все твои славословия – чушь и ерунда.

– Какую такую улику? – перепугался сосед.

Озеров рассказал про связку ключей покойного Верховенцева, среди которых был ключ от сейфа, а из этого сейфа украли ни много ни мало полмиллиона рублей. Сосед слушал очень внимательно, даже жевать перестал.

– А она дверь при мне запирала и наутро при мне отпирала!..

– Так может, запасными кто открыл?

– Вот и я хочу выяснить, давала она кому-нибудь ключ от своего кабинета, или, может, потеряла недавно, или дубликаты делала!

– Пошли, – распорядился Георгий. – Сама ужинать ни за что не согласится, так мы ее в ковер завернем и доставим.

– Ты бы с ней... поосторожней, Георгий Алексеевич, – посоветовал Максим, поднимаясь из-за стола. – Сам говоришь, она деликатная и книжек много читала. Ты действуй, как в книжках написано.

– Смеешься? – осведомился сосед, но Озеров и не думал смеяться!..

Он уже обо всем догадался – о любви и не-любви, о совпадениях и не-совпадениях, о попытках защитить и помочь, и о том, насколько они неуклюжи, догадался тоже. Он понимал, что ничего не выйдет из этих попыток – Ляле слишком дорога ее книжная трагедия и ее придуманный герой, она ни за что не захочет с ними расстаться ради простой, земной, примитивной жизни и румяного деятельного соседа!..

...У вас правильная любовь? Настоящая?

Что более правильно – книжная трагедия или простая жизнь? Кто более настоящий – длинноволосый небритый гений или румяный сосед?..

– Стой, куда! Мы сейчас через калитку пройдем! Еще родители наши тут калитку устроили, чтоб к соседям быстрее попадать. Отец, бывало, ведро яблок наберет и соседям на крыльцо поставит. У них сад поменьше нашего, и яблони все осенние, ранних нет. Угощали.

Свет в Лялиных окнах не горел, только над крыльцом светила желтая лампочка.

– Наверняка на диване лежит, – пробормотал Георгий. – Она теперь почти все время так. Придет с работы, ляжет и лежит...

Дверь оказалась заперта.

– Что это она? Заперлась! Сроду мы двери не запираем!.. Или это она от меня? Я ей в прошлый раз говорю – на замок закроешься, так я в окошко влезу, долго ли!.. Ляля! Открывай! Открывай, соседка!

И загрохотал кулачищами.

А Озеров вдруг забеспокоился. Что-то его насторожило – то ли безмолвие и чернота дома, то ли свет единственной лампочки, показавшийся тревожным, то ли следы на дорожке, которую равномерно засыпал снег. Их было много, как будто Ляля приходила и уходила несколько раз!.. Или еще кто-то приходил и... уходил?

– Открывай, Ляля! Заснула ты, что ли?..

– Что-то не то, Георгий Алексеевич, – сказал Максим быстро. – Подожди, не грохочи.

Содрав с головы капюшон, он припал ухом к замочной скважине и прислушался. Ему показалось, что изнутри доносятся слабые потрескивания.

Кажется, сосед тоже расслышал, потому что спрыгнул с крыльца и побежал вокруг дома, увязая в снегу. Он добежал до лавочки, вскарабкался на нее, локтем высадил стекло, закрывая от брызнувших осколков лицо шапкой, и зашарил с той стороны в поисках шпингалета. С силой дернул раму раз, другой и, когда она распахнулась, прыгнул в темный дом.

– Ляля!

Вдалеке что-то светилось веселым оранжевым светом.

Расставшись с приезжим режиссером и соседом Атамановым, Ляля зашла в дом и посто-яла, прислушиваясь к привычным звукам. Шумел котел отопления, и в подполе что-то шур-шало – не дай бог, мыши завелись!.. Ляля пристроила на вешалку платок и пальто, мокрые от снега, один о другой стянула башмаки и, не зажигая света, прошла в комнату и легла на диван.

Повезло, что Егор отвлекся на режиссера. Хорошо бы он вообще о ней забыл – навсегда. Она не может и не хочет его видеть, и разговаривать у нее нет сил. Ей нужно пережить сегодня и дожить до завтра, хотя – зачем?.. Зачем доживать до завтра? Чем завтра будет отличаться от сегодня?..

Ромка на репетиции, когда Никифорова нашла эти злосчастные ключи, даже не попы-тался защитить ее, Лялю. Он не возмутился, не закричал, не стал требовать, чтобы Валерия Дорожкина перед ней извинилась. Кажется, он сказал ей, чтобы замолчала, и отвернулся.

...Так теперь будет всегда. Никто и никогда не станет ее защищать, потому что она никому не нужна. Она и сама себе больше не нужна. Наверное, это трудно понять Юриванычу, который все пытался ей объяснить, что нести ключи следователю никак нельзя, потому что Ляля попадет под подозрение. Но какая разница, попадет она или не попадет?.. Какая разница, что теперь будет с ней?.. Ее, Ляли Вершининой, не стало, и она прежняя никогда не вернется. Новое существо, поселившееся в ее теле – равнодушное, холодное, печальное, – никому не нужно и неинтересно.

Ляля закинула голову. Лежать было неудобно, но она не стала поправлять подушку – зачем?.. Ей и должно быть неудобно. Ей должно быть неудобно, мерзко, одиноко – и это пра-вильно! Это расплата за счастье.

...Кажется, она вчера уже думала об этом.

Дверь закрипела, и Ляля прислушалась, вынырнув из колючего пледа.

Должно быть, сосед пришел звать ее на водку с жареной картошкой. Или таскать дрова. Или грести снег. Или укрывать розы.

Ромка, милый, зачем ты отдал меня всем этим людям?! Которые знай себе пьют водку и жрут картошку и в руках отродясь не держали ничего, кроме лопаты?!

Ромка, милый, как мне жить среди них после того, как я пожила с... тобой? Ты же такой умный, такой странный. Ты прочел столько книг!.. Мы с тобой разговаривали так, как будто читали их вместе! Ты же все понимаешь и чувствуешь, как я сама.

Ромка, милый, как ты будешь один, без меня? Кого ты будешь смешить и пугать, неожиданно выпрыгнув из-за занавески! Помнишь, как ты напугал меня?! А помнишь, как ты вдруг стал шепелявить и шепелявил весь вечер, а я весь вечер хохотала, так это было весело и похоже на старичка-билетера из нашего театра! Кому ты станешь вслух декламировать «Снег идет и все в смятенье»?!

Со стороны коридора зашуршало, как будто змея проползла.

– Егор, – позвала Ляля, прикрывая пледом рот, – ну что ты там копошишься? Уйди, пожалуйста! Я к тебе не пойду, дорожки чистить не стану, и дрова свои ты сам перетаскаешь, и больше ты ко мне...

Договорить она не успела.

Плед сам по себе вырвался у нее из рук и закрутился вокруг головы и шеи. Сверху нава-лилось еще что-то, тяжелое и плотное, и не давало ей дышать. Ляля задергалась, вырываясь,

но плед держал ее крепко, со всех сторон. Ляля сопротивлялась сначала неуверенно, потом бешено, изо всех сил, и это бешеное сопротивление лишило ее остатков воздуха и сил. В глазах у нее стало светло, как днем, словно разошлись какие-то темные занавесы, и она подумала: все, это все.

...Она очнулась от приснившегося кошмара, стала хватать ртом воздух и резко села в темноте. Было очень неудобно и больно, и она никак не могла понять почему. Ляля закрутила головой, замычала и сбросила ноги с дивана.

Руки у нее были связаны за спиной. Вот в чем дело – руки связаны.

– Спокойно, – сказал из темноты неопределенный голос. – Не нужно лишних движений.

Ляля хотела кричать, но не смогла. Рука, непохожая на человеческую, вынырнула из мрака и взяла ее за горло. Воздуха опять не стало. Ляля забила ногами по полу.

– Спокойно, – повторил голос и слегка ослабил хватку. – Не надо кричать.

Ляля судорожно, со всхлипами задышала.

К ее рту приблизился стакан. В нем что-то плескалось.

– Пей.

Ляля замотала головой.

Не похожая на человеческую рука взяла ее за затылок, откинула голову, а другая полезла в рот и открыла его. Рука была покрыта шерстью и кололась.

– Глотай! – И стала лить воду ей в рот. Ляля начала захлебываться, а потом глотать, ей некуда было деваться.

Она выпила всю воду – на вкус она была горькой, – и призрак куда-то делся, а потом опять появился. Стакан у него в руке был снова полон.

– Давай.

И все повторилось. Сначала Ляля захлебывалась и кашляла, потом стала глотать.

– Вот и все, – сказал призрак. Лица его она не видела. – Ложись и жди. Сейчас у тебя все будет прекрасно.

И толкнул ее. Она повалилась на диван.

Он что-то делал, куда-то двигал ее стол.

– Помогите, – выговорила Ляля.

– Я помогаю, – ответил призрак и обернулся.

У него не было лица. Вместо лица черный провал.

– Помогите, – попросила Ляля еще раз. В глазах у нее вдруг все закачалось и поплыло, стало странно извиваться, удлиняться, вытягиваться, и голова с черным провалом вместо лица вытянулась, как лошадиная, и замоталась из стороны в сторону.

– Во-от и все-о-о, – низким басом протянула лошадиная голова.

Когда она замерла и вытянулась, человек в маске аккуратно развязал ей руки, веревку спрятал в карман, саму Лялю уложил получше – голову на подушку, а руки крестом на груди, и его вдруг развеселили эти сложенные руки.

Он поглядывался по сторонам, взял Лялину сумку и заглянул. Сумке отводилась *особая* роль.

Потом, хотя ему жаль было разрушать композицию, он поднял одну Лялину руку, вложил в нее стакан и отпустил. Рука упала, стакан покатился. Отлично.

Принесенная с собой свечка не понадобилась – у Ляли на пианино стояли толстые белые свечи в подсвечниках. Человек аккуратно побрызгал на шторы и скатерть из небольшого металлического баллона, подумал и облил еще стену шкафа. Зажег свечу и огляделся.

Все идеально.

Сгорит за несколько минут, и не останется никаких следов.

А если и останутся – у него все предусмотрено.

Он прошел к входной двери, задвинул щеколду и повернул замок. Взял Лялину сумку и повесил себе на локоть.

Тут ему стало окончательно легко и весело.

Он подумал, положил подсвечник на стол, от свечи поджег скатерть, по которой сразу побежал веселый голубоватый огонь и стал лизать бок шкафа. Человек бросил в огонь свечу, аккуратно вылез в ближайшее окно и плотно притворил его за собой. В сугробе могут остаться следы, но это не важно – от самого сугроба после пожара ничего не останется.

Человек размахнулся и швырнул подальше Лялину сумку. Она плюхнулась далеко и сразу утонула в снегу. Вот сумка как раз не должна пострадать. Ее должны будут найти, и все станет на свои места. Он еще оглянулся. В доме весело горело.

Вдоль стены, увязая по колено, – этот снег превратится в воду, и вода скроет все следы! – он добрался до крыльца, стянул с лица маску и пошел по дорожке к воротам.

Следы на дорожке через десять минут заметет. Да и не страшны ему никакие следы!

В тот самый момент, когда он выходил из ворот на улицу, сосед Атаманов и приезжий московский режиссер открывали калитку.

Если бы Озеров пошел, как хотел, через улицу, он бы встретился с человеком лицом к лицу. Но он пошел за Атамановым, и они не встретились.

Горело уже всю, полыхали шторы и стол, и кажется, потолок занялся тоже.

– Лялька, пожар! – ревел Атаманов. – Лялька, беги!..

В дыму и отсветах пламени он увидел ее на диване, взвалил на плечо и потащил из дома. Озеров секунду или две думал, потом содрал с дивана плед, кое-как обернул им руки и стал стаскивать горящие занавески. Он отворачивался от пламени и орал:

– Твою мать!.. Чтоб тебя!.. Мать твою!..

Он наконец сорвал занавески и вышвырнул в окно, которое как-то само по себе открылось, от жара, что ли. Туда же полетела скатерть. Старый стол тлел, и Озеров начал лупить по нему диванной подушкой, сбивая пламя. Оно сбивалось очень плохо.

Тут кто-то стал помогать ему с той стороны, с улицы – в окно полетели целые кучи снега. Они валились на пол и на стол, снег шипел, валил дым, и пламя отступало. Еще горел шкаф у стены.

– Кидай туда! – закричал Озеров, кашляя от дыма. Он сорвал оконную раму, чтобы удобнее было бросать снег.

– Давай сам! Там... Лялька! Может, жива?!

Озеров выпрыгнул в окно, в руке сама собой у него оказалась большая снеговая лопата. Он стал швырять снег в дом так, чтобы попадать в шкаф. Он швырял остервенело, изо всех сил, а огонь все горел и горел.

Из окна валил дым, Максим плохо видел, кашлял, отворачивался и все кидал, кидал. Потом, перевалившись через подоконник, влез обратно в дом и лопату за собой втянул. Внутри гарью пахло еще сильнее, он старался не дышать. Под окном на полу образовалась целая куча снега, и Озеров стал закидывать им тлеющий шкаф.

Шкаф он тушил долго.

Он не знал, несколько часов или суток, но в какой-то момент оказалось, что все кончилось. Больше не горит.

Свесившись в окно, он долго и надсадно кашлял, почти до рвоты, затем сообразил, что нужно вылезти на улицу. Он вылез, постоял, приходя в себя, потом побрел вдоль стены дома, держась за нее рукой.

Ляля, вдруг спохватился он. Егор кричал что-то про Лялю – может, жива?..

Некоторое время Федя и Василиса шли молча. Потом Феде это надоело, и он рассказал байку про один московский театр, где осуществляли революционную постановку Шекспира. Революционность заключалась в том, что все женские роли исполняли мужчины, а все мужские – женщины, а в финале на сцену выходил настоящий конь. И вот когда конь вышел, Федин папаша, которого мамаша потащила на революционную постановку, стал листать программку, чтобы узнать, кто исполняет роль коня, верблюд или осел.

Федя рассказал это довольно смешно, но Василиса не засмеялась, строго посмотрела на него и сказала, что у режиссеров подчас бывают разные идеи, иногда не слишком удачные, театр на то и существует, чтобы там была свобода самовыражения. То есть режиссер может делать на сцене все что угодно. Он творец.

– Но это нелогично, – возразил Федя. – Тогда на самом деле на роль коня нужно было пригласить осла. Или лося. Он бы выходил с табличкой «Конь». Нет, ну, согласитесь, Кузина Бетси! Если Беатриче – мужик с бородой и в брюках, тогда почему конь – конь?

– Я не знаю, – ответила Василиса. – Я же не видела спектакля!

– Мой отец тоже сказал, что лучше бы он его не видел, а спокойно писал монографию дома. Ему нужно было монографию сдавать.

Василиса остановилась и взяла Федю за рукав нелепой зеленой куртки.

– Мне кажется, я знаю, кто устроил погром в костюмерной, – выпалила она ему в лицо. – Нет, не знаю, а догадываюсь. Только это так страшно, что я никому, никому не могу сказать!

– Погром? – переспросил Федя, который не сразу переключился с истории про коня. – В костюмерной?

– Ну да, да, когда нас заперли на складе! Вернее, я не знаю, кто его устроил, но, кажется, знаю, из-за чего. Что мне теперь делать, Федор?

– Расскажите мне. А дальше подумаем.

– Да, но человек, может быть, ни в чем не виноват! Может, я все придумываю, а на самом деле...

– Если вы не расскажете, мы не узнаем, что было на самом деле.

Она отпустила его руку и пошла вперед, горбясь еще больше. Федя нагнал ее в два шага.

– Вась, послушай, – заговорил он. – Даже если твои догадки... – он поискал слово, – неверны, все равно их стоит обсудить. Ну, правда. Ты сама подумай.

– Все как будто перевернулось, – сказала Василиса убитым голосом. – Вся жизнь! Ляля утатила у Верховенцева ключи, значит, она взяла деньги! Как такое возможно? Зачем она это сделала? Почему она эти ключи дурацкие у себя в кабинете спрятала, а не выбросила... с моста в Волгу! Роман собирается уходить навсегда, он остался только до Нового года. Виталия Васильевича отравили. И все это – у нас?!

– Ты не торопись с выводами, – посоветовал Федя. – С ключами на самом деле ничего не понятно.

– Ах, да что там непонятного! – Василиса махнула рукой. – Весь театр знает, что это Ляля Вершинина, а она такая хорошая! И я!.. Если я сейчас расскажу про костюмерную, это значит, я человека предаю, да?

– Чушь, – уверенно заявил Федя.

– Почему, почему все так несправедливо?!

– Это ты о ложных обвинениях или вообще о жизни?

– Почему не бывает так, чтобы все хорошо? У нас же было хорошо, прекрасно просто! Мы так любим наш театр. И работу. У нас такая работа, лучше которой на свете нет! Мы все друг другу доверяли И любили! Нет, я знаю, что Валерия меня отчего-то терпеть не может и артистов против меня настраивает, но это не важно.

Она поскользнулась, и Федя поддержал ее под локоть.

– Хочешь, пойдем в кафе?

– Что ты, Федя, – перепугалась Василиса, – мне давно домой пора, меня бабушка ждет не дождется.

– Хорошо, излагай здесь и сейчас, – велел Федя. – И не скули, жизнь кончается не завтра. Может, все не так трагично, как ты себе навоображала. Хотя лучше бы в кафе, конечно. У меня ботинки «Тимберленд», они в принципе не промокают, – и он заскакал на одной ноге, вытянув вперед другую, чтобы Василиса оценила его ботинки. – Хорошо, что мокасины не надел, они хоть и меховые, а толку от них никакого. А у тебя вообще какие-то вьетнамки. Небось насквозь давно.

Василисины сапоги на самом деле давно промокли, как будто ледяная каша была не только снаружи, но и внутри. Надо будет носки от бабушки спрятать. Она все время беспокоится, что Василиса простудится и заболеет.

– И есть хочется! Тебе не хочется есть?

– Хочется, – призналась Василиса, думая о том, что жизнь, и без того довольно трудная, вдруг стала совсем безрадостной и опасной. Опасность заключается в том, что кто-то из тех, кому доверяешь и кого любишь или почти любишь, может вдруг подвести – оказаться врагом. Разве можно так жить, подозревая всех, кто рядом?..

– Тогда, может, все же в кафе, а? Там еду дадут! – спросил Федя, по-прежнему прыгая на одной ноге.

– В костюмерной искали то, что там прячет Софочка, – выпалила Василиса, и Федя перестал скакать. – А она прячет что-то очень серьезное и важное.

– Подожди, Софочка – это кто?

– Заведующая костюмерным цехом, боже мой!.. Ты ее видел в первый день, когда у нас скандал был!..

– А-а-а, на студень похожа!

– Она прекрасный костюмер, самый опытный! Она из ничего, из воздуха, из локутов каких-то и тряпок может такой костюм сделать, что...

– Да подожди, не кричи! Я же не говорю, что она плохой костюмер. Я говорю, что она похожа на...

– Ну и похожа! – совсем уж раскричалась Василиса. – Ну и что?! У нее диабет! Она на свои деньги импортный крахмал покупает, потому что наш пахнет плохо, и, например, Валерия Павловна костюм, от которого несет крахмалом, никогда не наденет! Софочка всегда в театре, даже когда у нее выходной! А знаешь, как она остальных гоняет, чтобы у артистов все было идеально! Чтоб артист перед спектаклем ни на что не отвлекался! Она и меня всему научила, хотя я никто, студентка на половинном окладе! И должности такой нет – помощник костюмера, а она меня взяла на работу, хотя я ничего, ничего не умела!

– Рассвирепела муха, как тигр, – откуда-то вспомнилось Феде. – Мы же совсем не про это говорим, Вася, душа моя! Пусть твоя Софочка сто раз прекрасный человек. Даже самый распрекрасный и расчудесный человек имеет полное право что-то прятать у себя в костюмерной! Усекла?

– Мне на автобус надо, – шмыгая носом, сказала Василиса. – Вон остановка.

– Я тебя провожу. Давай рассказывай! Что она прячет?

– Я никогда не видела, и она не рассказывала. Но я точно знаю, что прячет!..

...Василиса однажды принесла в костюмерный цех ворох звезд, сшитых вручную. Фея в детской сказке должна была осыпать звездами героев, и звезды должны были не падать на пол, а как-то оставаться на их костюмах и сиять. Долго думали, как это сделать, и решили нашить на обе стороны липучек, но так, чтобы их не было видно и они с гарантией цеплялись за одежду. Софочка сама и придумала!.. Звезд нужно было много, целый мешок, и они честно распределили работу на всех. Свои звезды Василиса дошивала дома – в цехе у нее не было своей швейной машинки, заготовки сделала Зинаида Павловна, а дома Василиса доделывала

остальное. Она принесла свои звезды в понедельник, когда никакого спектакля не было, и цех начинал работать в одиннадцать, а не в десять, как в другие дни. Директор Юрий Иванович хоть и добрый, но в вопросах дисциплины очень требовательный! Опозданий терпеть не мог, задержек всяких не признавал и устраивал за них разнос на совещаниях – если бутафоры или декораторы не укладывались в отведенное время! Костюмеры укладывались всегда.

Так вот, Василиса принесла свои звезды. Дверь в цех была заперта, никого не могло быть на работе так рано, она открыла ее своим ключом и вошла. И остолбенела.

Посреди цеха стояла перепуганная Софочка, прижимавшая к груди какую-то жестяную коробку, на вид очень старую. У Василисиной бабушки в такой коробке хранились нитки и всякие лоскутки. На крышке была нарисована розовая, как пастила, барышня, выглядывавшая из окна, и Василиса очень любила ее разглядывать. Барышня была немного стершейся и кое-где проржавевшей, но все равно прекрасной. Бабушка говорила, что в таких коробках когда-то хранили пудру, помаду и склянки с духами. У каждой уважающей себя женщины была такая!..

– Извините, – пробормотала Василиса. – Я не знала, что вы уже на работе, дверь почему-то закрыта. Я вот... звезды принесла...

– Выйди, – незнакомым голосом приказала Софочка. – Положи звезды и выйди.

Василиса сунула огромный и очень неудобный пакет, который она так бережно несла, на ближайший стул. Она ничего не понимала.

– А что случилось?

– Ничего не случилось. Выйди и закрой за собой дверь!

– На ключ? – поразилась Василиса.

Софочка решительно пошла на нее, она попятилась и вскоре оказалась в коридоре. Дверь захлопнулась.

Некоторое время – довольно долго! – Василиса бесцельно бродила по театру и очень переживала. Она не могла понять, за что Софочка так на нее рассердилась.

Она даже залезла на шестой этаж и выбралась на узкий чугунный мостик, проходивший над колосниками и соединявший две половины театра, правую и левую, «мужскую» и «женскую». Раньше, в старину, и гримерные были строго с разных сторон, а потом все перемешалось. Только цеха остались в соответствии с традициями: парикмахерский, костюмерный, пошивочный на «женской» стороне, а бутафорский, поделочный, декораторский и механическая мастерская на «мужской». Налегая животом на узкие чугунные перила, Василиса смотрела вниз, там далеко-далеко виднелась сцена, сейчас пустая. Она всегда страшно боялась высоты, даже со второго этажа старалась не выглядывать, а в театре совершенно не боялась! Она смотрела долго, пока не закружилась голова, и все думала, почему Софочка ее прогнала.

Потом в буфете она выпила сладкого чая с лимонным пирогом. Юрий Иванович устроил так, что актерский буфет был открыт всегда, ежедневно, не важно, есть ли спектакль, нет ли. Каждый, кто работал в театре, мог прийти и поесть в любой момент. Этим пользовались студенты из театрального общежития напротив, занятые в массовках и кордебалете. И Василиса пользовалась. В актерском буфете полный обед стоил восемьдесят рублей, а в самой дешевой кафешке рублей сто пятьдесят, вот и считайте!.. И повариха Тамара Семеновна, очень любившая театр и артистов, старалась изо всех сил. Щи у нее всегда были огненные и наваристые, котлеты величиной с ладонь, гречка рассыпалась одна к одной, и непременно кусок сливочного масла растекался по гречневой горке очень аппетитно. В пирогах всегда была щедрая начинка, и чай заваривали не из глупых пакетиков, а самый настоящий, рассыпной, и он получался янтарный, крепкий!..

Там, в буфете, ее и нашла встревоженная Софочка. Она вбежала, запыхавшаяся, увидела Василису за столиком и втиснулась рядом.

– Вот ты где! – сказала она виновато. – А я думаю, куда девочка пропала!..

– Я не пропала, – ответила Василиса, не зная, продолжать обижаться или перестать.

– Ты меня извини, извини, пожалуйста, – заговорила Софочка почти шепотом. – Я не ожидала, что ты так рано придешь! Я... просто... кое-какие ценные вещички... да какие ценные, всякую ерунду памятную на работе держу. Дома целыми днями нет никого, боюсь, вдруг украдут! Жулики какие-нибудь влезут и украдут. А отсюда-то уж точно не пропадет. Вот ты меня врасплох и застала!..

Василиса пожала плечами.

– Я достала, чтобы посмотреть... ну, полюбоваться, вспомнить, а тут вдруг дверь открылась, вот я и не сдержалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.